

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

В. В. КАЛАШНИКОВ

**ПРИЧИНЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1917–1991 гг.**

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2020

УДК 94(47):303.446.4

ББК ТЗ(2)771я43

К17

Калашников В. В.

К17 Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг.
СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. 276 с.

ISBN 978-5-7629-2755-0

Анализируются основные трактовки причин Русской революции 1917 г., созданные советскими историками в период с 1917 по 1991 г. Понимание и оценка революционных событий самым существенным образом влияет на решение вопросов исторической закономерности и необходимости Русской революции, ее объективных причин, противоречий и возможностей их разрешения.

УДК 94(47):303.446.4

ББК ТЗ(2)771я43

Рецензенты: кафедра русской истории Рос. гос. педагог. ун-та им. А. И. Герцена (проф. А. Б. Николаев); д-р экон. наук, проф. М. И. Воейков (Ин-т экономики РАН); д-р истор. наук, проф. Н. Н. Смирнов (СПб ин-т истории РАН).

ISBN 978-5-7629-2755-0

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Становление: историография 1920-х гг.	21
Глава 2. Историография сталинского периода.....	83
Глава 3. Хрущевское десятилетие: «Школа Сидорова».....	131
Глава 4. «Новое направление»: 1968–1974 гг.	186
Глава 5. Споры и итоги: 1974–1991 гг.	229
Заключение.....	272

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. Ее важность. Как следует из названия, эта работа написана в историографическом плане. Свою задачу автор видел в том, чтобы проанализировать основные трактовки, которые создавались советскими историками в период с 1917 по 1991 г. при рассмотрении *причин* Русской революции 1917 г.¹

Выбор объекта и предмета исследования обусловлен следующими обстоятельствами. Весь характер развития как отечественной, так и зарубежной историографии приводит к выводу о том, что понимание и оценка событий революции самым существенным образом зависят от трактовки ее предпосылок и причин. От этой трактовки зависит решение ключевых вопросов, в том числе и об *исторической закономерности и необходимости* Русской революции, как ее первого Февральского этапа, так и второго – Октябрьского. И действительно, не столь важны вопросы о том, *как* были свергнуты самодержавие и Временное правительство, сколь вопросы о том, *насколько закономерны и необходимы* были Февральская и Октябрьская революции с точки зрения коренных потребностей развития России в конкретной обстановке начала XX века.

Такая постановка вопроса ориентирует на то, что среди широкого спектра причин революции наиболее фундаментальное значение имеют причины *социально-экономического* характера, которые раскрывают, с одной стороны, *противоречия*, порождающие революцию, а с другой – определяют объективные *возможности* для разрешения этих противоречий. В этой связи проблема объективных причин революции переплетается с проблемой объективных предпосылок для решения ее задач. Фундаментальное значение причин *социально-экономического* характера обусловлено и тем, что в них объективно отражаются причины политического, субъективного характера. Понятно, что политика правящих классов самым существенным образом влияет на процессы социально-экономического развития страны, но объективный результат этой политики как раз и проявляется в складывающейся социально-экономической ситуации, которая либо порождает, либо устраняет опасность революционного взрыва. Исходя из этой посылки, автор в своем анализе обращается к политическим причинам Русской революции весьма ограниченно, только в связи с необходимостью оценки политики правящих классов с точки зрения ее влияния на формирование социальных и экономических

¹ Все выделения в тексте сделаны автором за исключением особо оговоренных.

предпосылок и причин революции. Это отнюдь не означает отрицания решающей роли субъективного фактора в определении конкретного хода конкретных событий. Речь идет только о том, чтобы оценивать эти конкретные события на фоне объективных и фундаментальных процессов.

В зарубежной и отечественной историографии никто из серьезных специалистов никогда не считал Русскую революцию простой случайностью. Доминировала позиция признания того, что в предвоенной России существовали острые социально-экономические и политические противоречия, которые были обострены дополнительными тяготами Первой мировой войны, что сделало революцию весьма вероятной и, по мнению немалого числа историков, даже неизбежной. Однако при этом историки разделились на две группы. В первую группу вошли те, кто утверждал, что в предвоенной России вследствие успешной социально-экономической политики правительства шел процесс увеличения социально-политической стабильности общества, и только война прервала этот позитивный тренд и создала революционную ситуацию. Такая позиция ставила под вопрос как закономерность, так и необходимость революции, по меньшей мере, в контексте *довоенной* истории.

Во вторую группу вошли те, кто полагал, что, напротив, в стране нарастали предпосылки для революционного взрыва, и война лишь усилила и придала особую остроту существовавшим противоречиям. С середины 1960-х гг. историков первой группы в западной историографии стали называть «оптимистами», вторых – «пессимистами». В новейшей историографии эти термины стали применяться и по отношению к российским историкам революции. Разная оценка «пессимистами» и «оптимистами» направленности социально-экономического развития России в предвоенный период прямо влияла на решение историками таких вопросов, как историческая необходимость или случайность Русской революции, а также на оценку роли ключевых фигур, которые боролись за воплощение разных стратегий развития России.

В советской историографии всегда доминировал тезис о закономерности и исторической необходимости как Февральской, так и Октябрьской революций. Тем не менее советские историки вели открытые и скрытые баталии по всем аспектам, связанным с трактовкой предпосылок и причин этих революций. Историографические баталии порой приобретали трагический характер и заканчивались репрессиями, как это было в 1930-е гг. В 1970-е гг. споры также были нелегкими и для некоторых участников заканчивались понижением в должности и увольнениями с работы.

В постсоветский период значительная часть историков отошли от советской историографической традиции и отказались от признания закономерности и исторической необходимости Октябрьской революции. Другие историки остались на прежних позициях. Следует отметить, что на трактовку смысла и значения Русской революции всегда самым существенным образом влияла *историческая ретроспектива*. Она и сейчас оказывает свое влияние, которое определяется явно не впечатляющими результатами развития постсоветской России за тридцать лет. Общий тон работ по истории Русской революции, написанных к ее столетней годовщине, существенно отличается от того, который доминировал в 1990-е годы.

В западной историографии активная дискуссия по вопросу о направленности процессов развития в предвоенной России началась в 1964 г. Причиной стала пространная статья «Проблема социальной стабильности в городской России, 1905–1917», написанная известным американским историком Л. Хаймсоном, который обосновал тезис о нарастании социально-политической нестабильности в предвоенной России². Точка зрения Хаймсона получила поддержку со стороны группы молодых исследователей. Их стали называть «ревизионистами» за стремление пересмотреть целый ряд позиций, сложившихся в западной историографии в разгар «холодной войны». Такой пересмотр вызвал недовольство со стороны консервативной части западных коллег. Американский историк Р. Пайпс в начале 1990-х гг. с негодованием писал: «за последние три десятилетия произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых послереволюционных лет. Господствующей в среде западных историков стала точка зрения, согласно которой *падение царизма*, равно как и *торжество большевизма* были *предопределены*»³.

Отметим, что Р. Пайпс явно упростил позицию советских историков и их зарубежных коллег из числа «ревизионистов», приписав им примитивный тезис о «предопределенности» падения царизма и торжества большевизма. Этот тезис *не доминировал* ни у «ревизионистов», ни в советской историографии. Советские историки, как правило, говорили не о «предопределенности», а о закономерности как Февральской, так и Октябрьской революции. Закономерность и предопределенность – разные понятия. Понятие «законо-

² Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905-1917 // Slavic Review. 1964. Dec. P. 619.

³ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М.; СПб.: Феникс, 1996. С. 10–11.

мерность» не исключает возможности альтернатив в историческом развитии и торжества «исторической случайности» на том или ином этапе закономерного исторического процесса. Понятие «предопределенность» отрицает альтернативность в истории, что ведет к заведомо упрощенной трактовке таких динамичных событий, как события революционного 1917 г. Напомним, что в теории исторического материализма, которая выступала для советских историков в качестве общей теории истории, нет понятия «предопределенность». Порой в работах советских историков появлялся термин «неизбежность» применительно и к Февральской и Октябрьской революциям, но он всегда трактовался в особом контексте: либо как аналог термина «закономерность», отражающий марксистский вывод об исторической неизбежности перехода от капитализма к социализму в принципе, либо как результат оценки конкретно-исторической ситуации, в которой свержение самодержавия и победа большевиков в реальных условиях, сложившихся соответственно в февральские и октябрьские дни, действительно выступали как наиболее вероятные, практически неизбежные события⁴.

Западные историки-«ревизионисты» редко использовали термин «предопределенность» и не пользовались термином «закономерность», считая его слишком марксистским. Чаще всего они рассматривали Русскую революцию как исторически обусловленный результат глубоких социально-экономических и политических конфликтов, которые нарастали (или, по крайней мере, не были ослаблены) в России в предвоенные годы.

После распада Советского Союза и ухода России с социалистического пути Р. Пайпс и его консервативные коллеги оказали существенное влияние на позиции как зарубежных, так и российских историков, и точка зрения «оптимистов» завоевала себе больше сторонников. В России в 1990-е гг. в их числе было мало авторитетных специалистов и много публицистов, писавших в духе нашумевших фильмов С. Говорухина «Так жить нельзя» и «Россия, которую мы потеряли». Реагируя на такие работы, известный ленинградский (петербургский) историк Р. Ш. Ганелин в одной из своих статей, написанных в 1990-е гг., с иронией обыграл названия фильмов С. Говорухина и напомнил, что слова «так жить нельзя» принадлежали царскому министру

⁴ Особенности трактовки этой проблемы в отечественной историографии были рассмотрены в статье автора. См.: Калашников В. В. Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года // Русская революция 1917 года. Проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2013. С. 59–74.

С. Ю. Витте⁵, который характеризовал ими отношение современников именно к дореволюционной России, к той, «которую мы потеряли»⁶. В научной среде спор между «пессимистами» и «оптимистами» приобрел серьезный характер после выхода в нулевые годы работ петербургского историка Б. Н. Миронова, который дал наиболее развернутое обоснование «оптимистической» точки зрения, усилив ее новыми аргументами. Спор принял острые формы, и его активная фаза завершилась полемической книгой Б. Н. Миронова «Страсти по революции». Книга действительно отразила такие страсти, после которых у большинства участников исчезло желание продолжать спорить. Тем не менее разногласия остаются. Трактовка причин Русской революции по-прежнему принадлежит к числу ключевых проблем в историографии и заслуживает внимательного анализа.

Поле историографического анализа. В этой книге автор ограничил свой анализ советской историографией причин Русской революции, т. е. работами советских историков, написанных в 1917–1991 гг. Такое желание возникло в связи с тем, что в постсоветский период сложилась устойчивая тенденция недооценки достижений советских историков. Конечно, современная наука далеко ушла от «эпохи Ельцина», характерной чертой которой был феномен историка Ю. Н. Афанасьева, который нельзя объяснить чисто научными причинами⁷. Тем не менее современные авторы нередко рассматривают работы советских историков как заведомо догматические, написанные с ущербных методологических позиций и поэтому недостойные внимания с точки зрения уровня развития современной науки. Не будем приводить примеры откровенно примитивных трактовок, предложенных современными авторами, которые намеренно или ненамеренно (в силу низкого уровня владения предметом) искажали позиции своих предшественников, а затем их успешно «разоблачали». Обратимся к более серьезным концепциям, которые, на первый взгляд, верно отражают позиции, доминировавшие в советской историографии причин Русской революции. Так, в ходе упомянутой дискуссии

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 332.

⁶ См.: Ганелин Р. Ш. Идея национального своеобразия России в государственном реформаторстве начала XX века // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов: сб. статей. М.: Объед. гуманитар. изд-во, 1997. С. 70.

⁷ Своеобразным памятником той эпохи служит сборник статей под редакцией Ю. Н. Афанасьева и его статья в сборнике, крайне негативно и необъективно оценивавшая советскую историографию. См.: Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М.: РГГУ, 1996.

между «оптимистами» и «пессимистами» известный петербургский историк Б. Н. Митронов неоднократно говорил о том, что советские историки, ставя вопрос о предпосылках и причинах Русской революции, исходили из «парадигмы *системного и перманентного кризиса* пореформенного российского общества», который с неизбежностью вел к революции. При этом понятие «системный кризис» Митронов раскрывал, как «такое состояние *социума*, взятого в совокупности и взаимодействии *всех структур и институтов*, когда его функционирование становится сначала затруднительным, а затем и *невозможным*»⁸. Приписав советским историкам такую «парадигму», Митронов легко ее разбивает, указывая на известные факты быстрого роста в предвоенной царской России промышленности, объемов сельскохозяйственной продукции, уровня образования и т. п.

«Парадигма», описанная Б. Н. Митроновым, лишь внешне похожа на ту концепцию, которую разделяли советские историки. Смее утверждать, что в советской историографии ни один из крупных историков не говорил о «*системном и перманентном кризисе* пореформенного российского общества», который якобы завел это общество («социум» по терминологии Митронова) в тупик. В основе советской историографии лежала теория революции, разработанная основоположниками исторического материализма. Согласно этой теории любая революция формационного масштаба являлась результатом *развития*: развития производительных сил, которые вступали в конфликт с устаревшими производственными отношениями и заменяли их новыми. Иными словами, в тупик могли зайти старые структуры и институты, потерявшие способность к развитию на прежней основе, но не «социум» в целом. Напротив, именно в ходе развития в рамках социума формировались новые социальные силы, структуры и институты, которые и обеспечивали победу революции. Следовательно, позитивные сдвиги в развитии царской России накануне революции сами по себе не являются доказательствами ненужности этой революции. Советские историки никогда не отрицали быстрые темпы развития царской России в предреволюционный период. Они видели в этом развитии процесс формирования материальных и социальных *предпосылок* для нового строя и *причин* для революции, которая стала результатом отказа старой власти от проведения назревших изменений путем реформ. Возможность реформ как средства предупреждения революций никогда не отрицалась. Напротив, имен-

⁸ Митронов Б. Н. Страсти по революции. М.: Весь мир, 2013. С. 19, 50, 65.

но в таком контексте рассматривались и крестьянская реформа Александра II, и Столыпинские реформы 1906–1911 гг., которые по признанию В. И. Ленина, а вслед за ним и многих советских историков, могли снять с повестки дня крестьянскую революцию в условиях длительного мирного развития. Повторим: для советских историков социальная революция являлась результатом общественного *прогресса*, а не *тупика*, в котором оказывалось общество *в целом*. Именно в таком контексте употреблялось понятие «кризис». Оно фиксировало факт нарастания конфликта между старым и новым. И если власть была не способна разрешить этот конфликт путем реформ, он превращался в революцию. Так было в России и во всех других странах. И так трактовали причины Русской революции не только советские историки. Об этом же говорил один из крупнейших отечественных историков начала века П. Н. Милюков, чья позиция тоже лишь внешне похожа на парадигму «перманентного» кризиса: «С шестидесятых, с сороковых годов, с конца XVIII столетия, – писал историк, – было очевидно, что *конфликт старой государственности* с новыми требованиями есть лишь *вопрос времени*»⁹. Отметим, что Милюков говорит об устарелости «старой государственности», а не о «тупике социума».

Явным упрощением страдает и второй тезис, выдвинутый Б. Н. Мироновым в ходе дискуссии: «Идея всеобщего кризиса России в 1895–1917 гг., несомненно, происходила от *ленинско-сталинской концепции* российского империализма как *военно-феодалного*, загнивающего, или паразитического, и *умирающего* капитализма»¹⁰. Ни у Ленина, ни у Сталина такой концепции не было. Миронов произвольно объединил ленинскую характеристику *мировой эпохи* империализма с его же характеристикой *царизма* и превратил эту смесь в трактовку российского капитализма, приписав ее советским историкам в качестве основной¹¹. Термин «военно-феодалный империализм» Ленин всего дважды упомянул (один раз в примечании) в работах 1915 г. для характеристики внешней политики царизма и самого царизма и более никогда к нему не возвращался. Иными словами, Ленин никогда не рассматривал

⁹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1921. С. 18; (далее: Милюков П. Н. История второй русской революции...).

¹⁰ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь мир, 2012. С. 39.

¹¹ См. об этом подробнее: Калашников В. В. Причины Русской революции 1917 года (о «парадигмах» советской историографии) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб.: РГПУ, 2018. С. 9–22.

«военно-феодалный империализм» как характеристику российского капитализма в предвоенный период и как характеристику российского общества того времени. Отметим отсутствие термина в ключевой работе Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», где изложены взгляды Ленина на эпоху империализма в целом и дана характеристика России в эту эпоху. Сталин единожды упомянул этот термин в 1924 г., сославшись на Ленина. Ряд историков (Н. Н. Ванаг, П. И. Лященко) в 1930–1940-е гг. действительно использовали его для характеристики российского империализма, а также российского общества в целом (базиса и надстройки), однако их трактовка не получила поддержки Сталина и не была включена в «Историю ВКП(б). Краткий курс» – каноническую книгу сталинской эпохи. После смерти Сталина позиция Ванага–Лященко была отброшена как ошибочная.

Неверные трактовки позиций советских историков наносят существенный ущерб развитию современной науки, делают многие ее достижения эфемерными. Интересы развития науки требуют преодоления такой практики.

Есть и еще одна причина, которая побуждает нас сосредоточиться на анализе советской историографии причин Русской революции. Она состоит в том, что сегодня эти ключевые проблемы ушли на второй план. Многие историки предпочитают заниматься другими темами, зачастую справедливо указывая на необходимость расширения поля для исследования. Многие просто обходят эти проблемы в силу их политической остроты. Обращаясь к советской историографии 1917–1991 гг. мы возвращаемся к тем проблемам, без которых невозможна интерпретация истории Русской революции, и приглашаем читателя к современному осмыслению работ, написанных несколько десятилетий назад.

Особенности авторского подхода. Для своего анализа автор отобрал те работы, которые, по его мнению, являются наиболее важными. Естественно, что этот выбор носит субъективный характер. Задача охватить как можно большее число работ сознательно отвергалась. Ограниченное число работ, отобранных для анализа, позволяло внятно изложить позицию того или иного историка и обозначить основные аргументы, приведенные в ее пользу.

Большое внимание автор уделил научным конференциям и симпозиумам. Формат таких форумов наиболее интересен, поскольку участники должны были в концентрированном виде излагать свои взгляды и защищать их в ходе возникавших дискуссий.

Автор, анализируя работы других историков, стремился не перегружать текст пространной критикой тех положений, с которыми он не согласен. Та-

кой подход был продиктован главной целью: показать *тенденции развития* историографии Русской революции. Тем не менее, позиция автора всегда ясно просматривается в тексте и проявляется в сравнительном анализе взглядов разных историков, ведущих полемику по тому или иному вопросу. В тех случаях, когда предложенный метод был недостаточным, автор излагал свою позицию в более развернутом виде.

Любая работа историографического плана предполагает обильное цитирование текстов, ставших предметом анализа. Чтобы не перегружать работу сносками, которые увеличивают объем и затрудняют чтение, автор часто дает сноски обобщенно, указывая в одной сноске на несколько страниц, содержащих приведенный (главным образом описательный) материал. Однако все принципиальные оценки сопровождалась точной отсылкой к тексту.

Уважительно относясь к своим предшественникам, которые занимались анализом советской историографии Русской революции, автор редко приводит их точки зрения. Причина в том, что наш историографический анализ, подчиненный решению конкретной задачи, практически во всех случаях в чем-то не совпадает с анализом тех же работ, предложенных другими историографами: либо потому, что они решали другие исследовательские задачи, либо по-другому понимали взгляды тех историков, кто стал предметом анализа. Разбор таких совпадений и несовпадений – отдельная, очень емкая и в большинстве случаев второстепенная задача. Например, уже в начале своей работы мы анализируем концепцию Русской революции, предложенную известным историком-марксистом М. Н. Покровским. К сегодняшнему дню историками написано немало работ, в которых даются самые разные оценки методологических и конкретно-исторических позиций М. Н. Покровского. Чтобы проанализировать эти оценки и обосновать свое согласие или несогласие с ними, понадобилась бы отдельная книга. То же самое можно сказать и о работах Н. А. Рожкова, П. И. Лященко и многих других крупных историков Русской революции. Выход из такого затруднительного положения видится в том, чтобы просто изложить свое понимание взглядов того или иного историка на избранную нами проблему и показать свое отношение к ним, предоставив коллегам возможность согласиться или не согласиться с нашим мнением. Автор не претендует на знание истины и готов учесть все аргументированные замечания. Он не претендует и на оригинальность всех высказанных положений и оценок, поскольку его работа отражает совокупный опыт многих поколений историков, изучавших эти проблемы. Строго говоря, со-

всем оригинальных оценок в новейшей историографии Русской революции нет и быть не может, ибо все возможные варианты *научной* трактовки ее событий были когда-то и кем-то высказаны. Задача историографа состоит в том, чтобы отобрать из этого наследия наиболее ценное, выдержавшее проверку временем и раскрытое опытом последующей истории. Конечно, у каждого историка есть свое видение того, что является ценным.

Терминология. Использование термина «Русская революция» требует от автора определить свою позицию в отношении терминологии, поскольку по этому вопросу существуют разные точки зрения. Ряд историков предлагают говорить о «Великой Российской революции» как *едином революционном процессе* и расширяют хронологические рамки этого процесса, определяя их 1917–1922 годами. Иными словами, в рамки революции включают Гражданскую войну. Наша позиция в этом вопросе состоит в следующем.

Первое. Нет сомнений в том, что революционный процесс 1917 г. представлял собой единое целое, равно как и нет сомнений в том, что февральский и октябрьский этапы были качественно различными по своему политическому и социально-экономическому содержанию. Следует отметить, что концепция единого революционного процесса 1917 г. была традиционной в советской историографии, поскольку все советские историки революции знали и часто цитировали известные ленинские строки о Феврале как «первом этапе ... русской революции». Уже в первом «Письме из далека» Ленин так определял историческое место Февральской революции в российском и мировом контексте: «Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней. *Первый этап* этой первой революции, именно *русской революции* 1 марта 1917 года, судя по скудным данным в Швейцарии, закончился. Этот *первый этап* наверное не будет последним этапом нашей революции»¹². Далее в «Апрельских тезисах» понятие «первого этапа» Ленин использовал при определении стратегической цели партии большевиков в революции: «Своеобразие текущего момента в России, – писал Ленин, – состоит в переходе от *первого этапа* революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹³. Итак, Ленин говорил о двух этапах единого революционного про-

¹² Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч.: 5-е изд. Т. 31. С. 11.

¹³ Там же. С. 114.

цесса, но при этом показывал разную социальную суть этих этапов. Вслед за Лениным советские историки исходили из единства революционного процесса 1917 г. и качественного различия ее февральского и октябрьского этапов. Они подчеркивали главную роль Октябрьской революции, поскольку она определила *итоговый* результат. «Октябрьская революция, – писал М. Н. Покровский, – не есть какая-то особая революция, непроницаемой переборкой отделенная от «буржуазной» революции февраля того же года, а есть высшая точка подъема *всего революционного движения* этого года»¹⁴.

Таким образом, есть все основания сохранить принятые в историографии понятия «Февральская революция» и «Октябрьская революция», а также использовать более общее понятие «Русская (Российская) революция». Все эти понятия использовались как в отечественной, так и в зарубежной историографии на протяжении 100 лет. Напомним, что П. Н. Милюков назвал свою работу «История второй русской революции»¹⁵. В этой работе он рассматривал все события революционного 1917 г. как «вторую революцию», выделяя в ней февральский и октябрьский этапы. Л. Д. Троцкий назвал свою книгу «История русской революции», описав в ней события как февральского, так и октябрьского этапов. О русской революции 1917 г. как едином процессе размышлял П. Б. Струве¹⁶. В свою очередь известный американский историк Ц. Хасегава в столетнюю годовщину революции издал книгу под названием «Февральская революция», подтвердив самостоятельный характер этого начального этапа Русской революции¹⁷. Эту же позицию занял и известный петербургский историк А. Б. Николаев, издав двухтомник, посвященный февральским дням под названием «Думская революция»¹⁸.

Автор этих строк совместно с известным американским историком Алексом Рабиновичем имел удовольствие издать сборник материалов Санкт-Петербургской международной конференции по проблемам историографии, которая в 2017 г. была посвящена Февральской революции. Ни один из 25 российских и зарубежных участников не выразил сомнений в уместности

¹⁴ Покровский М. Н. Октябрьская революция Сб. статей 1917–1927. С. 5.

¹⁵ Милюков П. Н. История Второй русской революции...

¹⁶ Струве П. Б. Размышления о русской революции. София. 1921.

¹⁷ Hasegawa T. The February revolution: Petrograd, 1917. The End of the Tsarist Regime and the Birth of the Dual Power. Leiden: Brill. 2017.

¹⁸ Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ, 2017.

названия конференции и изданного по ее материалам сборника: «Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»¹⁹.

Не вдаваясь здесь в долгие споры по поводу хронологических рамок, отмечу, что рассматриваю Русскую революцию как период, который начался 27 февраля 1917 г. вооруженным восстанием солдат Петроградского гарнизона. Этот период закончился в январе 1918 г. как результат работы III Всероссийского объединенного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, который закрепил переход власти в руки Советов. Исхожу из того, что главный вопрос всякой революции – вопрос о власти был открыто поставлен в повестку дня 27 февраля 1917 г., а решен, если брать весь революционный процесс 1917 г. в целом, в январе 1918 г. Осуществив роспуск Учредительного собрания, большевики в союзе с левыми эсерами на III съезде Советов закрепили свою власть, полученную на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд устранил определение «временное правительство» по отношению к Совету народных комиссаров. Роспуск Учредительного собрания не вызвал вспышки гражданской войны. Правым эсерам не удалось поднять крестьян на борьбу с большевиками. Напротив, конец января 1918 г. стал временем разгрома самого крупного локального очага гражданской войны на Дону: 29 января донской атаман генерал А. М. Каледин застрелился, обнаружив, что защищать его правительство готовы только 147 казаков. После этого в стране не было серьезных политических сил, способных оспорить итоги III съезда Советов. Такие силы появились только в результате военной интервенции.

Второе. Идея включения гражданской войны в рамки понятия «Великая российская революция» имеет определенные основания, свои плюсы и минусы. Минус состоит в том, что такое включение затемняет *важнейшую особенность* гражданской войны в России, а именно тот факт, что масштабная гражданская война стала возможной *только* в результате иностранной интервенции. К весне 1918 г. все внутренние противники большевиков были разбиты, и никто из них не был в состоянии начать и вести против Советского государства масштабные военные действия без крупной военной помощи извне – прямой военной интервенции и материальной поддержки вооружением и снаряжением. Иными словами, война 1918–1922 гг. никогда не была чи-

¹⁹ Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.

сто внутренним конфликтом в отличие от революционного процесса 1917 г., который развивался на внутренней основе. Огромная роль иностранной интервенции (прямой и косвенной) требует иной трактовки вопроса о причинах Гражданской войны в России, отличной от трактовки причин революции 1917 г. Естественно, это не должно вести к другой крайности – отрицанию генетической связи между революцией и Гражданской войной в России. Отметим, что уже в 1920-е гг. широкого взгляда на Русскую революцию как на период 1917–1921 гг. придерживался Н. А. Рожков, один из самых крупных историков-марксистов той эпохи. Вот его позиция: «В обстановке развивающегося финансового капитализма и порожденной им войны вспыхнула и развилась русская революция 1917 г. и последующих годов»²⁰. В 1930-е годы советские историки использовали аналогичный, хотя и «обратный» по терминологии подход. Авторы многотомного издания «Гражданская война в СССР» включили в это понятие всю Русскую революцию 1917 г. Иными словами, целый ряд историков и в 1920-е и 1930-е гг. ставили знак равенства между понятиями «Русская революция» и «Гражданская война в России» с точки зрения временных рамок. Тем не менее по мере развития советской историографии нарастало признание того, что началом Гражданской войны следует все же считать лето 1918 г., и подчеркивать роль иностранной интервенции как важнейшего фактора, изменившего расстановку сил внутри страны. Именно эта позиция нашла свое отражение в последнем крупном коллективном труде советских историков «Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия» (1987)²¹.

Третье. Несколько слов по вопросу о том, как более правильно называть революционный процесс 1917 г.: «Российская революция» или «Русская революция». Как было показано ранее, современники (тот же Ленин и тот же Миллюков) называли революцию 1917 г. в России термином «русская революция». Так же называли ее самые разные по политическим взглядам авторы (Г. В. Вернадский, С. М. Дубровский, М. М. Карпович, П. И. Лященко, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, П. Б. Струве и многие другие). Эта традиция закрепилась и на Западе, где термины «русский» и «российский», как правило, не различаются и переводятся как «russian», и напротив, название

²⁰ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: в 12 т. Том XII. М.: Книга, 1926. С. 392.

²¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1987.

«The Russian revolution» традиционно переводилось как «Русская революция». Иными словами, название «Русская революция» издавна закрепились за событиями революционного 1917 г. во всем мире. Такую традицию не следует игнорировать. И автор, анализируя советскую и западную историографию в период, когда этот термин преобладал, склонился к тому, чтобы именно его использовать в своей работе.

Есть и еще одно соображение в пользу такого решения. Строго говоря, термин «Российская революция» ориентирует на анализ событий в рамках Российской империи в целом с учетом всех особенностей, присущих национальным регионам. Следовательно, задача анализа историографии *Российской* революции обязывает тех, кто за нее берется, показывать региональную специфику, которая во многих случаях была значительной. Автор такой задачи себе не ставит, исходя из того, что причины, ход и исход революции 1917 г. (Февральского и Октябрьского этапов) были обусловлены прежде всего позицией русского народа, и все важнейшие события происходили в центре страны, а национальная периферия, по сути, лишь на них реагировала. При этом отнюдь не отрицается роль межнациональных противоречий как составной части комплекса противоречий, которые привели к революции, но учитывается, что национальные противоречия *проявили* себя как важный фактор уже *после* свержения самодержавия. Их роль особенно возросла после Октябрьской революции, когда национальные элиты, убедившись в глубоком кризисе центральной власти, встали на путь сепаратизма. В период Гражданской войны роль национального вопроса при анализе причин победы красных и поражения белых трудно переоценить, но это уже другой сюжет.

Четвертое. Несколько слов о стремлении ряда современных историков расширить рамки понятия «Русская (Российская) революция» за счет включение в него событий 1905–1907 годов, и даже первых массовых крестьянских выступлений 1902 года. Отметим, что такие предложения высказывались и много раньше. Так М. Н. Покровский в 1920-е гг. в своей книге «Русская история в самом сжатом очерке» писал, что к 1905 г. «*деревенская революция*» насчитывала «уже *три года существования*, и ее самые первые выступления были уже достаточно грозными для тех, кто имел случай наблюдать их вблизи»²². Вот еще одно высказывание Покровского на эту тему: Русская революция «прошла две ступеньки, что и дает все основания разде-

²² Цит. по: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. 4-е посмертн. изд. М.: Партиздат, 1933. С. 269.

лить *дальнейшее изложение* на две части. Предметом первой будет именно революция 1905 г., т. е. первая попытка буржуазной революции, с ее непосредственными причинами и ближайшими последствиями. Предметом второй части – воскресение рабочего движения, начиная с 1910–1912 гг., война, победа буржуазной революции и вторая, социалистическая революция»²³.

Если исходить из строгой трактовки термина «революция» как открытой *борьбы за смену власти* и общественного строя, то более правильно сохранить традиционную периодизацию и считать события 1905–1907 гг. первой революцией в России, а 1917 год – годом двух революций, протекавших как два этапа единого революционного процесса. В то же время есть все основания говорить о революционной *эпохе* в России в начале XX в., датируя ее периодом с 1902 по 1922 год.

Предпосылки и причины. У историков существуют разные трактовки понятий «предпосылки» и «причины» применительно к событиям революционного 1917 г. Некоторые не делают между ними особых различий. Другие же, напротив, такие различия проводят.

Будем говорить о предпосылках как о факторах, делавших революцию в России *объективно (потенциально) возможной*, а понятие «причины» будем применять по отношению к факторам, которые делали ее *необходимой* или, по меньшей мере, *порождали* как одну из реальных альтернатив развития. Понятно, что такое деление имеет условный характер, поскольку те исторические процессы, которые сначала создают предпосылки для революции, по мере их нарастания часто превращаются в ее непосредственные причины. Эту ситуацию можно проиллюстрировать на примере аграрной проблемы. В течение долгого времени эта проблема была болезненной для пореформенной России, постепенно обострялась, а затем стала одной из главных причин революции 1905–1907 гг. Революция была подавлена, но власть пошла на некоторые уступки. Иными словами, власть кнутом и пряником ослабила крестьянское движение. Тем не менее аграрная проблема продолжала оставаться острой, выступая как предпосылка – фактор, который делал новую революцию возможной. До тех пор, пока самодержавная власть в стране была сильна, массового крестьянского движения не было. Однако падение самодержавия показало крестьянину, что время пришло, и он выдвинул самую радикальную аграрную программу, которая сначала существовала как

²³ Цит. по: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке... С. 240.

предпосылка, а потом превратилась в непосредственную причину победы большевиков в Октябрьской революции. Таким образом, можно сказать, что аграрная проблема не была непосредственной причиной Февральской революции, но стала таковой для Октябрьской. Этот пример показывает не только условность, но и полезность использования обоих понятий, позволяя более точно выявлять непосредственные причины революции и отделять их от других факторов, которые тоже играли роль в революционном процессе, но по-разному проявляли себя на разных стадиях этого процесса.

Структура книги. С определенной долей условности книга поделена на пять глав. Первая глава охватывает 1920-е гг. – период становления советской историографии Русской революции. Особое внимание уделено анализу работ трех крупнейших профессиональных историков с дореволюционным стажем, которые написали с марксистских позиций первые крупные работы, трактовавшие историю России начала XX века (Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, П. И. Лященко), а также работ группы молодых историков-марксистов, которые создали две разные концепции, различавшиеся оценкой роли иностранного капитала и временем формирования в России монополистического капитализма. Поскольку уже в 1920-е гг. все более важную роль в становление марксистской историографии революции играло освоение концепции, созданной В. И. Лениным, постольку внимание было уделено показу этой концепции, а также тем трактовкам, которые давали И. В. Сталин и Л. Д. Троцкий. Они активно использовали историю революции в борьбе за лидерство в партии. Отмечен и объяснен тот факт, что ни один программный документ большевиков не связывал курс на борьбу за власть с выводом о том, что российский капитализм стал монополистическим.

Вторая глава посвящена так называемому «сталинскому» периоду в развитии историографии Русской революции, когда его установки были обязательными для историков. Этот период охватывает 1930-е, 1940-е и первую половину 1950-х гг. Внимание уделено причинам появления требований Сталина показать значение Октябрьской революции для преодоления «полуколониальной» зависимости России от ведущих западных стран и освобождения народов Российской империи от колониального гнета. Рассмотрена трактовка причин Октября в книге «История ВКП(б). Краткий курс». Показаны причины и реальные историографические результаты той критики, которой были подвергнуты М. Н. Покровский и его ученики. В литературе 1940-х – начала 1950-х гг. внимание уделено анализу второго тома «Истории народно-

го хозяйства СССР», написанному П. И. Лященко, и в частности, его понимание тезисов о «военно-феодальном» характере российского империализма и «полукOLONиальной» зависимости России.

Третья глава посвящена анализу историографии, условно говоря, «хрущевского периода», в которой ведущую роль играла «школа Сидорова», названная по имени А. Л. Сидорова, директора Института истории АН СССР в 1950-е гг., который много сделал для организации масштабного изучения социально-экономических предпосылок и причин Октябрьской революции. Характерными чертами периода была активная критика тезиса о «полукOLONиальной» зависимости России от ведущих капиталистических стран, а также тезиса о «военно-феодальном» характере российского империализма, которые рассматривались как результат недооценки уровня развития российского капитализма. Этим тезисам А. Л. Сидоров противопоставил тезис о том, что «Россия экономически созрела для социализма».

Четвертая глава посвящена анализу историографии второй половины 1960-х – начала 1970-х гг., когда о себе громко заявило так называемое «новое направление» в трактовке причин Русской революции. Показаны основные положения этого направления и мотивы той острой научной и вненаучной критики, которая в итоге привела к административному разгрому «нового направления» и увольнению директора Института истории СССР АН СССР П. В. Волобуева как его главы.

Пятая глава посвящена анализу историографии второй половины 1970-х – рубежа 1990-х годов. В этот период подспудные споры прежних лет продолжались в научном ключе, а в период «перестройки» они превратились в острые дискуссии, выходившие за рамки научных. Тем не менее объективным итогом споров стало сближение позиций представителей разных направлений при трактовке предпосылок и причин Русской революции.

В Заключение кратко подведены итоги проделанной работы.

Глава 1. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1920-Х ГОДОВ

Периодом становления советской исторической науки были 1920-е гг. Ее представителей, изучавших историю Русской революции, более всего занимали проблемы *закономерности и исторической необходимости* победы большевиков в условиях России и мира начала XX в., а точнее – в период Первой мировой войны. В отношении Февральской революции трактовка проблем закономерности и необходимости представлялась ясной. Царила общая убежденность, что в начале XX в. Россия вступила в эпоху назревшей буржуазно-демократической революции, которая разразилась в 1905 г., но потерпела поражение. Подавив революцию, царизм не смог устранить породившие ее причины, что ставило в повестку дня новую революцию, которая и произошла в феврале 1917 г. На фоне тягот мировой войны свержение самодержавия представлялось закономерным и даже неизбежным.

Вопрос о том, почему Февральская революция переросла в Октябрьскую, для советских историков, опиравшихся на марксистскую теорию революции, был очень непростым, поскольку условия крестьянской России плохо соответствовали этой теории. Огромная цена Гражданской войны и сам факт введения нэпа после ее окончания говорили об отсутствии материальных и культурных предпосылок для непосредственного перехода к социализму в России. Острые дискуссии, которые шли в правящей партии по вопросу о возможности построения социализма в СССР в условиях враждебного окружения, еще более подчеркивали сложность и важность трактовки причин Октябрьской революции. По сути, ответ на вопрос о причинах являлся ответом на вопрос о том, надо или не надо было делать Октябрьскую революцию, что в свою очередь ставило вопросы о том, кто был прав в России в 1917 г.: Ленин, отстаивавший курс на пролетарскую революцию, или его оппоненты, говорившие о преждевременности этого курса?

Рассмотрим работы советских авторов, которые в 1920-е гг. уделили наибольшее внимание проблеме *предпосылок и причин* Русской революции в целом и ее октябрьского этапа в особенности. Начнем с работ двух самых крупных историков-марксистов 1920-х гг., которые представили и самые значительные по объему работы по истории России начала XX в. Речь идет о Н. А. Рожкове и М. Н. Покровском. Оба были профессиональными историками, выпускниками МГУ, учениками В. О. Ключевского. Оба вступили в РСДРП в 1905 г., примкнули к большевикам. Однако в 1917 г. Рожков не согласился с апрельским курсом Ленина и перешел к меньшевикам, а Покровский остался больше-

виком. Это определило их судьбу после Октябрьской революции. Покровский стал видным государственным деятелем и организатором советской исторической науки, а Рожков едва не был выслан из России на «философском» пароходе, но в последний момент оставлен в стране специальным решением Политбюро. С лета 1924 г. Рожков читал лекции в Институте красной профессуры, в МГУ и других вузах. В 1926 г. он был назначен директором Государственного исторического музея, но вскоре умер. Смерть исключила возможность какой-либо дальнейшей эволюции взглядов ученого и сделала его главный труд своеобразным историографическим памятником середины 1920-х гг. Покровский прожил до начала 1930-х гг. и вносил определенные правки в свою концепцию. В такой ситуации логично начать с анализа взглядов Рожкова.

Николай Рожков (1868–1927). Взгляды Рожкова представляют особый интерес потому, что до и после Февральской революции он последовательно отстаивал тот стратегический курс, который был принят большевиками в период первой русской революции 1905–1907 гг. в решениях III съезда РСДРП. Речь идет о курсе на борьбу за полную победу *демократической* революции, который не предполагал ее немедленное перерастание в социалистическую революцию, поскольку уровень развития капитализма в России оценивался как недостаточный для непосредственной борьбы за социализм. В период первой революции Рожков представлял фракцию большевиков в ЦК, избранном на V съезде РСДРП весной 1907 г., т. е. по формальному рангу в партии он был выше В. И. Ленина, который снял свою кандидатуру в ходе выборов в ЦК²⁴, учитывая опасность быть забаллотированным. Вскоре Рожков был арестован и до Февральской революции находился в ссылке в Восточной Сибири. В апреле 1917 г. большевики приняли новый ленинский курс на борьбу за перерастание демократической революции в социалистическую, но Рожков остался на прежних позициях. С этих позиций он и трактовал историю Русской революции, хотя в конце жизни внес в нее коррективы.

Самым крупным трудом Рожкова стала многотомная «Русская история в сравнительно-историческом освещении», которую он писал в период с 1918 по 1926 гг.²⁵ Наибольший интерес для нас представляет последний 12-й том «Финансовый капитализм в Европе и революция в России», посвященный

²⁴ Пятый съезд РСДРП. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 618.

²⁵ Крупным исследованием взглядов Н. А. Рожкова на процесс русской истории является монография О. В. Волобуева «Н. А. Рожков: историк и общественный деятель». М.: Со-
брание, 2012.

главным образом истории трех революций в России и их последствиям (Гражданская война, начало НЭПа)²⁶.

В этом томе Рожков существенно скорректировал прежние взгляды, сложившиеся в период между 1905 и 1917 гг., которые для нас также представляют интерес как основа для сравнения. В 1911 г. Рожков, размышляя над уроками революции 1905 г., опубликовал программную статью «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент». В ней он сделал вывод о том, что в России «хотя и не исключена возможность общественных бурь, но в недалеком будущем эти бури *не являются необходимыми, неизбежными*». Вывод был связан с признанием возможности разрешения аграрного вопроса в ходе реформ П. А. Столыпина. Кроме того, по мнению Рожкова, несмотря на поражение первой революции, в стране в целом шло движение к «культурному капитализму» – более высокой стадии развития, которая во всем мире приходит на смену раннему «грюндерскому капитализму». Рожков полагал, что в таких условиях рабочие и социал-демократы должны вести легальную борьбу за улучшение условий труда через профсоюзы и парламент. Процесс развития «культурного капитализма» историк понимал и как процесс подготовки объективных предпосылок для перехода к социализму в будущем²⁷.

Позиция Рожкова вызвала критику со стороны В. И. Ленина, который в годы реакции боролся за сохранение нелегальной партии в ожидании новой революции. Ленин оценил взгляды Рожкова как самую последовательную подмену марксизма либерализмом²⁸. Однако с точки зрения методологии позиция Рожкова также являлась вполне марксистской. Спор шел об оценке потенциала Столыпинских реформ, их способности снять с повестки дня вопрос о буржуазно-демократической революции в России. Напомним, что Ленин в апреле 1908 г. сам признавал такую возможность: «В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен»»²⁹. Тем не менее, Рожков дал серьезный повод для критики, поскольку он явно переоценивал уже достигнутые результаты реформ Столы-

²⁶ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: в 12 т. Том XII. М.: Книга, 1926.

²⁷ Рожков Н. А. Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент // Наша Заря. СПб. 1911. № 9–10. С. 31–35.

²⁸ Ленин В.И. Манифест либеральной рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 399.

²⁹ Ленин В. И. По торной дорожке. // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 31.

пина в решении аграрного вопроса. В 1911 г. было преждевременным отрицать необходимость демократической революции для разрешения, как аграрного вопроса, так и вопроса о самодержавной власти.

После революции 1917 г. Рожков так объяснил причины Февраля: «реакция не имела достаточно времени для осуществления своих планов: ей помешала начавшаяся в 1914 г. мировая война. Этим *недостатком времени исключена была возможность* дальнейшего мирного, безбурного эволюционного процесса. Непосредственные причины Февраля историк в общем виде сформулировал так: «Февральская революция 1917 года явилась результатом сочетания воинственно-империалистических тенденций капиталистической буржуазии, разочарованной военными поражениями, и сознания массами народа тяжести войны, бестоварья, дороговизны»³⁰. *Объективная* задача революции, по его мнению, состояла в следующем: «Эта революция диктовалась *объективной необходимостью* создать в России культурное и самостоятельное народное хозяйство»³¹. Тезис о необходимости создать *самостоятельное* хозяйство был обусловлен высокой ролью иностранного капитала в решающих отраслях промышленности России, которая порождала зависимость страны от внешнего фактора³².

Рожков говорил о *неизбежности* Февральской революции в условиях военного времени и в то же время признавал *неизбежность* мировых войн за передел мира в эпоху империализма: «Происхождение мировой империалистической войны показывает, что при наличии неустранимых при капиталистическом строе экономических противоречий, несмотря на все старания предотвратить войну, она — *неизбежна*»³³. Иными словами, историк предложил концепцию: мировая война была неизбежна, а в условиях войны стала неизбежной революция в России. Как видим, эта концепция отличалась от концепции 1911 г., в которой вопрос о неизбежности мировой империалистической войны не ставился, и перспективы новой революции в России рассматривались только в контексте внутренних процессов развития. Неизбежность мировых войн в эпоху империализма Рожков обосновывал в духе ленинской теории империализма, которая опиралась на изначальную теорию империализма, созданную фабианцем Д. Гобсоном, и на более поздний вари-

³⁰ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Том XII. С. 343.

³¹ Там же. С. 392.

³² Там же. С. 166–167.

³³ Там же. С. 226.

ант теории, созданный австрийским марксистом Р. Гильфердингом. Рожков ссылался и на Ленина, и на Гильфердинга, но в качестве основного использовал термин Гильфердинга «финансовый капитализм», а не термин Ленина «монополистический капитализм», что отразило и название XII тома. В те годы у социал-демократов старшего поколения авторитет Гильфердинга как теоретика был выше авторитета Ленина.

Раскрывая причины Февраля, Рожков показал, что в предвоенный период развитие «культурного капитализма» не устранило острые социальные конфликты. Теперь он, учитывая позицию крестьян в 1917 г., негативно оценивал потенциал и результаты Столыпинских реформ. Решение аграрного вопроса, избранное правящими классами, писал историк, «ни в каком случае *не могло дать желательные для них результаты*, создать возможность дальнейшей мирной, безбурной эволюции». Рожков подчеркивал, что реформа усилила расслоение и содействовала «с одной стороны, росту деревенской буржуазии, с другой, пролетаризации крестьянства». Таким образом, реформы не только не устранили причин для общекрестьянской революции против помещиков, но и создавали предпосылки для второй социальной войны в деревне, т. е. предпосылки для пролетарской революции³⁴.

Предпосылки для такой революции формировались в промышленности и банковском секторе. Рожков считал, что в предвоенный период в России сформировался *финансовый* капитализм, но отмечал, что до войны тот «насчитывал всего неполных четыре года своего существования» и поэтому «преувеличивать его значение не следует»³⁵. Кроме того, историк подчеркивал, что в России «финансовый, банковый капитал, подчиняясь и собственной концентрации, и в значительной степени также монополии иностранного ростовщического капитала, носил на себе печать спекуляции, а не культурно-капиталистического руководства промышленностью: мировой ростовщический капитал вел в России *колониальную* экономическую политику». Автор винил в этом царское правительство, ибо в политике правительства «преобладало не новое творчество по пути создания основ культурного капитализма, а частичные *поправки и поделки к разваливавшемуся устарелому сооружению капитализма грубо-хищнического*»³⁶.

³⁴ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении... Том XII. С. 156–157, 158–159, 164, 190.

³⁵ Там же. С. 166.

³⁶ Там же. С. 385–386.

Недальновидность и эгоизм царского правительства Рожков наглядно показывал, сравнивая политики правящих кругов в разных странах Европы. Рожкова более всего интересовала политика в рабочем вопросе, поскольку, по его мнению, главную роль во всех трех революциях в России играли именно рабочие. В этой связи автор привел пример Англии, где парламент в 1910 г. принял бюджет, предложенный Д. Ллойд-Джорджем, который предусматривал увеличение налогов на наследства и «незаслуженный прирост ценности». Полученные дополнительные доходы позволили принять законы о государственном страховании британских рабочих от болезней, увечий, на случай смерти и, главное, от безработицы. В 1912 г. был принят закон о минимуме заработной платы в горной промышленности Англии. Лейбористы и профсоюзы имели все условия для легальной деятельности. Такие меры усиливали реформистские настроения в среде британских рабочих, укрепляли в них веру в возможность мирного движения к социализму, устраняли угрозу революции³⁷.

В России же, писал Рожков, царское правительство препятствовало развитию профсоюзного движения и «с тупым упорством закрывало и плотно закупоривало все щелки, все предохранительные клапаны и тем подготовляло объективно взрыв»³⁸. И этот взрыв не мог не иметь радикального характера. Ссылаясь на свой личный опыт общения с рабочими в 1905–1917 гг., Рожков говорил, что русский рабочий «в массе своей никогда не проводил резкой грани между программой минимум и программой максимум», которые существовали в РСДРП. Рабочие стремились к захвату фабрик и не воспринимали речи социал-демократов из числа интеллигентов о «необходимости объективной подготовки социалистической революции, достижения высокого уровня развития производительных сил»³⁹. Итак, по мнению историка, политика правительства в аграрном и рабочем вопросах вела к революционному кризису, который стал неизбежным в условиях мировой войны.

Чтобы в полной мере понять позицию Рожкова в вопросе о причинах октябрьского финала Русской революции, обратимся к взглядам и действиям самого историка в революционном 1917 г. Как уже было сказано, Рожков не принял апрельского курса Ленина. Летом он примкнул к левому крылу меньшевиков, которые признавали необходимость дальнейшего развития Февральской революции, но в пределах буржуазно-демократической рево-

³⁷ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении... Том XII. С. 211.

³⁸ Там же. С. 163–164.

³⁹ Там же. С. 287–288.

люции. Рожков выступал за реализацию стратегии, принятой большевиками на III съезде РСДРП в 1905 г. Ее целью являлось доведение *буржуазно-демократической* революции до «полной победы», т. е. до установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и всего крестьянства. Итогом такой революции Рожков считал созыв Учредительного собрания, в котором большинство голосов должны были получить все социалистические партии⁴⁰. В то же время конкретная программа действий, предлагаемая Рожковым в 1917 г., была близка той, которую поддерживали большевики: национализация банков, транспорта, добывающей и металлургических отраслей промышленности. Существенное отличие состояло в том, что Рожков выступал лишь за *частичную* национализацию земли, видя в этом способ уменьшить сопротивление со стороны буржуазии⁴¹. Рожков полагал, что левые партии, *действуя совместно*, способны осуществить эту программу. Курс Ленина на взятие власти большевиками и установление *диктатуры пролетариата* в крестьянской стране Рожков считал преждевременным.

Однако опыт революции 1917 г. показал, что правые социалисты не смогли осуществить программу демократической революции, потому что не решились разорвать коалицию с кадетами. Именно поэтому к власти пришли большевики. Объясняя такой итог, Рожков вновь исходил из концепции «культурного капитализма», который не успел утвердиться в России. Он отмечал эгоистическое поведение российской буржуазии, которая, придя к власти, оказалась «неспособной понять необходимости в собственных своих интересах пожертвовать многим»⁴². «Отсталый русский промышленный капитализм, – писал Рожков, – не хотел идти ни на какие уступки, приемлемые во время войны для капитализма передовых стран – Англии, Франции, Германии»⁴³. Он напомнил, что в Англии в годы мировой войны правительство согласилось ограничить десятью процентами прибыль собственников предприятий, работавших на нужды войны с тем, чтобы излишек прибыли поступал в пользу государства и ослаблял растущую дороговизну. Взамен профсоюзы согласились допустить ночные и сверхурочные работы, которые получили

⁴⁰ Рожков Н. А. Временное правительство и Учредительное собрание. М.: Солдат–Гражданин, 1917.

⁴¹ Рожков Н. А. Экономические и социальные задачи революции. М.: Солдат–Гражданин, 1917. С. 16–17, 22.

⁴² Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении... Том XII. С. 284.

⁴³ Там же. С. 280.

широкое развитие⁴⁴. В Англии и Германии государственное регулирование производства было встречено буржуазией с пониманием. В России кадеты не решились пойти на такие меры государственного регулирования и усиления налогообложения имущих, которые могли бы остановить нарастающую разруху и улучшить положение масс. Стремление русской буржуазии продолжать войну Рожков также объяснял ее довоенной природой, которую характеризовал как склонность к колониальным захватам⁴⁵. Именно на буржуазию и на ее главную партию – кадетов, он возложил ответственность за создание политических предпосылок победы большевиков.

Логикой своего анализа Рожков оказался перед необходимостью объяснить, почему правые социалисты (эсеры и меньшевики) не взяли власть в свои руки и не осуществили ту программу мер, о которой он писал в 1917 г. Главными виновниками Рожков назвал меньшевиков: «большинство меньшевиков не мыслило буржуазно-демократической революции без участия капиталистической буржуазии. К этому присоединялось – верное или нет, – это другой вопрос, – сознание слабости культурных и технических сил и средств революционной демократии»⁴⁶. Историк отметил идейную зависимость эсеров от меньшевиков. Проанализировав политику коалиционных правительств, автор сделал вывод: «В конечном счете было ясно, что меньшевики и эсеры ориентировались на крупную и среднюю буржуазию, а вовсе не на пролетариат и крестьянство»⁴⁷.

Такая политика, признал Рожков, открыла путь большевикам: «октябрьский переворот естественно вытекал из того положения дел, какое сложилось к осени 1917 года, ... он был совершенно назревшей необходимостью вследствие справедливого раздражения широких рабочих, крестьянских и солдатских масс против временного правительства и партий, руководивших до того времени рулем государственного корабля. Быстрое распространение советской власти по всей почти России после переворота в обеих столицах лишний раз подтверждает *зрелость и необходимость* октябрьской революции»⁴⁸.

Использованный автором термин «зрелость» не должен вводить в заблуждение. Речь шла о зрелости *политической* ситуации осени 1917 г. для

⁴⁴ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении... Том XII. С. 240.

⁴⁵ Там же. С. 276.

⁴⁶ Там же. С. 279.

⁴⁷ Там же. С. 291.

⁴⁸ Там же. С. 300.

свержения Временного правительства. В целом же Рожков считал Октябрьскую революцию закономерным результатом социально-экономической *незрелости (некультурности) российского капитализма* и политической незрелости российской буржуазии.

Важным для Рожкова был вопрос о том, почему Ленин и партия приняли курс на борьбу за власть в отсталой стране? Рожков ответил на этот вопрос двумя-тремя короткими предложениями. Оценивая курс, принятый большевиками в апреле 1917 г., он написал: «То был очевидный и смелый приступ к осуществлению заданий циммервальдской левой, первые шаги к социалистической революции в России, а через ее посредство и в Европе»⁴⁹. Параграф книги, посвященный Октябрьской революции, Рожков завершил фразой о том, что большевики установили «диктатуру пролетариата в союзе с крестьянством в надежде в будущем положить основу общеевропейской социалистической революции»⁵⁰. В дальнейшем появилась и фраза о том, что содержанием «идеологических предпосылок октябрьской революции ... являлась задача приступа к мировой социалистической революции»⁵¹. Во всех случаях эти короткие замечания автор не комментировал, но из них следовало, что большевики, по мнению автора, руководствовались главным образом интересами мировой революции. В то же время историк не отрицал необходимости конкретных шагов, которые были намечены большевиками для выхода из кризисной ситуации 1917 г., поскольку они совпадали с теми, которые отстаивал сам Рожков. В итоге получалось, что и с точки зрения внутренних факторов большевики были необходимы для решения задач демократической революции и *выхода из кризисной ситуации*, созданной войной и эгоистической политикой буржуазного правительства.

Заключительная оценка Русской революции у Рожкова звучит так: «Таким образом, русская революция 1917 и последующих годов представляет собою совершенно *неизбежную и необходимую* для полной победы над русским старым порядком *попытку* социалистической, пролетарской революции. Обязанная своим происхождением сочетанию внутренних русских экономических и социальных сил в соединении с идеологией и практикой научного социализма русская революция и созданная ею государственность являются вместе с тем фактором первостепенной важности в деле торжества

⁴⁹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении... Том XII. С. 278.

⁵⁰ Там же. С. 299.

⁵¹ Там же. С. 304.

социализма во всем мире»⁵². Таким образом, Октябрь был необходим для «полной победы над русским старым порядком», а также для «торжества социализма во всем мире». В этой оценке раскрывается значение Октября для России и для мира в целом.

Подводя итоги анализу взглядов Рожкова, еще раз повторим, что вся Русская революция, по его мнению, была результатом незрелости российского капитализма и буржуазии, оказавшейся неспособной выдержать тяготы мировой войны и удержать страну от радикальной антибуржуазной революции. Отмечая преждевременность такой революции с точки зрения зрелости объективных предпосылок, Рожков тем не менее видел перспективы строительства социализма при помощи НЭПа и в целом оценивал ситуацию как «гигантский прыжок вперед». Вот что он писал в заключение своей книги: «На наших глазах и при нашем участии Россия снова делает гигантский *прыжок* вперед, стоящий огромных жертв, но обеспечивающий ее хозяйственную самостоятельность и грядущие успехи»⁵³. Слова «снова делает прыжок» не были случайными. Они отражали общий взгляд Рожкова на русскую историю, в которой не раз преодоление отставания России от Запада реализовывалось «гигантскими прыжками», «стоящими огромных жертв». «Русская история, — писал Рожков, — как мы видели, все время развивалась крупными скачками, целью которых являлось преодоление отсталости России от передовых стран запада». Рожков не развил подробно эту важную идею применительно к Октябрю. Тем не менее он ее сформулировал и раскрыл суть в одном абзаце: «Всякая другая власть сделала бы Россию колониальным филиалом европейского и американского финансового капитала. Теперь она — очаг грядущих достижений, одушевляющих трудящиеся массы и Запада и Востока, как ни своеобразны будут и здесь и там пути, какими те и другие пойдут к этим достижениям, составляющим одинаково и *объективную задачу времени, и субъективные чаяния* трудящихся масс»⁵⁴.

Такая оценка помимо прочего означала и определенный отказ Рожкова от прежней позиции (о преждевременности социалистической революции в России), которой он придерживался до 1917 г. и в период Гражданской войны. В этой связи важно подчеркнуть, что заключение писалось в 1925 г., т. е. в период очевидных успехов, достигнутых советским правительством в деле

⁵² Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении... Том XII. С. 347.

⁵³ Там же. С. 394.

⁵⁴ Там же. С. 394–395.

восстановления экономики страны. Эти успехи заставляли по-иному смотреть на события 1917 г. Оценка революции всегда сильно зависела от того, в какой ретроспективе смотрели на нее историки.

Оценивая историографическое значение концепции Рожкова, отметим два главных момента. Историк, во-первых, определенно признал закономерность и даже неизбежность свержения самодержавия в условиях мировой войны, а во-вторых, также определенно признал необходимость победы большевиков для выполнения той конкретной программы (мир, земля, государственное регулирование экономики в интересах выхода из кризиса), которую на словах признавали, но на деле не осуществляли все партии, входившие в состав Временного правительства.

Взгляд Рожкова на причины и характер революции 1917 г. вызвал резкую критику со стороны ряда молодых историков-марксистов, которые обвиняли его в принижении уровня развития капитализма в России и сознательности российского пролетариата, в отказе прямо признать закономерный и социалистический характер Октябрьской революции⁵⁵. И все-таки труды Рожкова печатали и переиздавали. Сокурсник Рожкова по Московскому университету видный советский историк М. Н. Покровский, хотя и критиковал его концепцию, высоко ценил своего коллегу.

После смерти Рожкова Покровский на заседании в Обществе историков-марксистов назвал его «одним из крупнейших историков *материалистического направления*, каких имела наша страна». Покровский многозначительно подчеркнул, что Рожков не принадлежал «к тем плохим последователям *экономического материализма*, которые все и вся объясняют непосредственно из хозяйственных или производственных отношений». Фактически Покровский признал Рожкова историком-марксистом, но сделал «дипломатические» оговорки, памятуя ту критику, которую адресовал Рожкову Ленин⁵⁶. На похоронах Рожкова Покровский был более откровенен: «Когда мы с т. Степановым писали, не сговариваясь, ... некрологи, нами, очевидно, руководила одна мысль; снять с памяти покойного Н. А. ту кличку меньшевика, которая прилипла к этой памяти в

⁵⁵ См. рецензию П. О. Горина на книгу Рожкова Н. А. Историк-марксист. 1926. № 2. С. 273–275; см. также: Сидоров А. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л.: Госиздат, 1927: в 2 томах. Т. 1. С. 8–9.

⁵⁶ Покровский М. Н. Стенограмма доклада в Обществе историков-марксистов 14 февраля 1927 г. на заседании, посвященном памяти Н. А. Рожкова // Историк-марксист, 1927 г. Т. IV, С. 179–186.

последние годы, когда он не был активным политиком, и, значит, активным меньшевиком. Нам ... одинаково казалось нужным показать, что мы хороним старого большевика, человека, который был с нами и впереди нас в самые тяжелые минуты существования нашей партии, занимал всегда самые ответственные посты, занимая их с честью, и, можно сказать, пал на своем посту, держась до последней минуты. ... И если мы его хороним не как коммуниста, то это чистейшая случайность...»⁵⁷. В этой речи Покровского содержится по-своему глубокая оценка сути взглядов Рожкова: он был большевиком, но не был коммунистом. Напомним, что изменить название партии Ленин предложил в Апрельских тезисах, т. е. одновременно с изменением прежней стратегической цели большевиков в демократической революции.

Михаил Покровский (1868–1932). Самым авторитетным советским историком в 1920-е гг. был М. Н. Покровский, заслуживший определение «первый русский профессиональный историк-марксист»⁵⁸. Блестящий выпускник историко-филологического факультета МГУ, ученик выдающихся историков П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского, Покровский в 1905 г. стал революционером-большевиком, но никогда не переставал заниматься наукой. Он написал ряд общих трудов по истории России и очерков по истории революционного движения. В 1920-е гг. авторитет и правительственный пост (зам. наркома просвещения) придавали взглядам Покровского характер почти официальной точки зрения. Тем не менее, с ним спорили другие историки, включая его учеников, и Покровский признавал неточность ряда оценок и вносил поправки в свои работы.

Его справедливо критиковали за преувеличение роли «торгового капитала» в истории России, за концепцию «торгового капитализма», эпоха которого, по мнению историка, тянулась с XVII в. до 1861 г., когда торговый капитал был потеснен промышленным. И в этом вопросе Покровский пошел на уступки, отказавшись использовать термин «торговый капитализм», но сохранив акцент на важную роль торгового капитала как до, так и после 1861 г. Отказался историк и от явно неудачной характеристики самодержавия как «торгового капитала в мономаховой шапке», но сохранил идею о том, что самодержавие защищало интересы торгового капитала, имея в виду и внеш-

⁵⁷ Николай Александрович Рожков (Речь М. Н. Покровского, произнесенная на гражданской панихиде 4 февраля 1927 г.) // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 255.

⁵⁸ См.: Чернобаев А. А. Покровский М. Н. // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С.447–454.

нюю торговлю хлебом, который поставляли помещики. В предисловии к десятому изданию своего самого популярного труда «Русская история в самом сжатом очерке», написанного в июле 1931 г., Покровский признавал, что «злосчастный торговый капитал ...местами – нечего греха таить – он у меня закрывал феодальную сущность помещичьего государства»⁵⁹.

Покровский не успел написать специальной работы по истории Русской революции и не торопился это делать. Но он, естественно, не мог не писать и не выступать на эту тему. Наиболее важные статьи разных лет собраны в сборник под названием «Октябрьская революция» (1929)⁶⁰. Следует отметить и сборник лекций, прочитанных на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923–1924 гг., и опубликованных в 1924 г. под названием «Очерки русского революционного движения XIX–XX вв.»⁶¹. В 1927 г. вышло второе существенно переработанное издание этих очерков. В основном это были популярные работы, но они отражали позицию автора по важным вопросам истории Русской революции. И эта позиция не была неизменной. Работы Покровского показывают, как трудно было профессиональному историку и участнику событий сразу осмыслить эти эпохальные события.

В 1921 г. Покровский написал статью «Пролог октябрьской революции», в которой центральным был тезис о том, что судьбы России решались в международной плоскости⁶². Этот тезис был главным и в первой лекции упомянутого цикла: «Наша рабочая революция ... есть явление мировое. Это не есть национальная революция, объяснимая в узких рамках, вытекающая исключительно из русских условий, местных и временных условий России. Империалистическая война определила только момент взрыва. Благодаря этим условиям, в России взорвалось и вспыхнуло раньше, нежели в других странах, – вот и все, но сама по себе рабочая революция России была частью мировой рабочей революции, эпизодом интернационального рабочего движения, и только в этой связи может быть понята. Таким образом, если мы будем отыскивать национальные корни русской революции, то нам придется взять, конечно, не

⁵⁹ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Пятое посмертное издание. М.: Партиздат, 1934. С. 3–4.

⁶⁰ Покровский М. Н. Октябрьская революция: сб. статей 1917–1927. М.: Изд-во Ком. академии, 1929.

⁶¹ Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М.: Красная новь, 1924.

⁶² Покровский М. Н. Пролог октябрьской революции // Октябрьская революция: сб. статей. 1917–1927. С. 75, 76, 77, 85.

революцию рабочую, которая, повторяю, является фактом международным, а не национальным, а придется взять революцию крестьянскую, придется взять переход земли в руки крестьян». Далее Покровский подчеркивал последнюю мысль: «...факт перехода земли в руки крестьян является стержнем нашей национальной русской революции, тем, что является не эпизодом мирового движения, а специально русским явлением»⁶³. Таким образом, по мнению автора, в рамках Русской революции произошли две разные по своему социальному содержанию революции: рабочая и крестьянская. При этом пролетарскую (рабочую) революции нельзя объяснить исключительно русскими условиями, а крестьянская революция, напротив, имела чисто национальные корни и сама по себе вела к установлению «мужицкого капитализма».

Несмотря на очевидный схематизм исходной концепции Покровского, его оценка крестьянской революции как сути «национальной революции» заслуживает внимания, поскольку, действительно, судьба всего революционного процесса 1917 г. зависела от позиции крестьян. В то же время резкое противопоставление рабочей и крестьянской революций не давало возможности автору показать диалектику их взаимодействия. А именно это взаимодействие позволило большевикам одержать победы и в 1917 г., и в период Гражданской войны. Тезис о «мужицком капитализме» также не учитывал особого менталитета большинства русских крестьян, выступавших против частной собственности на землю. Покровский впоследствии исправил свою ошибку. В предисловии, которое он написал в январе 1929 г. к упомянутому сборнику статей «Октябрьская революция», уже нет жесткого разделения Русской революции на рабочую и крестьянскую. Ссылаясь на мысль, выказанную Лениным в 1905 г. о возможности *переплетения разных элементов в едином революционном потоке*⁶⁴, историк писал: «Октябрьская революция не есть какая-то особая революция, непроницаемой переборкой отделенная от «буржуазной» революции февраля того же года, а есть высшая точка подъема *всего революционного движения* этого года. И этому нисколько не мешает то обстоятельство, что Февральская революция еще не была социалистической, как не мешает и то, что Октябрю оставалось кое-что доделать по части буржуазно-демократической революции и доделать немало»⁶⁵. Таким образом, Покровский признал, что причины Октября также

⁶³ Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. 2 изд., перераб. М.–Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 2–3.

⁶⁴ Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 74.

⁶⁵ Покровский М. Н. Предисловие // Октябрьская революция... С. 5.

имели не только международные, но национальные корни. И Октябрьская революция была необходима не только для того, чтобы начать переход к социализму в мировом масштабе, но и для того, чтобы, как минимум, доделать крестьянскую революцию в России. В этом вопросе Покровский явно солидаризировался с Рожковым, который говорил о необходимости Октября для полной победы над старым порядком.

В концепции Русской революции, созданной Покровским, был еще один важный элемент, который показывал неразрывную связь Февральской и Октябрьской революции. Покровский говорил о том, что в «роковом для буржуазии марте уже начиналась всемирная пролетарская революция», и что «вспоминая февральско-мартовские дни, мы вспоминаем пролог Октябрьской революции»⁶⁶. Этот тезис подчеркивал важную роль Февральской революции как необходимого этапа в борьбе за победу пролетарской революции. Связь двух этапов, по мнению историка, устанавливалась ролью пролетариата как главной силы обеих революций, а также теми объективными задачами, которые стояли перед страной в 1917 г.: «...февральская революция, – писал автор, – была не только *рабочей* революцией, не только пролетарской революцией по социальному составу той массы, которая низвергла самодержавие и *фактически встала у власти*, но неизбежно была и *социалистической революцией*, совершенно объективно. Не Ленин, повторяю, в своей голове привез эту социалистическую революцию из-за границы, а гениальная голова Ленина только лучше и скорее других схватила положение, поняла, что при таких условиях, *кроме перехода всего хозяйственного процесса в руки пролетариата*, т. е. социалистической революции, как мы ее понимаем, ничего другого быть не может и ничего другого придумать нельзя, что *объективными условиями момента* диктуется именно эта самая социалистическая революция»⁶⁷.

В этой фразе мы встречаемся и с недооценкой роли солдат-крестьян в истории свержения самодержавия и с переоценкой роли пролетариата как класса, который, по мнению Покровского, фактически встал у власти в результате февральских событий. В то же время в ней есть важная мысль, что «*переход всего хозяйственного процесса в руки пролетариата*» диктовался «*объективными условиями момента*». По сути дела, Покровский вслед за Рожковым подчеркивал, что только большевики могли осуществить экономическую программу выхода из кризиса в конкретной обстановке 1917 г.

⁶⁶ Покровский М. Н. Пролог октябрьской революции // Там же. С. 85.

⁶⁷ Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. ... С. 191.

И в этом видел объективную необходимость прихода большевиков к власти. Как и Рожков, Покровский основывал этот вывод, указывая на узкоклассовый эгоизм российской буржуазии.

Поскольку связь революции и мировой войны была очевидной, постольку Покровский уделял большое внимание вопросу о причинах и характере первой мировой войны. Поначалу он рассматривал мировую войну в целом не как результат противоречий, рожденных эпохой монополистического капитализма (точка зрения Ленина), а как традиционное стремление великих держав к колониальным захватам, разделу и переделу рынков сырья и сбыта. В мае 1915 г. Покровский, находясь в эмиграции в Париже, выступил с рефератом «Виновники войны», в котором представил Германию сторонницей мирной борьбы за передел мира экономическими средствами при опоре на самые передовые формы капитализма. Зачинщиками войны Покровский назвал представителей отсталых укладов в экономике стран Антанты, которые проигрывали Германии экономическое соревнование: «И в Англии, и во Франции, и в России за войну были *не самые передовые, с точки зрения капиталистического развития группы, а самые отсталые*»⁶⁸. Особую ответственность за развязывание войны историк возложил на царское правительство, которое весь XIX век стремилось захватить Константинополь и черноморские проливы. Это стремление питалось идеологическими, геополитическими и экономическими мотивами, не связанными с интересами финансового капитала. Именно поэтому Покровский считал, что политика России в мировой войне была обусловлена традиционными империалистическими интересами, а не потребностями, рожденными новой стадией капитализма.

В начале 1920-х гг., когда многие советские историки, опираясь на книгу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», стали обосновывать ленинскую точку зрения на природу мировой войны, Покровский признал ее связь с новой фазой развития капитализма. В статье «Как возникла Мировая война», написанной в 1924 г., он отметил роль финансового капитала в вовлечении в мировую войну России, но не отказался полностью от своей точки зрения: «Империалистский характер войны и *финансового капитала* в царской России делали участие в войне этой последней фактом, само собою разумеющимся. Этому несколько не противоречит то, что *непосредственно* война была связана с интересами русского торгового капитала», ко-

⁶⁸ Покровский М. Н. Виновники войны // Империалистская война: сборник статей 1915—1930. М.: Соцэпгиз, 1934. С. 68, 74, 81—82. (первое издание сборника появилось в 1928 г.)

тому покровительствовало самодержавие⁶⁹. Автор имел в виду тот факт, что Россия воевала главным образом за проливы, через которые шел основной поток хлеба, принадлежавшего помещикам и торговому капиталу.

В середине 1920-х гг. Покровский испытал определенное влияние со стороны своих учеников по Институту красной профессуры (Н. Н. Ванага и С. Л. Ронина), которые проделали большую работу по изучению истории становления финансового капитализма в России⁷⁰. Они полагали, что после революции 1905 г. российский капитализм стал монополистическим. При этом Ванаг говорил о *господстве* финансового капитала в этот период: «Период пореволюционной (1905) промышленной депрессии открыл новую страницу в истории русского промышленного капитализма – русская промышленность, *срациваясь* с банковым капиталом, начинает быстро развиваться по пути “новейшего этапа капитализма”, который в эпоху промышленного подъема (канун войны) достигает такого развития, что вполне уместно говорить о *системе* финансового капитала (по терминологии тов. Ленина – системе монополистического капитализма) как *господствующей* в русской капиталистической системе хозяйства»⁷¹. Ознакомившись с результатами работ Ванага и Ронина, Покровский признал: «Финансовый капитал завоевал Россию как раз в промежутке между первой революцией и войной 1914 года»⁷².

Тем не менее Покровский стремился показать ограниченную роль финансового капитала в России и главную роль самодержавия как института власти крепостников-помещиков, интересы которых по-прежнему определяли внутреннюю и внешнюю политику России. В этой связи весьма показательным является то предисловие, которое в 1927 г. Покровский написал к двухтомнику «Очерки по истории Октябрьской революции». Двухтомник был подготовлен его учениками в рамках семинара в Институте красной профессуры. В первом томе речь шла о предпосылках и причинах Русской революции в целом и его Октябрьского этапа в особенности. В предисловии Покровский задает вопрос: «существовал ли в России перед войной 1914 года империализм “капиталистического” типа, или же нам приходится для этой

⁶⁹ Покровский М. Н. Как возникла Мировая война // Империалистская война... С. 146.

⁷⁰ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М.: Пролетарий, 1925; Ронин С. Л. Иностранный капитал и русские банки: к вопросу о финансовом капитале в России. М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926.

⁷¹ Ванаг Н. Финансовый капитал в России... С. 227.

⁷² Покровский М. И. Значение революции 1905 г. М.: Госиздат. 1925. С. 10.

эпохи говорить лишь о “военно-феодальном” империализме, т. е. о захватнической политике царизма, аналогичной колониальному захватничеству капиталистических стран в доимпериалистический период?» И дает такой ответ: «Нет сомнения, что в России ... была власть банковского капитала, были синдикаты и зачатки трестов. Но нет сомнений также, что настоящих империалистических задач русский капитализм 1914 года себе еще не ставил». По мнению автора, в мировой войне Россия преследовала «классические цели старого русского царизма»⁷³. Эти рассуждения говорили о том, что историк в целом остался верен своему прежнему взгляду на характер участия России в мировой войне. Отметим использование Покровским ленинского термина «военно-феодальный империализм», который постепенно приобретал все более важную роль в советской историографии империализма.

В статье «По поводу одной путаницы», написанной в конце 1931 г. и опубликованной в 1932 г. уже после его смерти, Покровский подтверждал как само собой разумеющееся, что «у нас перед 1917 г. имелись налицо, в более или менее развитом виде, *все формы* европейского капитализма, включая промышленный, и финансовый»⁷⁴. Однако далее он привел известную ленинскую оценку о том, что Россия является страной «наиболее отставшей в экономическом отношении», в которой «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»⁷⁵. Фактически Покровский вслед за Лениным описал экономический строй России в рамках концепции «многоукладности», не используя этот термин: в стране есть все формы европейского капитализма, но даже новейшая форма капитализма оплетена сетью докапиталистических отношений. До конца жизни Покровский не считал монополистический капитализм *доминирующим* укладом, определяющим российский капитализм в целом.

Об этом свидетельствует *последняя редакция* главной послереволюционной работы Покровского – книги «Русская история в самом сжатом очерке». Книга четыре раза редактировалась и дополнялась автором в период с 1921 по 1930 г. и была известна широкому кругу читателей. Несмотря на название «сжатый очерк», она насчитывала более 500 страниц, и половина из

⁷³ Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927: в 2 т. Т. 1. М.: 1927. С. V.

⁷⁴ Покровский М. Н. По поводу одной путаницы // Историк-Марксист. 1932. № 1–2. С. 19.

⁷⁵ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 378.

них была посвящена эпохе Николая II. В главе, названной «Экономика революционного периода», Покровский проанализировал развитие экономики страны в период 1900–1914 гг. и ни разу не использовал термины «монополистический капитализм» и «финансовый капитал» применительно к капитализму в России начала XX в. Нет таких понятий и во всех других главах.

Значит ли сказанное, что Покровский отрицал существование определенных материальных предпосылок для Октябрьской революции? Нет. С первых же страниц третьей части своего «сжатого очерка» автор подчеркивал высокие *темпы роста* российской промышленности на рубеже веков. В частности, он писал о том, что в период с 1890 по 1913 гг. производство чугуна в России увеличилось в 5,2 раза, в то время как в Германии оно выросло лишь в 4,2 раза, а в США – в 3,4 раза, а в Англии – в 1,3 раза. Автор отметил *высокий уровень концентрации производства и рабочего класса* в России, превосходивший уровень такой концентрации в развитых капиталистических странах. Поскольку в стране строились крупные современные предприятия, Покровский охарактеризовал довоенную Россию как «страну очень развитого *промышленного* капитализма, притом развившегося быстрее, нежели в какой бы то ни было другой стране»⁷⁶. Тем не менее повторим, в этой своей главной работе он не сделал вывода о вступлении предвоенной России в эпоху *господства* монополий и финансового капитала.

От такого вывода историка удерживала ситуация в аграрной сфере: «В то время, – писал Покровский, – как в области промышленности Россия *быстро догоняла* самые передовые страны, – в области *главного* производства страны, в области сельского хозяйства, у нас *господствовали* средневековые порядки, подобных которым нельзя было уже нигде найти в Западной Европе»⁷⁷. Покровский подчеркнул тот факт, что *главной* отраслью экономики дореволюционной России являлось сельское хозяйство, и оно было отсталым. Этот факт не давал возможность ставить российский капитализм на один *качественный* уровень с капитализмом в ведущих странах Запада и говорить только о количественном отставании. «У нас сельское хозяйство, – писал Покровский, – давало картину, *далеко не похожую на то торжество капитализма*, какое мы только что видели в русской обрабатывающей промышленности. Прежде всего, из хлеба, шедшего на продажу (примерно 20 млн т), только 20 % с небольшим давало крупное хозяйство; почти

⁷⁶ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке... С. 241.

⁷⁷ Там же. С. 246.

80 % (78,4) шло с крестьянских земель, т. е. производилось мелким хозяйством, *не капиталистического, а средневекового, докапиталистического типа*». Автор считал, что и помещичье хозяйство было преимущественно некапиталистическим по методам обработки земли: «В огромном количестве случаев помещичья земли обслуживалась крестьянским хозяйством – барская пахля пахалась мужицкими орудиями и лошадьми». «Мы сделали бы очень поспешное заключение, – писал историк, – если бы сочли все крупные хозяйства России конца XIX в. капиталистическими»⁷⁸. Таким образом, Покровский-историк склонялся к выводу о том, что в аграрной сфере пока еще доминировали докапиталистические уклады.

Автор уделил большое внимание аграрным реформам П. А. Столыпина и признавал их капиталистический характер. Он так оценил потенциал этих реформ в главном социально-политическом вопросе: «Столыпин не мог утолить земельную жажду крестьян, но он нашел средства *оттянуть развязку кризиса* на целых десять лет; оттянул бы вероятно и на *более долгий срок, не будь войны 1914 г.*»⁷⁹. Иными словами, Покровский, как и Рожков, допускал возможность успеха Столыпинских реформ в условиях мирного развития страны и признавал возможность альтернатив в развитии предвоенной России. В то же время Покровский отнюдь не считал, что реформы Столыпина могли *быстро* привести к устранению причин новой революции. Он лишь не исключал такую возможность в ситуации длительного развития царской России в условиях мира, упоминая столыпинские «двадцать лет». В этом контексте Покровский критиковал Рожкова, который в предвоенные годы переоценивал позитивные результаты реформ Столыпина⁸⁰.

Последнюю главу своей книги Покровский закончил ленинской цитатой: «Я не отрицаю возможности “прусского” пути, – писал Ленин в декабре 1909 г., – я ... признаю, что политика Столыпина делает еще шаг вперед по “прусскому” пути и что на этом пути на известной ступени может наступить диалектический перелом, снимающий с очереди все надежды и виды на “американский” путь. Но я утверждаю, что сейчас этот перелом наверное еще не наступил». Далее Ленин писал: «У нас еще идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе нашей эпохи (1905... гг.) выступит, обязательно выступит “общедемократическое” движе-

⁷⁸ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке... С. 242.

⁷⁹ Там же. С. 460.

⁸⁰ Там же. С. 465–466, 469–471.

ние “мужичка”, и игнорирование этого было бы коренной ошибкой»⁸¹. Приведя ленинскую цитату, Покровский поставил точку, заставляя нас гадать, о том, что он написал бы в следующих главах по вопросу о причинах Русской революции. Историк был болен и не завершил своей основной работы.

Впрочем, есть материал, который позволяет судить о позиции Покровского к концу 1920-х гг. Речь идет о докладе, который Покровский сделал на I Всесоюзной конференции историков-марксистов в декабре 1928 г. Это был очень представительный форум, и Покровский явно хотел лучшим образом представить свои взгляды и объяснить те ошибки, которые он был вынужден признать. Главная идея доклада – разоблачить попытки *«чисто экономического объяснения»* причин Октябрьской революции как меньшевистские, антиленинские и сделать акцент на политические факторы. Покровский прямо подчеркивал, что большевики «прорвались к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко экономическим законам»⁸². Этот принципиальный доклад показывает, что в вопросе о предпосылках и причинах Октябрьской революции Покровский занимал позицию, близкую той, что занимал Рожков: Октябрь – результат незрелости российского капитализма, особых условий его развития и мировой войны. Эти условия сблизили два типа революции (крестьянской и пролетарской), которые сплелись в единый процесс. Победа большевиков была обусловлена неготовностью и неспособностью их противников решить наиболее острые вопросы (мир, земля, меры выхода из экономического кризиса) в рамках буржуазно-демократической революции. Отличие позиций этих двух историков состояла в том, что Покровский принял курс на пролетарскую революцию до ее победы, а Рожков только после того, как увидел, что НЭП позволяет идти к социализму и в условиях отсталой России.

Чтобы более глубоко понять позицию двух самых крупных профессиональных историков-большевиков с дореволюционным партийным стажем, необходимо сделать небольшое отступление и обратиться к анализу позиции, которую в вопросе о причинах Октября занимали руководители правящей партии, а также посмотреть, как она отражалась в партийных документах. Партия большевиков, как и все политические партии марксистского типа, строила свою

⁸¹ Ленин В. И. И. И. Скворцову-Степанову. 16 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 226–227.

⁸² Покровский М. Н. Ленинизм и русская история // Историческая наука и борьба классов. М.; Л.: 1933. Вып. 2. С. 269.

политику на основе теории: все основные стратегические решения имели соответствующее теоретическое обоснование. Понятно, что курс на социалистическую революцию в крестьянской России не мог не иметь такого обоснования. В первую очередь рассмотрим позицию В. И. Ленина, затем И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого, которые после смерти Ленина стали самыми видными лидерами партии и вступили в полемику по коренным вопросам истории Октября, используя ее в интересах борьбы за власть.

О позиции Ленина. Советская историография всегда строилась с учетом оценок, которые тем или иным проблемам истории революции давал В. И. Ленин. По сути советская историография развивалась как процесс выявления, осмысления и интерпретации ленинской концепции революции. Последнюю по времени трактовку проблемы предпосылок и причин Октября Ленин дал в статье «О нашей революции», написанной в январе 1923 г. и посвященной анализу книги меньшевика Н. Н. Суханова «Записки о революции»⁸³. Именно на нее ссылался Покровский в упомянутой речи на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. Приведенная ранее цитата Покровского взята из отредактированного текста его речи, а сразу после конференции в журнале «Историк-марксист» доклад Покровского излагался так: «Борясь с “чисто экономическими” объяснениями проблемы, М. Н. Покровский ссылается в данном случае на Ленина, говорящего по поводу книги Суханова, “не пора ли авторов чисто экономических объяснений объявить дураками” – указывая на меньшевистский характер чисто экономических объяснений»⁸⁴. Покровский вольно передал фразу о «дураках», но отношение Ленина к позиции Н. Н. Суханова и партии меньшевиков в вопросе о причинах Октября историк изложил точно.

Ленин писал: «...до бесконечия шаблонным является у них довод, ... который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные “ученые” господа из них, *объективных экономических предпосылок для социализма*. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он *под влиянием безвыходности своего положения* броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?

⁸³ Суханов Н. Н. Записки о революции. 3-е изд. Берлин – Пб.; – М.: Изд-во Гржебина, 1922.

⁸⁴ Историк – марксист. 1929. № 11. С. 235.

“Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм”. С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это *бесспорное положение* они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции.

<... >

Что если полная *безвыходность положения*, удесятерая тем силы рабочих и крестьян, открывала нам *возможность иного перехода* к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах?»⁸⁵.

Из этих оценок, опубликованных в газете «Правда» 30 мая 1923 г. для всеобщего сведения, ясно следовало, что Ленин, размышляя о причинах Октябрьской революции, не выводил их из высокого уровня развития российского капитализма. Эти причины лежали в другой плоскости – в кризисной ситуации, созданной мировой войной. Конечно, эти январские заметки не исчерпывали позицию Ленина по вопросу о предпосылках и причинах революции, но они ясно показывали, что Ленин занимал позицию, близкую к позиции Рожкова и Покровского.

Ленин исходил из существования определенного минимума объективных предпосылок для социалистической революции в России, который позволял осуществить эту революцию по-особому, как серию *«переходных шагов»* к социализму. Именно такую стратегию он предложил большевикам в письмах, направленных в Петроград сразу после победы Февральской революции. При этом возможность прихода партии пролетариата к власти он прямо связал с позицией крестьян. Вот ключевые положения мартовских писем:

– «В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем *лишь при условии*, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за *конфискацию* всего помещичьего землевладения (и *национализацию* всей земли, если принять, что аграрная программа «104-х» осталась по сути своей аграрной программой крестьянства)».

– «В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее *возможны и необходимы* дальнейшие шаги пролетариата в союзе с *беднейшей* частью крестьянства, шаги, направленные к *контролю* производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д.».

– «... своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы *переходом к социализму*, который непосредственно, сразу, *без переходных мер в России не-*

⁸⁵ Ленин В. И. О нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

осуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер»⁸⁶.

На VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) Ленин выводил курс на пролетарскую революцию в Европе и в России из необходимости покончить с мировой империалистической войной, которая «привела человечество к безвыходному положению и поставила его на край гибели». При этом в принятой резолюции «О текущем моменте» Ленин отмечал, что в развитых странах Европы уже сложились экономические предпосылки для социалистической революции, а в отношении России делался иной вывод: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования». И делегаты конференции понимали, почему «не может» – нет объективных социально-экономических и общекультурных предпосылок для непосредственного перехода к социализму. В резолюции Ленин объективно оценил общий уровень развития России («одна из самых отсталых стран в Европе»), а далее в речи в защиту предложенной им резолюции заявил: «Обыкновенно из первых посылок делают такой вывод: “Россия – страна отсталая, крестьянская, мелкобуржуазная, а потому о социальной революции и говорить нельзя”, но забывают, что войной мы поставлены в необыкновенные условия...»⁸⁷. Иными словами, он не оспаривал оценки России как отсталой страны, но говорил об особых условиях мировой войны. И уже на этой основе убеждал делегатов в необходимости «разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму». Речь шла о национализации земли, установлении государственного контроля за всеми банками, страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов⁸⁸. Ленин прямо пишет в тексте резолюции, что и в России «такие меры экономически вполне созрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях»⁸⁹. Важно отметить, что он не связывал предлагаемые меры с выводом о вступлении российского капитализма в высшую стадию. Такого вывода нет ни в Апрельских тезисах, ни в решениях Апрельской конференции.

⁸⁶ Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56.

⁸⁷ Ленин В. И. Речь в защиту резолюции о текущем моменте // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 444.

⁸⁸ О текущем моменте // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М.: Госполитиздат, 1958. С. 255–258.

⁸⁹ Там же. С. 257.

Что же удерживало Ленина от такого вывода? Ответ дан в первой части резолюции: Россия – одна из самых отсталых стран в Европе с преобладанием мелкобуржуазного крестьянского населения. Ленин понимал, что сформулированный им главный признак эпохи империализма – «господство монополий и финансового капитала» не применим к экономике России в целом. В этом вопросе он был согласен с Рожковым и Покровским.

В резолюциях Апрельской конференции нет ни слова и о перерастании российского капитализма в государственно-монополистический. Термин «государственно-монополистический капитализм» вообще не употреблялся Лениным в работах, написанных до 1917 г., включая главный труд по теории империализма (июль 1916). Термин появился только в апреле 1917 г. в резолюции «О текущем моменте» для характеристики ситуации в развитых капиталистических странах: «Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм, общественное регулирование производства и распределения, в силу давления обстоятельств, вводится в ряде стран, некоторые из них переходят к всеобщей трудовой повинности»⁹⁰. Появление термина – результат осмысления той практики государственного вмешательства в экономику, которую в годы войны продемонстрировали Германия, Англия и Франция. В России весной 1917 г. Временной правительство так же делало первые шаги в этом направлении.

В мае 1917 г. Ленин работал над текстом новой программы РСДРП и в своей проект вписал следующие строки: «высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистской войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. п.»⁹¹. Однако вновь он избегает вывода о том, что российский капитализм уже стал монополистическим.

В сентябре 1917 г. Ленин написал брошюру «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», в которой *впервые* вполне определенно оценил российский капитализм как монополистический и отметил *процесс* его перерастания в государственно-монополистический капитализм: «Об империализме, – писал Ленин, –

⁹⁰ О текущем моменте // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М.: Госполитиздат, 1958. С. 256.

⁹¹ Ленин В. И. Материалы по пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 156–157.

говорят все. Но империализм есть не что иное, как монополистический капитализм. Что в России тоже капитализм *стал монополистическим*, об этом “Продуголь”, “Продамет”, сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в *государственно-монополистический* капитализм». Ленин сделал вывод: «государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает *шаг и шаги* к социализму». Далее Ленин сформулировал более категоричную оценку: «Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — *никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически*, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»⁹².

Впоследствии многие историки будут трактовать эту фразу как вывод Ленина об *экономической зрелости* России для социализма. И Ленин дал основания так думать, хотя, на самом деле, если брать контекст всей брошюры, речь шла о «зрелости» России для осуществления *переходных шагов* к социализму, что соответствовало резолюциям Апрельской конференции и июльского VI съезда РСДРП(б). Сентябрьская брошюра была написана в момент, когда Ленин убеждал партию в необходимости безотлагательно взять власть. Ему надо было преодолеть мнение ряда авторитетных большевиков, которые считали, что для социалистической революции в стране нет объективных условий, а поэтому власть должна перейти в руки всех советских партий («однородное социалистическое правительство»).

Обратим внимание на то, что в дальнейшем Ленин ни разу не повторил свою сентябрьскую оценку и не предлагал внести столь важное положение в партийные документы. А поводы для этого были самые непосредственные, так как в 1917 и 1918 гг. лидеры большевиков вели работу по подготовке новой партийной программы. Свои проекты набрасывали Ленин, Бухарин и другие видные большевики. И ни в одном из проектов, равно как и в итоговом варианте, Программе РКП(б), принятой в 1919 г., не говорилось о том, что курс большевиков в Октябрьской революции был обусловлен вступлением *российского* капитализма в высшую стадию⁹³.

⁹² Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191, 193.

⁹³ VIII съезд РКП(б). Март 1919. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 390–411.

О причине осторожности уже сказано: Ленин понимал, что монополистический капитализм в России – всего лишь один из укладов в экономике России и не доминирующий в крестьянской стране. Весной 1918 г. Ленин откровенно изложил свою позицию в статье «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности». Он напомнил о своей сентябрьской брошюре 1917 г., где называл государственно-монополистический капитализм «преддверием» социализма, а далее написал: «Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма *не находимся?*»⁹⁴. Именно эта ясность удерживала его от внесения в программные документы тезиса о том, что Россия накануне революции вступила в стадию монополистического капитализма, и что на этой основе большевики решили бороться за власть.

Не стоит упрекать Ленина в том, что весной 1918 г. он не так как осенью 1917 г. расставлял акценты при трактовке вопроса о степени зрелости материальных предпосылок для социалистической революции в России. Ленин был прежде всего политиком, который решал текущие политические задачи. В сентябре 1917 г. он делал акцент на *наличие* предпосылок для пролетарской революции, убеждая колеблющихся членов ЦК партии большевиков не бояться идти вперед и взять власть. Весной 1918 г. он делал акцент на относительную *слабость* этих предпосылок, убеждая рабочих, начавших национализацию фабрик и заводов в необходимости идти к социализму через различные формы госкапитализма, не забегать вперед. Однако в обоих случаях Ленин защищал одну и ту же стратегию – переходных шагов к социализму, и поэтому его нельзя упрекнуть в беспринципном оппортунизме. Повторим: Ленин изначально считал возможным строительство социализма в России в рамках концепции переходных шагов, исходя из реального уровня развития российского капитализма. Именно поэтому весной 1918 г. он назвал «странным и чудовищным» предложение Н. И. Бухарина и его левых сторонников не заключать Брестский мир с Германией и идти на возможность утраты Советской власти в России в интересах подталкивания революции в Германии⁹⁵.

Брестская позиция Ленина раскрывала еще один важный аспект его стратегической концепции. Он никогда не рассматривал революцию в России только или главным образом как способ подтолкнуть революцию на Западе. В социализме Ленин видел инструмент ускорения развития России – воз-

⁹⁴ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 299, 303.

⁹⁵ Ленин В. И. Странное и чудовищное // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 399.

возможность сконцентрировать в руках государства основные средства производства и развивать их по плану на основе социального единства общества, свободного от эксплуататоров. Необходимость ускорения вытекала из особенностей эпохи империализма – эпохи войн за передел мира. Первая мировая война показала, что Россия, несмотря на высокие темпы развития, не могла сократить отставание от ведущих держав Запада по основным показателям. Острые классовые конфликты, вековой разрыв в уровне жизни «верхов» и «низов» лишали страну социально-политической стабильности, необходимой для концентрации ресурсов в интересах рывка вперед. Глубокое осознание особенностей эпохи империализма привело к тому, что в 1917 г. Ленин был единственным российским политиком, который четко сформулировал императив для России XX века: «догнать Запад». И обозначил альтернативу: «догнать или погибнуть». Характерно, что этот тезис Ленин сформулировал в той же сентябрьской брошюре, в которой говорил, что и в России идет процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический. Иными словами, он убеждал читателя: переход к социализму возможен и он необходим. «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*. Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»⁹⁶.

Важно подчеркнуть, что сентябрьский тезис «догнать Запад или погибнуть» имел смысл только в одной ситуации: если мировой революции не будет. И в этом заключен ответ на вопрос, делал ли Ленин ставку на победу мировой революции как на необходимое условие победы пролетарской революции в России. В «Апрельских тезисах» об этом ни слова. Вся апрельская стратегия была рассчитана на внутренний потенциал и прежде всего на особенности крестьянской революции. На мировую революцию Ленин ставил как на фактор, который позволял Советской России выжить в условиях враждебного окружения. Эта ставка оказалась верной: революции в Германии, Австрии, Венгрии не победили, но они произошли и создали обстановку, при которой Запад не сумел подавить победившую революцию в России.

О позиции Сталина. До приезда Ленина в Петроград в апреле 1917 г. Сталин поддерживал ту точку зрения, которая была закреплена в решениях III съезда партии большевиков в 1905 г. и предусматривала борьбу за победу радикальной буржуазно-демократической революции. Эту точку зрения Сталин

⁹⁶ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.

отстаивал, возглавляя редакцию газеты «Правда» вместе с Л. Б. Каменевым. Реакция этой редакции на «Апрельские тезисы» Ленина хорошо известна. В редакционной статье 8 апреля «Правда» писала: «Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую». Эта оценка говорит о том, что Каменев и Сталин не поняли и не приняли сути ленинской стратегии переходных шагов.

Однако в отличие от Каменева Сталин быстро перешел на позицию Ленина. В июле-августе 1917 г. Сталин руководил работой VI съезда РСДРП(б), который подтвердил все резолюции Апрельской конференции⁹⁷. Съезд одобрил резолюцию Н. И. Бухарина «Об экономическом положении», в которой при характеристике экономики России отмечался «относительно низкий уровень развития производительных сил и несовершенство их экономическо-технической организации»⁹⁸. Других оценок уровня развития российского капитализма резолюция съезда не содержала. Как и в резолюциях Апрельской конференции, в ней нет тезиса о монополистическом характере российского капитализма. Позицию Сталина в вопросе о предпосылках пролетарской революции в России хорошо показывает возникший на съезде спор о том, может ли Россия стать «страной, пролагающей путь к социализму». Видный большевик Е. А. Преображенский предлагал прямо исключить из резолюции упоминание о курсе на социализм, указывая на незрелость социально-экономических условий в России и ссылаясь на только что принятую резолюцию Н. И. Бухарина. Сталин возразил и привел такие аргументы:

- «до сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России»;
- «база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства»;
- в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии»⁹⁹.

Иными словами, Сталин связывал возможность социалистической революции в России главным образом с факторами, рожденными незрелостью российского капитализма: слабостью госаппарата российской буржуазии, ре-

⁹⁷ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. С. 251.

⁹⁸ Там же. С. 257.

⁹⁹ Там же. С. 250.

волюционностью крестьян, готовых объединиться с рабочими в условиях уже начавшейся революции.

В дальнейшем Сталин не претендовал на то, чтобы сказать какое-то новое слово по этим вопросам. Однако сразу после смерти Ленина он стремился представить себя не просто учеником, но и толкователем ленинизма. К этому его подтолкнула позиция Троцкого, который уже в 1923 г. заявил о своих претензиях на роль идейного лидера партии на фоне явного угасания Ленина. В апреле-мае 1924 г. в Свердловском университете Сталин прочитал цикл лекций под названием «Об основах ленинизма». В них он дал определение ленинизму (методу, теории, стилю) и объяснил международные условия и причины Русской революции в целом и Октябрьской революции в особенности. До этого Сталин не писал ничего подобного по масштабу поднятых проблем. В то же время текст был написан в традиционном для Сталина стиле. Структура и манера изложения отличались четкостью и хорошо учитывали уровень аудитории. Первоначально лекции были опубликованы в восьми номерах газеты «Правда». В дальнейшем брошюра И. В. Сталина «Об основах ленинизма» включалась во все одиннадцать изданий сборника «Вопросы ленинизма», которые периодически выходили, начиная с 1926 г., и пополнялись другими важными работами Сталина¹⁰⁰. Постепенно сборник превратился в учебник в системе партийной учебы. Однако оценки, данные Сталиным, не сразу стали ориентиром для советских историков. Ни Рожков, ни Покровский не ссылались на Сталина в своих работах. Не ссылались на работы Сталина и многие молодые историки 1920-х гг. Они рассматривали Сталина как политического лидера, а не как теоретика.

Важно отметить, что Сталин прочитал свои лекции в разгар борьбы с троцкизмом, в ходе которой особое внимание уделялось обоснованию возможности построения социализма в России в условиях капиталистического окружения. Сталин защищал тезис о том, что для построения социализма в СССР есть все необходимые условия. Казалось бы, что эта ситуация должна была подтолкнуть Сталина к признанию монополистического характера российского капитализма предреволюционного периода и активно эксплуатировать сентябрьскую (1917 г.) позицию Ленина. Однако он не пошел по этому пути. Готовя свои лекции, Сталин внимательно прочитал ленинскую книгу «Империализм как высшая стадия капитализма» и, конечно же, обратил вни-

¹⁰⁰ См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1939 (переиздано без правок и добавлений в 1945 и 1952 гг.)

мание на то, что в этом важнейшем теоретическом труде Ленин ни разу прямо не назвал российский капитализм монополистическим. Сталин, несомненно, изучил и другие работы Ленина, включая столь острые заметки по поводу книги Н. Н. Суханова. В результате Сталин в своих лекциях также ни разу прямо не назвал российский капитализм монополистическим, но всегда рассматривал Россию как капиталистическую страну и звено в мировой системе империализма, в котором есть возможность идти к социализму в рамках стратегии переходных шагов, принятой в апреле 1917 г.

В своих лекциях Сталин, описав по Ленину особенности империализма как новой стадии развития капитализма в мировом масштабе и отметив зрелость развитых стран Европы для социалистической революции, от лица читателя задал вопрос: «Все это хорошо, скажут нам, но при чем тут Россия, которая ведь *не была и не могла быть классической страной империализма?* При чем тут Ленин, который работал прежде всего в России и для России? Почему именно Россия послужила очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции?». И дал такой ответ: «Потому, что Россия была узловым пунктом всех этих противоречий империализма», т. е. противоречий империализма как мировой системы¹⁰¹.

К тезису об «узловом пункте противоречий» Сталин добавил тезис о слабом звене в цепи империализма: «Фронт капитала прорвется там, где цепь империализма слабее, ибо пролетарская революция есть результат *разрыва цепи* мирового империалистического фронта в *наиболее слабом ее месте*». И пояснил, каким должно быть слабое звено: «цепь империалистического фронта, как правило, должна прорваться там, где звенья цепи слабее, и уж, во всяком случае, *не обязательно там, где капитализм более развит*»¹⁰².

Опираясь на эти тезисы, Сталин обосновывал необходимость *по-новому смотреть на вопрос об объективных предпосылках для пролетарской революции*: «Раньше принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах, или точнее – в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым пре-

¹⁰¹ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1947. С. 74.

¹⁰² Там же. С. 97, 98.

пятствием к революции, *если* система в целом или, вернее, — *так как* система в целом уже созрела для революции»¹⁰³.

Таким образом, Сталин ясно говорил о том, что теперь главный фактор — зрелость мировой системы капитализма *в целом*. Из этого следовало, что недостаточная степень зрелости российского капитализма не могла быть препятствием для пролетарской революции в России. Напротив, Сталин видел важное подспорье в том, что в России остались нерешенными задачи крестьянской революции. Все эти мысли принадлежали Ленину, но именно Сталин сформулировал их с такой определенностью.

Сталин назвал две причины того, почему в 1917 г. «цепь империалистического мирового фронта» оказалась слабее в России, чем в других странах:

1. «Потому, что в России разворачивалась *величайшая народная революция*, во главе которой шел революционный пролетариат, имевший такого серьезного союзника, как многомиллионное крестьянство, угнетаемое и эксплуатируемое помещиком».

2. «Потому, что против революции стоял там такой *отвратительный представитель империализма, как царизм*, лишенный всякого морального веса и заслуживший общую ненависть населения»¹⁰⁴.

Таким образом, причины Октября Сталин выводил из незрелости российского капитализма, из возможности соединить борьбу крестьян против помещиков с борьбой рабочих против буржуазии.

Сказанное не значит, что Сталин отрицал существование известного минимума экономических предпосылок пролетарской революции в России. Свою точку зрения он изложил в декабре 1929 г., раскрывая учение о «слабом звене» империалистической цепи: «А чем определяется слабость империалистической цепи в данной стране? Наличием *известного минимума промышленного развития и культурности* в этой стране. Наличием в ней *известного минимума* индустриального пролетариата. Революционностью пролетариата и пролетарского авангарда в этой стране. Наличием в ней серьезного союзника пролетариата (например, крестьянство), способного пойти за пролетариатом в решительной борьбе против империализма»¹⁰⁵.

Эту же позицию Сталин повторил в 1946 г. в «Предисловии автора» к первому тому собрания своих сочинений: «Как известно, ленинская теория

¹⁰³ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1947. С. 96. Выделения в цитируемой фразе сделаны И. В. Сталиным.

¹⁰⁴ Сталин И. В. Об основах ленинизма. С. 97.

¹⁰⁵ Сталин И. В. Необходимая поправка // Соч. Т. 12. С. 138–139.

социалистической революции исходит из того, что социалистическая революция победит не обязательно в тех странах, где капитализм более всего развит, а прежде всего в тех странах, где фронт капитализма слаб, где легче прорвать пролетариату этот фронт и где имеется в наличии хотя бы *средний уровень* развития капитализма»¹⁰⁶. Обратим внимание на слова «*средний уровень* развития капитализма». До этого Сталин лишь один раз использовал такую оценку применительно к России в период подготовки Программы Коминтерна (1928)¹⁰⁷, но раскрывал понятие «средний уровень» как существование «известного минимума материальных предпосылок, необходимых для социалистического строительства»¹⁰⁸. Ленин, как было показано, говорил о «средне-слабом» уровне. Таким образом, Сталин, по крайней мере, с конца 1920-х гг. оценивал уровень развития капитализма в предреволюционной России *выше, чем Ленин*. Вероятно, это было связано с той новой ретроспективой, которая существовала в конце 1920-х гг.: исходного уровня хватило для того, чтобы прочно удерживать власть, восстановить экономику и приступить к ее масштабной реконструкции на социалистических принципах. В начале 1920-х гг. перед глазами Ленина стояли другие картины: разруха, вызванная гражданской войной, крестьянские мятежи, Кронштадт, голод 1921 г.

Подводя итог сказанному, сделаем вывод, что и Сталина следует присоединить к той группе видных большевиков, включавшую Ленина и двух профессиональных историков (Н. А. Рожков и М. Н. Покровский), которые в период 1920-х гг. занимали очень аккуратную позицию в вопросе о степени зрелости российского капитализма. Они отмечали высокую степень концентрации промышленного производства и пролетариата и полагали, что в стране существовал минимум объективных условий, которые позволяли строить социализм в рамках концепции переходных шагов. Они выводили причины Октября из всего комплекса противоречий с акцентом на нерешенность задач демократической революции, что позволяло соединить борьбу за мир и землю с борьбой за свержение буржуазии.

О позиции Троцкого. Концепция русской революции сложилась у Л. Д. Троцкого на основе теории перманентной революции, созданной под влиянием идей А. Л. Парвуса уже в 1905 г. В 1906 г. Троцкий опубликовал брошюру «Наша революция», в которой провел мысль о том, что в мире в

¹⁰⁶ Сталин И. В. Предисловие автора к первому тому // Соч. Т. 1. С. XV

¹⁰⁷ Сталин И. В. О Программе Коминтерна // Соч. Т. 11. С. 155–156.

¹⁰⁸ Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна. Выпуск 6. М; Л.: Госиздат, 1929. С. 37.

целом материальные предпосылки для социалистической революции уже созрели, и в России высокая степень концентрации производства и промышленного пролетариата дают последнему возможность взять власть и приступить к социалистическим преобразованиям, поскольку «политическое господство пролетариата несовместимо с его экономическим рабством. Под каким бы политическим знаменем пролетариат ни оказался у власти, он вынужден будет стать на путь социалистической политики. Величайшей утопией нужно признать мысль, будто пролетариат, поднятый на высоту государственного господства внутренней механикой буржуазной революции, сможет, если даже захочет, ограничить свою миссию созданием республиканско-демократической обстановки для социального господства буржуазии»¹⁰⁹.

И далее Троцкий ставил вопрос: как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? И дал на него такой ответ: «Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру»¹¹⁰.

Троцкий полагал, что эта теория была подтверждена опытом революции 1917 г., и выступает как общая теория мировой революции, т. е. превратилась в теорию, которая раскрывала «вопрос о характере, внутренних связях и методах *международной революции вообще*»¹¹¹. Эту оценку он дал в брошюре «Перманентная революция», изданной в Берлине в 1930 г.

В конце брошюры в нескольких тезисах Троцкий сформулировал итоговую версию своей концепции:

«В отношении стран с запоздалым буржуазным развитием, в частности, колониальных и полуколониальных, теория перманентной революции означает, что полное и действительное разрешение их *демократических и национально-освободительных* задач мыслимо лишь через диктатуру пролетариата, как вождя угнетенной нации, прежде всего ее крестьянских масс».

¹⁰⁹ Троцкий Л. Д. Наша революция. СПб.: изд-во Н. Глаголева, 1906. С. 275.

¹¹⁰ Там же. С. 275, 277-278.

¹¹¹ Троцкий Л. Д. Перманентная революция. Берлин: Гранит, 1930. С. 164.

«Диктатура пролетариата, поднявшегося к власти в качестве вождя демократической революции, неизбежно, и притом очень скоро, ставит перед ним задачи, связанные с глубокими вторжениями в права буржуазной собственности. Демократическая революция непосредственно перерастает в социалистическую, становясь тем самым *перманентной* революцией».

«Завершение социалистической революции в национальных рамках немисливо. ... Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной, и завершается на мировой».

«Указанная выше схема развития мировой революции снимает вопрос о странах, “созревших” и “несозревших” для социализма... Поскольку капитализм создал мировой рынок, мировое разделение труда и мировые производительные силы, постольку он подготовил мировое хозяйство в целом для социалистического переустройства»¹¹².

Чем отличается позиция Троцкого, изложенная в этих тезисах, от позиции Ленина, Сталина, а также позиции Покровского и Рожкова, двух самых видных историков в среде большевиков? Для того времени главное отличие состояло в ответе на вопрос о возможности построить социализм в СССР в условиях капиталистического окружения. Названная четверка полагала, что такая возможность есть. Троцкий считал, что это «немисливо». Это расхождение стало объективной причиной (выводя за скобки субъективные причины: борьба за власть) борьбы между Сталиным и Троцким и предопределило поражение Троцкого. Рядовым членам партии и рабочим в целом было трудно принять позицию Троцкого: власть взяли, чтобы строить социализм, зная, что в России его нельзя построить, что все зависит от революции в Европе. И чем больше задерживалась революция в Европе, тем слабее становились позиции Троцкого.

Отрицание Троцким перспектив успешного социалистического строительства в России говорило о том, что степень зрелости объективных предпосылок для Октября он оценивал не так, как его оппоненты. Троцкий признавал существование объективных предпосылок для того, чтобы российский пролетариат *взял власть* в ходе демократической революции и *начал переход* к социализму в отсталой России. Но отрицал *достаточность* этих предпосылок для того, чтобы в России был *построен* социализм.

Для темы нашей работы важен аспект позиции Троцкого, связанный с трактовкой *причин* победы Октябрьской революции. Троцкий основывал

¹¹² Троцкий Л. Д. Перманентная революция... С. 164–168 (все выделения в тексте сделаны Троцким).

свою позицию на тезисе о реакционности российской буржуазии перед лицом революционного пролетариата и тезисе о политической слабости *крестьянства, неспособного к самостоятельному действию*. Из этого делался вывод о невозможности в условиях России разрешить задачи демократической революции без установления власти пролетариата: «победа демократической революции мыслима *лишь* через диктатуру пролетариата, опирающегося на союз с крестьянством»¹¹³.

Эта категоричность отличала позицию Троцкого от позиции Ленина, который в резолюции по аграрному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции прямо говорил о возможных вариантах. Принятая резолюция гласила: «В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, – в зависимости от этого *определится судьба и исход русской революции ...*»¹¹⁴.

В 1917 г. Ленин боялся, что Февральская революция в России завершится созывом Учредительного собрания и формированием правительства умеренных социалистов, т. е. диктатурой пролетариата и крестьянства при главной роли непролетарских партий. А Троцкий с 1905 г. считал такой исход невозможным. Вот что он писал в 1929 г. о своей позиции 1905 г.: «Я доказывал, что *крестьянство*, несмотря на свой колоссальный социальный и революционный вес, *не способно ни создать действительно самостоятельную партию, ни, тем более, сосредоточить в руках такой партии революционную власть*»¹¹⁵.

Тезис о неспособности крестьянства иметь свою партию, способную взять власть – главная и в общем-то удивительная ошибка Троцкого. Она могла появиться в 1904 – начале 1905 гг., когда политический потенциал крестьянского движения был еще не ясен. Именно поэтому Парвус выдвинул лозунг «Без царя, а правительство рабочее», привлекая внимание Троцкого. Однако уже во второй половине 1905 г. он должен был исправить свою ошибку по той простой причине, что летом крестьяне создали Всероссийский крестьянский союз, который по неполным данным к концу года только в Европейской части России насчитывал 470 волостных и сельских организаций,

¹¹³ Троцкий Л. Д. Перманентная революция... С. 165.

¹¹⁴ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М.: 1958. С. 246.

¹¹⁵ Троцкий Л. Д. Перманентная революция... С. 10.

объединявших до 200 тыс. чел. Союз имел сугубо политическую программу и находился под влиянием партии эсеров, которые в 1905 г. насчитывали в своих рядах более 60 тыс. человек. Эта политическая сила, по меньшей мере, не уступала по численности и влиянию социал-демократам. А созыв в 1906 г. Первой Государственной Думы ясно показал, что даже в условиях очень неравного представительства депутаты от крестьян создали крупную фракцию «трудовиков», которая была по численности второй после кадетов, обладала яркими лидерами и имела широкую популярность среди миллионов крестьян. Во второй Думе «трудовики» (104 депутата) опередили кадетов (98) и намного превосходили фракцию социал-демократов (65). Только после государственного переворота и изменения избирательного закона в июне 1907 г. правительству удалось резко снизить число депутатов-«трудовиков». Почему Троцкий проигнорировал эти очевидные факты, остается неясным.

Тот факт, что Ленин в апреле 1917 г. поставил перед большевиками задачу бороться за власть в условиях незавершенной демократической революции, Троцкий рассматривал как признание Лениным его правоты. Это неверно. Новая позиция Ленина вытекала, во-первых, из теории империализма как новой стадии капитализма, которой в 1905 г. не было ни у Ленина, ни у Троцкого. Во-вторых, она вытекала из особенностей той ситуации, которая сложилась в России в условиях *мировой войны* и *после* свержения самодержавия (оружие в руках миллионов рабочих и крестьян, стремление народа к миру, нерешенность аграрного вопроса, стремление умеренных социалистов сохранить блок с кадетами, их боязнь выйти за рамки буржуазной революции). Таких условий в 1905 г. не было.

В 1930–1932 гг., уже находясь в эмиграции, Троцкий написал большую книгу об истории Русской революции. Она представляла собой самый крупный марксистский труд по истории Русской революции на тот период. Четырехтомные «Записки о революции» меньшевика Н. Н. Суханова явно уступали книге Троцкого по уровню осмысления материала. Однако стремление доказать верность своей теории ставило Троцкого в трудное положение. Описание конкретных событий зачастую вело к парадоксальной ситуации: Троцкий-летописец не мог примириться с Троцким-теоретиком.

Суть своей концепции Троцкий сформулировал уже на первых страницах книги в следующих словах: «Вся суть в том, – и это есть главный вывод настоящей книги, – что Февральская революция была *только оболочкой*, в которой скрывалось *ядро* Октябрьской революции»¹¹⁶. Эта оценка сама по

¹¹⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции. Том 1. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. С. 24.

себе вполне имела право на существование, но у Троцкого она отражала стремление, во-первых, принизить значение Февральской революции как революции, которая создала необходимые условия для победы Октября, представив ее «только оболочкой». Во-вторых, она отражала стремление Троцкого внедрить мысль о том, что Февраль заключал в себе Октябрь как единственную позитивную перспективу («ядро») развития Русской революции: альтернативой могла быть только *победа реакции*. Тезис о диктатуре пролетариата как единственно возможном варианте победы революции Троцкий выразил так: «Завоевание власти пролетариатом в отсталой России *неотвратимо* вытекает из соотношения сил в буржуазной революции»¹¹⁷.

Однако Троцкий-летописец, освещаая события революции, показал, что в 1917 г. самой крупной партией России были эсеры, которые и в апреле, и в июле, и сентябре легко могли взять власть в свои руки. Их потенциал как политической партии был больше, чем потенциал большевиков. Описание Троцким истории подготовки и проведения октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и хода II Всероссийского съезда Советов также показывает постоянную возможность альтернатив в развитии событий. Троцкий убедительно показал, что Ленин с огромным трудом, используя ошибки своих противников и оппонентов, обеспечил успех своей линии. Признавая решающую роль Ленина в успехе Октября, т. е. решающую роль субъективного фактора, Троцкий тем не менее повторял: «плачевная роль меньшевиков и социалистов-революционеров ... отражала не просто личную слабость вождей, а историческое вырождение вульгарной демократии и *обреченность* Февральской революции как *демократической*»¹¹⁸. Тезис был слабым и грешил вульгарным фатализмом в книге, которая писалась как история революции, а не как пропагандистская листовка в разгар событий.

Завершая анализ позиции Троцкого, которая отличалась от позиции Ленина, Сталина, Рожкова и Покровского как в вопросе о перспективах строительства социализма в России, так и в оценке роли крестьянства в Русской революции, отметим и то общее, что было у них. Все они, так или иначе, выводили причины Октября из незрелости *российского* капитализма, и не делали акцента на монополистическом характере последнего. Добавим, что Троцкий, как и Сталин, в своей многостраничной «Истории Русской революции» ни разу не использовал термины «монополистический капитализм», «финансовый капитализм» применительно к России.

¹¹⁷ Троцкий Л. Д. История русской революции. Том 2. Ч. 2. ... С. 383.

¹¹⁸ Троцкий Л. Д. История русской революции. Том 1. ... С. 23–24.

Однако группа молодых советских историков, среди которых доминировали ученики Покровского, в результате изучения истории развития промышленности и банковской сферы в экономике России начала XX века пришли к выводу о монополистическом характере предвоенного российского капитализма и его перерастании в государственно-монополистический капитализм (ГМК) в годы мировой войны. Такой вывод ориентировал на иную трактовку причин Октября.

Впрочем, этот вывод защищали не только молодые ученые.

Григорий Цыперович (1871–1932). В этой связи следует назвать имя известного марксиста Г. В. Цыперовича, меньшевика-интернационалиста, который в 1919 г. вступил в РКП(б). Еще до революции он занимался изучением монополий в России и в 1916 г. издал популярный очерк «Синдикаты и тресты»¹¹⁹. В советское время очерк дополнялся и переиздавался. Последнее четвертое издание вышло в 1927 г. Цыперович связывал процесс становления монополистического капитализма в России с последствиями промышленного кризиса 1900–1902 гг. и подчеркивал роль иностранного капитала в этом процессе: «Образование этих крупных капиталистических монополий происходит на почве усиленной концентрации производства, в которой играет все возрастающую роль иностранный капитал, вливающийся в русскую промышленность в акционерной форме и оплодотворяющий ее большим синдикатским опытом. Этот процесс особенно бурно развивается в южной металлургической и горной промышленности, куда иностранные капиталы идут массой в погоне за легкой наживой на казенных заказах. Поэтому здесь же особенно сильно проявляется и действие кризиса 1900–1902 гг. К 1905 г. процесс сращивания иностранных капиталов с русскими (в разных отраслях производства в разных соотношениях), банкового капитала с промышленным и таким образом образовавшегося финансового капитала с государственной властью был *в полном ходу*»¹²⁰.

В годы Первой мировой войны, по мнению Цыперовича, российский капитализм стал государственно-монополистическим, что соответствовало ленинской оценке, данной в сентябре 1917 г. в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Впрочем, Цыперович критически оценивал *потенциал*

¹¹⁹ Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты. Петроград: Прибой, 1916.

¹²⁰ Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Их история за последние 50 лет. Л.: Техника и производство, 1927. С. 177–178.

российского госкапитализма, обвинив царское правительство в неспособности поставить под реальный контроль и регулировать крупную промышленность: «все попытки подчинить государству аппарат капиталистической монополии дальше разрозненных мероприятий ... не ушли»¹²¹. Такой результат автор объясняет не только стремлением крупной российской буржуазии к получению максимально высоких прибылей, но и стремлением буржуазии усилить свои политические позиции в ходе войны¹²². Цыперович разделял позиции Н. А. Рожкова об эгоизме и политической незрелости российской буржуазии. Тезис о формировании ГМК обосновывал существование материальных предпосылок для перехода к социализму в России, а тезис об эгоизме российской буржуазии доказывал необходимость такого перехода.

В концентрированном виде свое понимание предпосылок и причин всей Русской революции и ее октябрьского этапа Цыперович изложил в предисловии к популярной брошюре Я. Рудого «Государственный капитализм в России во время империалистической войны» (1925)¹²³. «Совершенно жалкий вид, – писал Цыперович, – имели попытки царского правительства в России, продолженные после Февральской революции Временным Правительством, использовать методы государственной монополии для предотвращения военного, политического и социального краха, подготовленного еще задолго до войны дружными, совместными усилиями помещиков и капиталистов. Повсюду, чем больше затягивалась война, тем быстрее шел процесс разрушения производительных сил и централизации производства в руках милитаристских государств. Но нигде он при этом не был так обострен абсолютной *бездарностью* правящих классов, *их некультурностью* даже с капиталистической точки зрения, их полнейшей беспомощностью, как в России. Именно поэтому эра пролетарской революции началась в нашей стране»¹²⁴. Как видим, в этой трактовке одной из главных причин Февраля и Октября названа политическая бездарность правящих классов.

Я. Рудой в своей брошюре стремился подтвердить тезис Цыперовича и рассматривал ситуацию в России как случай, типичный для отсталых капиталистических стран: «Все слабые стороны частнокапиталистического хозяйства, –

¹²¹ Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Их история за последние 50 лет. Л.: Техника и производство, 1927. С. 305.

¹²² Там же. С. 307.

¹²³ Рудой Я. Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л.: Прибой, 1925.

¹²⁴ Там же. С. 3.

писал Я. Рудой, – сказались особенно резко в наиболее отсталых капиталистических странах. Последние оказались наиболее слабым звеном в общей капиталистической системе. Здесь лежали корни революционных потрясений, происшедших в самый разгар войны. Именно земледельческая Россия вынуждена была раньше других участников войны выбыть из военного строя и явить миру картину величайшей революции. Капитализм оказался наиболее живучим в старых капиталистических странах Европы, а также в Соединенных Штатах, усвоивших наиболее типичные методы капиталистической эксплуатации»¹²⁵. Эта концепция была вариантом концепции Н. А. Рожкова о «незрелом» капитализме как основной причине Русской революции.

Аркадий Сидоров (1900–1966). С тезисом о монополистическом характере предвоенного российского капитализма был согласен и А. Л. Сидоров, ученик Покровского по Институту красной профессуры. Он подробно изложил свою позицию в пространной главе, которая открывала уже упоминавшийся первый том «Очерков по истории Октябрьской революции». Рассматривая проблемы материальных предпосылок Октября, Сидоров особо выделял период нового экономического подъема с 1910 г., в ходе которого русский капитализм «стал перерастать в монополистический капитализм со всеми свойствами последнего: *господством* банковского капитала, монополиями, синдицированием, монопольными ценами и дороговизной»¹²⁶.

Автор признавал важность роли иностранного капитала в процессе синдицирования российской промышленности, но отмечал усиление национального капитала в предвоенный период, подчеркивая более быстрый рост *отечественных* акционерных капиталов¹²⁷. Сидоров разошелся в этом вопросе с другим молодым историком **С. Л. Рониным**, который в 1926 г. издал книгу «Иностранный капитал и русские банки». Ронин говорил об *усилении* роли *иностранного* капитала в промышленной и банковской сферах в предвоенной России и даже об отсутствии «национальной» *системы* финансового капитализма, имея в виду доминирование иностранного капитала над национальным в банковской сфере предвоенной России¹²⁸. Эту точку зрения наиболее

¹²⁵ Рудой Я. Государственный капитализм в России во время империалистической войны... С. 6.

¹²⁶ Сидоров А. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927: в 2 т. Т. 1. С. 4.

¹²⁷ Там же. С. 12.

¹²⁸ Ронин С. Л. Иностранный капитал и русские банки: к вопросу о финансовом капитале в России. М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 104–105.

категорично формулировал его коллега **Л. Н. Крицман** в предисловии к книге Ронина: «*Системы русского финансового капитализма не существовало*». Крицман не отрицал существование крупного национального российского капитала, он говорил о том, что этот капитал составлял лишь часть интернациональной системы. Крицман полагал, что именно это обстоятельство «*вскрывает мировой характер русской революции*»¹²⁹.

Сидоров критиковал такой подход. При этом Сидоров и Ронин были согласны в том, что роль иностранного капитала нельзя определить формальными показателями: каких капиталов больше в банковской и промышленной сферах. По подсчетам Ронина в 18 крупнейших акционерных банках в 1914 г. иностранному капиталу принадлежало меньше половины – 42,6 %¹³⁰. Вопрос заключался в том, как оценить то реальное влияние, которое оказывал иностранный капитал на русские банки и предприятия, а это влияния в каждом конкретном случае могло быть разным. Степень изученности проблемы не позволяла достоверно определить это влияние, и поэтому разные историки склонялись к разным общим выводам. Ронина поддержал Н. Н. Ваган, а Сидорова – И. Ф. Гиндин¹³¹.

При трактовке причин Русской революции у Сидорова центральным был тезис о том, что «и политика царизма, и русский капитализм *не выдержали экзамена мировой войны*». Речь шла об экономическом экзамене. Автор показывал «экономический развал», который охватил страну уже перед Февралем и создал «революционную ситуацию», сделав падение самодержавия «самоочевидным». Но и «новая власть не смогла остановить дальнейший хозяйственный упадок страны». Чтобы его остановить, надо было закончить войну, но буржуазия и «социалистическая демократия» ее продолжили и поэтому были свергнуты рабочими и крестьянами в октябре 1917 г.¹³²

Анализируя развитие экономики в годы мировой войны, Сидоров убедительно доказал свой тезис об «экономическом развале». Нагляднее всего это показывала ситуация с продовольствием накануне Февральской революции. Автор привел такие данные: «недовоз продовольственных грузов для армии» в январе 1917 г. составлял 50,4 %, в феврале – 57,6 %. Ситуация со снабже-

¹²⁹ Ронин С. Л. Иностранный капитал и русские банки... С. IV.

¹³⁰ Там же. С. 84–85.

¹³¹ Гиндин И. Ф. Банки и промышленность в России до 1917 г. Промиздат, 1927. С. 191, 195.

¹³² Сидоров А. Влияние империалистической войны на экономику России... Т. 1. С. 3.

нием городов в стране была еще хуже: за январь-февраль 1917 г. гражданское население получило 25 % плановых поставок хлеба. Петроград в январе получал ежедневно половину нормы, а в ноябре и декабре 1916 г. – 14–15 %¹³³. Нехватка хлеба была следствием общего состояния экономики. Автор показал роль транспортной проблемы, но особо выделил роль быстрого процесса обесценивания денег и нехватку товаров широкого потребления. Эти два фактора лишали держателей хлеба стимула продавать хлебные излишки, весьма значительные. Продовольственная проблема стала одной из причин и Февраля и Октября, поскольку Временное правительство вслед за царским также не смогло ее решить¹³⁴.

В последней главе Сидоров уделил внимание проблеме становления государственного капитализма в годы мировой войны, во многом соглашаясь с позицией Цыперовича. Сидоров показал резкий рост государственного регулирования экономики в развитых капиталистических странах, особо отметив успех Германии и Англии, которые перешли на рельсы госкапитализма. Обратившись к ситуации в России, автор сделал вывод, что процесс госрегулирования начался с опозданием, при этом правительство взяло в свои руки только контроль над ценами и распределением произведенной продукции, не вмешиваясь в процесс производства, не ставя предприятия под свой контроль, что было характерно для Германии и Англии. В России этому мешало сопротивление крупной буржуазии. Иными словами, госрегулирование в России было малоэффективным, что стало существенной причиной экономического развала. Автор сделал вывод, что в России тенденция превращения монополистического капитализма в госкапитализм не получила развития из-за эгоистической позиции буржуазии, что и создало предпосылки для революционного взрыва. Автор далее пишет, что во время «керенщины» элементы госкапитализма получили большее развитие, «но все же к Октябрьской революции *нельзя говорить о нашем капитализме как системе госкапитализма*»¹³⁵.

Евгений Грановский (1900–1949) – выпускник Института красной профессуры – относил вступление России в фазу финансового капитализма к более раннему времени – концу 1890-х гг.: «Мы утверждаем, что переход России на рельсы финансово-капиталистического развития произошел уже в период про-

¹³³ Сидоров А. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927: в 2 т. Т. 1. С. 150–152.

¹³⁴ Там же. С. 158, 164.

¹³⁵ Там же. С. 168–174.

мышленного подъема конца 90-х годов и что к началу 900-х годов, т. е. уже *до начала русско-японской войны*, главнейшие отрасли русской промышленности *пережили* процесс финансово-капиталистического *перерождения*».

«Закон неравномерного развития капитализма проявился в 90-х годах в отношении России таким образом, что одна из самых отсталых капиталистических стран сделала сильный скачок вперед, обогнав, по размерам производства, несколько передовых стран и создав в своей промышленности, *почти одновременно с ними, систему отношений, свойственную лишь самым передовым капиталистическим странам*».

«К концу 1890-х – началу 1900-х годов в России процесс сращивания банкового и промышленного капитала стал процессом сращивания банковых и промышленных монополий, являющимся характерным признаком *высокоразвитого* финансового капитализма».

«Огромную роль в этом отношении сыграл, как мы видели, иностранный капитал, перенесший в Россию формы своей финансово-капиталистической организации»¹³⁶.

Последний тезис Грановский аргументировал тем фактом, что «вложение иностранных капиталов в русскую промышленность уже в 1890-х гг. в решающей своей части происходило через иностранные банки Получилось своеобразное «сращивание» иностранного банкового капитала с русским промышленным. Это сращивание имело в себе все черты, свойственные финансово-капиталистической организации»¹³⁷.

По мнению Грановского, экспорт капиталов из Западной Европы был главной движущей силой промышленного подъема 90-х годов, подвинувшей отсталую Россию по пути капиталистического развития. В тоже время Грановский считал, что в предвоенные годы национальный капитал укрепил свои позиции перед лицом иностранного капитала и перед лицом самодержавия. В этой связи историк так оценил ситуацию кануна мировой войны: «Как система внешней политики, русский империализм никогда не был чистым капиталистическим империализмом. В нем было немало элементов *военно-феодалного* характера, как это отмечал Ленин. Поскольку же он был капиталистическим империализмом, он был политической «надстройкой» системы финансового капитала в России. Последняя представляла собой переплет различных составных частей, среди которых к началу мировой войны *рус-*

¹³⁶ Грановский Е. Л. Когда русский капитализм вступил в фазу монополистического развития // Историк марксист. 1927. № 4. С. 34, 40–41, 61.

¹³⁷ Там же. С. 36.

ской системе финансового капитала принадлежала наибольшая роль. Это получило свое отражение во внешней политике русского империализма»¹³⁸. Эти положения Грановский подробно обосновал в своей книге «Монополистический капитализм в России» (1929)¹³⁹.

Николай Ванаг (1899–1937). Позиция Грановского стала объектом критики со стороны Н. Н. Ванага, одного из самых ярких выпускников Института красной профессуры. В ходе дискуссии 1923–1924 гг. он поддержал Троцкого и был исключен из партии, но при помощи М. Н. Покровского восстановлен и активно занимался научной и преподавательской работой. Летом 1936 г. Ванаг был арестован как участник «контрреволюционной правотроцкистской организации» и в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

Основным трудом Ванага стала книга «Финансовый капитал в России накануне мировой войны», которая выдержала три издания (1923, 1925, 1930), причем последнее издание было существенно переработано как раз в целях критики Грановского и его сторонников. Ванаг уже вначале книги показал важность и существо возникшего спора: «Вопросы развития финансового капитала в России непосредственно упираются в проблему Октябрьской революции. Этим объясняется тот полемический задор, которым сопровождается критика той или иной точки зрения на развитие финансового капитала в России. К числу оспариваемых положений относятся вопросы о хронологических рамках господства финансового капитала в России и его «национальном» или «ненациональном» характере»¹⁴⁰.

Ванаг разошелся с Грановским именно по этим двум вопросам. Во-первых, Ванаг считал важным подчеркнуть краткий период господства финансового капитализма в России и относил время наступления такого господства не к началу XX века, а к периоду после Первой русской революции. Аргументом служили следующие подсчеты: *основной капитал* тех предприятий, которые более или менее тесно связаны с банками, на 1900 г. составлял лишь 8 % ко всему вложенному в акционерной форме капиталу в России, а накануне мировой войны этот процент был свыше 50 %¹⁴¹.

¹³⁸ Грановский Е. Л. Иностраный капитал в системе монополистического капитализма в России // Вестник Комкадемии 1927. № 22. С. 115.

¹³⁹ Грановский Е. Л. Монополистический капитализм в России. Л.: Прибой, 1929.

¹⁴⁰ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. 3-е изд., перераб. М.: Пролетарий, 1930. С. 5.

¹⁴¹ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 237.

Во-вторых, Ванаг не принял тезиса Грановского о преобладании национального «русского» капитала над иностранным капиталом накануне войны и, напротив, отметил усиление позиций капитала, пришедшего из стран Антанты. Ванаг писал, что французский финансовый капитал в сотрудничестве с английским «*монополизировал все главные отрасли* (за исключением электротехники) русской тяжелой индустрии и начал распространять свою монополию на ряд отраслей легкой индустрии. В результате монопольное право распоряжения русской капиталистической системой промышленности к кануну войны концентрировалось в руках антантовских финансово-капиталистических объединений, оставивших за германскими банками монополию лишь в сравнительно незначительной части промышленности»¹⁴². Этот тезис Ванаг аргументировал следующими подсчетами: «Сумма всех основных капиталов русских коммерческих банков на 1 января 1914 года выражалась в 585 млн рублей. На долю банков, представлявших собой “посредников” иностранных банковых консорциумов, из этой суммы приходится 434 млн руб., что составляло 73,2 % всей суммы основных капиталов русских коммерческих банков. ... Распоряжение львиной долей этой части находилось в руках французского банкового консорциума, который прибрал в свои руки большую половину этой части – 53,2 %; доля германских банков выражалась в 36,4 %, а английских – в 10,4 %»¹⁴³.

Отметим, что методика подсчетов, избранная Ванагом, существенно искажала действительную роль иностранного финансового капитала в русской банковской системе накануне войны, ибо он говорил не об иностранном капитале как таковом, а о доле банков, представлявших собой *посредников* иностранных банковых консорциумов. Имелись в виду крупные петербургские банки, которые аккумулировали как российские, так и зарубежные вклады. Однако разные банки находились в *разной* степени зависимости от иностранных вкладчиков, и все они зависели от поддержки Государственного банка и министерства финансов России. Ванаг признавал, что «решение проблемы о характере финансового капитала в России должно опираться на тщательное изучение не только статистико-экономического материала, но и всей совокупности экономических и социальных условий, в которых складыва-

¹⁴² Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 229.

¹⁴³ Там же. С. 103.

лась система финансового капитала в России»¹⁴⁴. Тем не менее он настаивал, что финансовый капитал Западной Европы (французский в первую очередь), подчинив при помощи русских банков или непосредственно основные отрасли русской промышленности, «утвердил свое *господство* в капиталистической системе производства в России»¹⁴⁵.

Такая оценка вынуждала автора занять противоречивую позицию в вопросе о степени самостоятельности России по отношению к своим партнерам по Антанте накануне мировой войны. С одной стороны, Ванаг прямо отвергал тезис о России как «полукolonии» Запада, а с другой – признавал, что «характер внешней политики России в эпоху финансового капитала в первую очередь обуславливался интересами иностранного (французского) финансового капитала», и лишь во вторую очередь «интересами крепостника-помещика, который придавал империалистической по своему основному содержанию внешней политике царизма феодальный отпечаток». Свою позицию по этому вопросу автор пояснил туманной формулой: «Утверждать, что Россия стала колонией французского финансового капитала, было бы настолько же нелепо, насколько нелепым является отрицание других форм зависимости, кроме как колониальных. Россия находилась в зависимости от иностранного финансового капитала в виде одной из тех разнообразных форм, которые мыслимы в эпоху финансового капитала»¹⁴⁶.

Проблема зависимости России от иностранного капитала горячо обсуждалась на I Всесоюзной конференции историков-марксистов, которая открылась в конце декабря 1928 г. Однако к каким-либо единым точкам зрения участники по целому кругу вопросов не пришли¹⁴⁷. Ни у Ванага, ни у его оппонентов не было методики и конкретных данных, которые могли бы убедительно разрешить этот вопрос.

Тем не менее Ванаг под влиянием работ оппонентов включил в свою концепцию элемент, который обозначил как «Москва – Петербург». Говоря о господстве иностранного капитала в главных банках Петербурга, Ванаг противопоставлял этому процессу рост национального промышленного капитала

¹⁴⁴ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 230.

¹⁴⁵ Там же. С. 246.

¹⁴⁶ Там же. С. 247.

¹⁴⁷ Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 230–245.

в Москве и в провинции, где в предвоенные годы также проявились стремления организовывать «финансовые комбинации». Примерами таких комбинаций автор назвал предприятия Рябушинских, Коновалова, Гучкова, Второва, Стахеева и других представителей московского и сибирского купечества. Автор считал, что рост национального финансового капитала неизбежно порождает борьбу между «национальным» и «ненациональным» в системе русского капитализма. «Борьба эта, – писал Ванаг, – робко намечалась еще в последние годы перед войной, но нашла свое выражение лишь в последующую эпоху – в годы войны»¹⁴⁸. Итоговый вывод историка по этому сюжету гласил: «Экономический рост национального финансового капитала в условиях господства *ненациональной системы* финансового капитала и политического господства крепостника-помещика *невероятно усиливал противоречия* в капиталистической системе производства в России. Противоречия, углубляясь, *требовали своего разрешения революционными методами*»¹⁴⁹.

Важно подчеркнуть, что признание Ванагом ведущей роли иностранного капитала в финансовой системе России отнюдь не вело к принижению им уровня развития российского капитализма как базы для перехода к социализму. Напротив, историк подчеркивал, что к кануну войны «вполне уместно говорить о системе финансового капитала (по терминологии тов. Ленина – системе монополистического капитализма) как *господствующей* в русской капиталистической системе хозяйства»¹⁵⁰. В этом господстве Ванаг видел *материальную предпосылку перерастания* демократической революции в социалистическую, а объективной *причиной перерастания* считал целый комплекс противоречий, которые сложились в рамках российского капитализма. Тезис о *господстве* финансового капитала в «русской капиталистической системе хозяйства» говорил о том, что Ванаг оценивал степень зрелости экономики России для перехода к социализму много выше, чем Ленин, Сталин, Рожков и Покровский.

Таким образом, несмотря на острые споры между Н. Н. Ванагом и Е. Л. Грановским, а также их сторонниками, усилиями группы молодых историков к концу 1920-х гг. в советской исторической науке сложилась школа, которая в отличие от представителей старшего поколения приняла тезис о том, что накануне мировой войны российский капитализм находился в выс-

¹⁴⁸ Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 250.

¹⁴⁹ Там же. С. 253.

¹⁵⁰ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 227.

шей монополистической стадии, что позволяло сделать вывод о существовании материальных предпосылок для социалистической революции в России.

Однако этот тезис опирался на анализ процессов развития российской промышленности и связанной с ней банковской сферы, что делало всю конструкцию уязвимой. Напомним, что М. Н. Покровский, который не признавал господства новейшего капитализма в экономике предвоенной России, пояснял свою позицию указанием на низкий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве, которое накануне войны оставалось главным сектором в доле валового внутреннего продукта и числе занятых работников.

В таком контексте становится очевидной та важная роль, которую играли результаты изучения аграрной сферы российской экономики, и прежде всего реформ П. А. Столыпина, с точки зрения их влияния на процесс развития капитализма в России и на революционный потенциал российского крестьянства. Реформам Столыпина был посвящен целый ряд работ, из которых выделяется книга молодого советского историка С. М. Дубровского, ставшая важной вехой в становлении советской историографии причин и предпосылок Русской революции.

Сергей Дубровский (1900–1970). В 1918 г. будущий историк вступил в РКП(б), служил в РККА, в 1924 г. закончил историческое отделение Института красной профессуры. В 25 лет стал деканом экономического факультета Тимирязевской академии. В 1935 г. назначен деканом исторического факультета ЛГУ, но вскоре арестован как троцкист и отправлен в лагерь. В 1956 г. реабилитирован, работал в Институте истории АН СССР.

Книга С. М. Дубровского «Столыпинская реформа» (1925) была первой крупной работой по столь важной теме, написанной с марксистских позиций. Автор изучил все основные работы российских экономистов и историков до-революционного и послереволюционного времени, обобщил богатый статистический материал и составил таблицы, которые подтверждали его выводы о том, что капиталистические отношения в целом развивались в аграрной сфере. Он показал, что такому развитию способствовала столыпинская реформа, которая, однако, не только не устранила причин для новой буржуазно-демократической революции в России, но и создала предпосылки для победы революции более радикального типа. Все аргументы, которые привел Дубровский в своей книге, в дальнейшем использовались в работах многих других советских авторов.

Дубровский исходил из ленинской концепции истории аграрных отношений в довоенной России (как он ее понимал), но стремился представить

читателю объективную картину, не подгоняя свои результаты под ленинские выводы. Позиция Дубровского включала следующие основные положения:

– Первая русская революция была в своей основе результатом конфликта «между капиталистическим развитием производительных сил и *полукрепостническими* производственными отношениями»;

– аграрная реформа Столыпина, направленная на разрушение общины, по своей сути носила *капиталистический* характер, являлась закономерным результатом развития капитализма в России, в ходе которого община превратилась в тормоз для «капитализации» сельского хозяйства;

– в то же время реформа представляла собой реакционную попытку направить развитие капитализма в деревне по «*прусскому пути*» и являлась «*последним клапаном*», «последним путем отсрочки крушения старого порядка»;

– реформе были присущи «внутренние противоречия, которые делали *неизбежной* новую *рабоче-крестьянскую* революцию». Эта неизбежность связана с сохранением прежних противоречий в аграрной сфере (конфликт крестьян и помещиков) и новыми: расслоением крестьян, пролетаризацией сельской бедноты, которая становилась союзником рабочего класса¹⁵¹.

Таким образом, Дубровский в итогах аграрной реформы видел предпосылки как для буржуазно-демократической, так и социалистической революции, подтверждая ленинскую мысль о сближении и переплетении двух этапов Русской революции. Однако, как и Покровский, Дубровский не стоял на позициях вульгарного марксизма и допускал альтернативность в развитии исторического процесса. Уже в начале своей книги Дубровский сформулировал такую принципиальную позицию: «не всякое противоречие между производительными силами и производственными отношениями разрешается революцией, и не у всякого общества имеется возможность для революционного разрешения этого противоречия»¹⁵². Автор привел и известный тезис Ленина о том, что в условиях длительного мирного развития успех столыпинских реформ был возможен и мог снять с повестки дня революцию буржуазно-демократического характера¹⁵³.

Оценивая результаты аграрной реформы Столыпина, Дубровский опирался на официальные данные. Говоря о масштабах выхода крестьян из общины, привел следующие цифры: «К 1 января 1916 г. выделились из общины 2 008 432 домохозяина, на площади 14 122 797 десятин. Кроме того, по зако-

¹⁵¹ Дубровский С. М. Столыпинская реформа. Л.: Прибой, 1925. С. 3, 4, 12.

¹⁵² Там же. С. 6.

¹⁵³ Ленин В. И. По торной дорожке. // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 31.

ну 14 июня 1910 г. (статьи 1–8) получили удостоверительные акты в общинах, где не было переделов в течение 24 лет, 469 792 домохозяина на площади 1 796 410 десятин. Итого вышло из общины и укрепило землю в личную собственность 2 478 224 домохозяина на площади в 16 919 208 дес.». Далее автор сделал вывод об *интенсивном* процессе разложения общины, приведя такой спорный аргумент: «Если же к выделившимся и *получившим удостоверительные акты* прибавить еще 2 000 000 домохозяев на площади 14.000.000 дес., которым *предстояло* получить удостоверительные акты, то процесс разложения общины будет довольно интенсивным»¹⁵⁴.

Спорность аргумента состоит в том, что указанные автором 2 млн домохозяев были теми крестьянами, которые согласно ст. 1 Закона от 14 июня 1910 г. «*признавались* перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению». Речь шла о крестьянских обществах, «в коих не было *общих* переделов со времени наделения их землей». По закону они все *могли* получить удостоверительные акты, но, как указал сам Дубровский, только небольшая часть обратилась и получила их. Остальные *не обратились* с этим требованием и продолжали оставаться членами общины. Закономерен вопрос: правомерно ли приплюсовывать всех тех, кто *мог подать* заявление на получение удостоверительного акта к тем, кто эти заявления реально *подал и акт получил*? Дубровский посчитал, что это можно сделать, и в итоге поднял процент крестьян, охваченных реформой с 24,1 % (реально укрепивших землю в личное пользование) до 40,8 % (с учетом всех крестьян, формально подпавших под действие закона 1910 г.). Однако автор тут же скорректировал свой тезис и признал, что «это было скорее потенциальное, чем реальное уничтожение (общины – В. К.), впрочем, чрезвычайно важное по своему значению»¹⁵⁵.

В дальнейшем Дубровский привел данные, собранные сотрудниками Вольного экономического общества, которые еще более противоречили выводу об интенсивном разрушении общины, поскольку показали, что в *русских* губерниях большинство крестьян, укрепивших землю в личную собственность, *не вышли* на отруба и хутора и продолжали пользоваться землей *чересполосно* в рамках общинного поля¹⁵⁶.

Дубровский привел важные сведения о порайонном выходе, которые также говорили о том, что община оказалось крепкой как раз в традиционных

¹⁵⁴ Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 105.

¹⁵⁵ Там же. С. 108–109.

¹⁵⁶ Там же. С. 109.

русских земледельческих губерниях: «57% всех вышедших из общины пришлось на 14 губерний юга, юго-востока и северо-запада. И только 43 % на остальные 33 губернии». Все эти данные побудили Дубровского еще более подкорректировать свой прежний вывод и заявить: «разрушение общины далеко не захватило всего ее массива. Разрушение локализовалось лишь в районах наибольшей капитализации сельского хозяйства»¹⁵⁷.

Дубровский привел свидетельства о постепенном затухании реформы и показал, что «наибольшей высоты выход из общины достиг к 1909 г., после же 1909 г. он начал систематически падать». Дубровский объяснил эту динамику тем, что в 1908 и 1909 гг. «с общиной порвали как раз те, которые в этом были наиболее заинтересованы», а далее «волна спала»¹⁵⁸.

Дубровский отметил большой объем *землеустроительных* работ в рамках Столыпинской реформы и показал, что они велись по просьбам как единоличных хозяев, так и крестьянских общин. Единоличные хозяева стремились оформить и закрепить за собой участки земли, выйти на отруба или хутора. Общинники стремились улучшить землепользование в рамках общины (уточнить границы с соседями, уменьшить чересполосицу, дальнотемелье и т. п.). По данным Дубровского, всего с ходатайствами о землеустройстве обратились 5 660 541 крестьянское хозяйство. На 1 января 1915 г. в 47 губерниях Европейской России было землеустроено 2 485 771 крестьянское хозяйство. Из них примерно половину составляли единоличные хозяйства (1 259 020), а вторую половину – общинные хозяйства. Предстояло еще землеустроить 3 174 770 крестьянских хозяйств. Эти данные приведены в таблицах, помещенных в Прил. III книги¹⁵⁹. Они в целом соответствуют данным, опубликованным в 1917 г. в статистическом сборнике, составленном известными аграрниками Н. П. Огановским и А. В. Чаяновым. По их сведениям, по тем же 47 губерниям всего было землеустроено 2 393 604 крестьянских домохозяйств и хозяйств *мелких собственников*. Из них единоличных владельцев было 1 209 803 млн., а 1 166 949 домохозяев сохранили устроенную землю в общинном и общем (групповом) владении¹⁶⁰.

Дубровский привел данные о выходе крестьян на **хутора и отруба**, составив соответствующую таблицу. На землях сельских обществ на 1 января 1916 г. было образовано 1 255 487 хуторов и отрубов, которые имели

¹⁵⁷ Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 113.

¹⁵⁸ Там же. С. 106.

¹⁵⁹ Там же. С. 284–286.

¹⁶⁰ Статистический справочник по аграрному вопросу / под редакцией Н. П. Огановского и А. В. Чаянова. М.: Универсальная библиот., 1917. С. 24–25.

12,2 млн десятин земли. С учетом хуторов и отрубов, устроенных на земле, купленной у Крестьянского банка и устроенных на землях казны, эти два вида индивидуальных крестьянских хозяйств охватывали 15,25 млн десятин земли¹⁶¹. Такие цифры свидетельствовали о том, что большинство хуторов и отрубов не были крупными.

При анализе реформы Дубровский постоянно отмечал ее противоречивый характер и говорил об обострении классовых противоречий в деревне. В тоже время он признавал и ограниченное число революционных выступлений крестьян. На основании неполных данных Департамента полиции автор составил таблицу, которая показала динамику выступлений по годам и регионам империи. Пик крестьянских выступлений пришелся на 1910 г., когда в черноземной полосе было зарегистрировано более 4 тыс. выступлений, а в нечерноземной – 2239. В 1911 г. число выступлений сократилось в обеих полосах в 1,5–2 раза, в 1912 г. – еще в 2 раза в черноземной полосе, а в нечерноземной почти в 5 раз. В 1913 г. – снова падение в 2,7 раза в обеих полосах. Проанализировав характер крестьянских выступлений, автор сделал вывод: «Хотя число случаев столкновений абсолютно было невелико – в условиях реакции оно и не могло быть большим, – однако оно являлось показателем существования крупнейших классовых противоречий, которые после революции 1905 г. не только не были устранены, но еще более обострились в годы столыпиновщины в результате роста и развития капиталистических отношений в деревне». Дубровский особо отметил, что реформа «проводилась в интересах кулачества, захватывавшего лучшие общинные земли», и поэтому «она вызвала рост революционности всей крестьянской средняцкой массы, и без того разоряемой всем ходом капиталистического развития. Кроме того, в результате реформы значительно усилилась деревенская беднота и углубилась пропасть между нею и сельской буржуазией»¹⁶².

Итоговый вывод автора гласил: «столыпинская реформа не устранила необходимости революции, а делала ее неизбежной при первом же революционном выступлении русского пролетариата. Роль крестьянства в русской революции не только не уменьшалась, но еще более *увеличивалась*»¹⁶³.

Интересен взгляд Дубровского на причины подъема сельскохозяйственного производства в предвоенные годы: он не связывал подъем с изменением форм землевладения и ростом индивидуальных хозяйств. Позитивную дина-

¹⁶¹ Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 290–291.

¹⁶² Там же. С. 274.

¹⁶³ Там же. С. 275.

мику сельскохозяйственного производства историк объяснил совершенствованием методов ведения хозяйства *всеми слоями крестьянства* под влиянием капиталистического развития и общего роста культуры земледелия. Автор показал, что существенный рост урожайности начался уже в конце XIX в. Он отметил и значительный рост посевных площадей. Если принять среднюю *посевную* площадь в 1901–1905 гг. за 100 %, то в 1911–1915 гг. на Северном Кавказе рост составит 146,8 %, в Сибири – 175,3 %, в Степном крае (Южный Урал и северный Казахстан) – 155,4 %¹⁶⁴. Этот рост был лишь отчасти (Сибирь и Степной край) связан с реформами Столыпина, а именно с политикой переселения крестьян. Автор показал недостаточность масштабов переселения для решения проблемы нехватки земли на фоне роста населения¹⁶⁵.

Особое внимание Дубровский уделил развитию транспортной системы: железные дороги связывали деревню с внутренним и внешним рынками и способствовали «товаризации» сельского хозяйства. Уровень и темпы «товаризации» автор иллюстрировал ростом перевозок продуктов сельского хозяйства по железным дорогам Европейской России с 1901 по 1914 г. Он привел таблицу, которая показывала схожую динамику роста перевозок как до, так и после начала Столыпинских реформ¹⁶⁶. Резких изменений в эту картину реформы не внесли.

Скромная оценка автором вклада реформ в рост производительности сельского хозяйства была связана и с тем фактом, что большинство крестьян, укрепивших землю, продолжало пользоваться ею чересполосно, в составе общинного поля. Такие чересполосные личные хозяйства не могли повысить производительность труда в сравнении с соседями, оставшимися в общине.

Книга Дубровского заложила основную традицию в трактовке аграрного вопроса в советской историографии. Она была переведена на немецкий язык¹⁶⁷. В 1930 г. вышло второе ее издание.

Николай Огановский (1874–1938). Концепцию Дубровского интересно сравнить с концепцией Н. П. Огановского, неонародника, одного из лидеров и теоретиков народно-социалистической партии, автора целого ряда трудов по крестьянскому вопросу и аграрной эволюции. В 1917 г. Огановский опубликовал брошюру «Революция наоборот (Разрушение общины)», которая содержала ряд ранее написанных очерков, посвященных критике Столыпинской реформы. В отличие от Дубровского, считавшего разрушение общины

¹⁶⁴ Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 75.

¹⁶⁵ Там же. С. 244–246.

¹⁶⁶ Там же. С. 86.

¹⁶⁷ Dubrowski S. M. Die Bauernbewegung in der russischen Revolution, 1917. Berlin: Parey, 1929.

закономерным (и в целом прогрессивным) результатом развития капитализма, Огановский исходил из тезиса о прогрессивности общинного землепользования как переходной формы к «земледельческой производительной кооперации». Автор выдвинул следующие положения:

– русская община – «передельная», а в Западной Европе не было «передельных» общин, поэтому опыт Запада мало значит для России;

– в России «подворники» прогрессивнее «общинников», но не община тому виной: подворное землевладение превалирует в более западных, *густонаселенных и культурных* районах империи. В самой России много беспередельных общин – фактически «подворников», но земледелие там такое же, как и в передельных общинах;

– постепенный переход к интенсивным формам земледелия начался в России с 1880-х гг. вне зависимости от формы землепользования (во всех хозяйствах плуг вытеснил соху, стали применять навоз, росло число сеялок и др. более совершенных орудий, шел переход к травополью там, где это было выгодно). Все изменения – результат развития производительных сил и повышения культурного уровня крестьян;

– тезис о том, что частная собственность – основа прогресса, опровергается опытом Англии и Бельгии, где почти все земледельцы работают на арендованной земле; арендатор – не собственник, но эффективный работник высокой культуры земледелия.

Общий вывод: нет фактов, которые доказывали бы, что русская община мешала прогрессивной сельскохозяйственной эволюции, росту производительности труда. Ряд частных проблем (чересполосица, мелкополосица и принудительные севообороты), по мнению автора, вполне можно было решить в рамках общины посредством оптимального землеустройства¹⁶⁸.

Оценивая с таких позиций аграрную реформу Столыпина, автор считал ее реакционной уже потому, что Столыпин делал ставку на укрепление частной собственности на землю, а она мешала развитию земледельческой производительной кооперации, за которой Огановский видел будущее. Он видел негатив и в том, что Столыпин делал ставку на сильных, которым государство предлагало основную помощь, увеличивая социальную несправедливость. Автор отмечал и тот факт, что реформа проводилась под бюрократическим давлением. В итоге реальный результат отличался от формального:

¹⁶⁸ Огановский Н. П. Революция наоборот. Разрушение общины. Пг.: Задруга, 1917. С. 15–21.

большинство крестьян, ставших личными собственниками, на деле остались в общине, сохранив чересполосное землепользование¹⁶⁹.

Огановский критически оценивал состояние сельского хозяйства в России, разделяя тезис о «голодном экспорте»: «Лозунг “не доедим, а вывезем”» был не пустым лозунгом, ибо рост внутренних цен был связан с ростом мировых цен. Не только крестьяне центральных районов перманентно недоедали, не только производители яиц и птицы сами в рот их не брали... Главные сельскохозяйственные продукты шли за границу: половина товарного зерна, 3/4 льна, яиц, половина масла. Отсюда ужасающая смертность детей, отсюда сила эпидемий, отсюда глухое недовольство масс, постоянная борьба всеми доступными крестьянам способами с помещиками и начальством и стихийные вспышки бунтов – предвестники революционной грозы»¹⁷⁰.

Огановский, в отличие от Дубровского, не делал акцента на расслоение и пролетаризацию деревенской бедноты. Напротив, он подчеркивал, что основной фигурой в деревне являлся середняк, и именно он выступал противником политики насаждения частной собственности. Оба историка не исключали принципиальной возможности мирной эволюции сельского хозяйства по прусскому пути в условиях длительного времени и крепкой государственной власти. Они были согласны и в том, что эта возможность исчезла в условиях мировой войны.

Петр Лященко (1875–1955). Анализ советской историографии 1920-х гг. целесообразно завершить книгой проф. П. И. Лященко, которая посвящена экономике предвоенной России *в целом*. До революции Лященко закончил Санкт-Петербургский университет и преподавал в ряде российских вузов, с 1913 по март 1917 г. – профессор, декан юридического факультета и ректор Императорского Томского университета. После революции в 1918–1922 гг. был ректором Донского института народного хозяйства, затем работал в Москве в Институте красной профессуры, МГУ, Институте экономики АН СССР. В 1927 г. Лященко выпустил книгу «История русского народного хозяйства», которая стала одной из первых книг по экономической истории России в советской историографии. В дальнейшем автор продолжил работу и к середине 1950-х гг. создал трехтомный труд под названием «История народного хозяйства СССР», который получил широкое признание.

¹⁶⁹ Огановский Н. П. Революция наоборот. Разрушение общины... С. 101–102.

¹⁷⁰ Огановский Н. П. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана. Экономическое обозрение. Июнь 1927. С. 29.

Позиции Лященко в своей основе оставались неизменными с момента издания первой книги 1927 г. В этой книге, в разделах, посвященных началу XX в., Лященко привел богатую статистику, которая показывала впечатляющий рост промышленности и сельского хозяйства в России. Автор напрямую связал этот рост с развитием капиталистических отношений. Он выделял две особенности этого развития. С одной стороны, Россия, используя опыт развитых стран, «быстро проходила все этапы капитализма, быстро и интенсивно усваивая все его характерные внешние черты и формы»¹⁷¹. С другой стороны, развитие капитализма шло под влиянием «отсталой социально-экономической среды, *пережитков* крепостнической системы».

Эти пережитки были сосредоточены в аграрной сфере. Однако и она была захвачена процессом капиталистического развития, который шел и до революции 1905 г., а после ее был ускорен реформами П. А. Столыпина.

Лященко отмечал быстрый рост аграрного производства и подчеркивал, что источник такого роста следует искать не только в самой деревне, но и вне ее: промышленный капитализм стимулировал развитие деревни, «вел ее за собой». Историк особо отметил подчиненность сельского хозяйства России мировому рынку и мировому капиталу, который использовал его как «продовольственную и сырьевую колониальную базу». В то же время именно внешний рынок, с его благоприятной конъюнктурой цен, приносил прибыль и способствовал развитию капитализма в деревне¹⁷².

Тезис о подчиненности сельского хозяйства России мировому рынку и капиталу стал важной причиной, которая побудила Лященко называть Россию «*колониальной страной*» или «*полуколониальной страной*», чья экономика находилась «в полуколониальной зависимости от мирового капитала»¹⁷³. Однако термины «колония» или «полуколония» применительно к России у Лященко всегда носили условный характер. Историк никогда не ставил Россию на один уровень с классическими полуколониальными странами (такими, как Китай или Иран) на основе очевидного статуса России как одной из великих военных держав того времени, проводившей активную империалистическую политику. Более того, Лященко постоянно корректировал свои оценки: назвав Россию «колонией», он раскрывал этот термин как неспособность российского капитализма создать *независимую экономическую систему*

¹⁷¹ Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М.—Л. 1927. С. 499.

¹⁷² Там же. С. 473, 475, 479.

¹⁷³ Там же. С. 474–475, 483.

«национального капитализма», принимая таким образом точку зрения Ванага и Ронина, но критикуя их за преувеличение роли иностранного капитала в России из-за неверной методики подсчета¹⁷⁴. В итоге позиция Лященко выглядела так: «наше капиталистическое развитие *не приводило* нас в системе мирового хозяйства и мирового капитализма к положению “колонии” передовых промышленно-капиталистических государств: для этого успехи развития “отечественного” капитализма ...были все же слишком значительными. Но, с другой стороны, наш капитализм не мог приобрести ... ни самостоятельного положения в ряду мировых капиталистических систем, ни значения решающей социально-политической силы внутри своей государственной и социально-экономической системы»¹⁷⁵.

Приведенная цитата дает основание отнести Лященко к тем историкам, кто не считал капитализм *доминирующим* укладом в предвоенной России. Далее в тексте можно найти еще оценки такого рода: «политическая хилость нашего капитализма даже в XX в. приводила все еще к *преобладанию* удельного веса феодально-помещичьих элементов, к невозможности для нашей промышленности выйти на дорогу свободного буржуазного развития»¹⁷⁶. Однако весь контекст книги свидетельствовал об обратном: автор показывал быстрый рост капитализма во всех сферах после отмены крепостного права. Сам раздел книги о развитии России во второй половине XIX в. носит название «Промышленный капитализм», а раздел, посвященный истории царской России начала XX в., носит название «Эпоха финансового капитализма». Противоречивость позиции объяснялась тем, что автор подчеркивал определяющую роль самодержавного государства, которое защищало интересы дворян-помещиков и не давало буржуазии занять положение «*решающей социально-политической силы*» в стране.

Лященко показал, что объективные потребности развития страны и устремления русского национального капитала уже в 1890-х гг. расходились «со старыми путями самодержавно-крепостного помещичьего государства».

В этой связи автор представил революцию 1905 г. как первый штурм этого государства со стороны «новых классов», имея в виду и *рабочих и буржуазные средние* слои. Историк отметил, что русский *крупный* капитал использовал этот штурм, но «дальше компромиссного решения он пойти не мог как по причине

¹⁷⁴ Лященко П. И. История русского народного хозяйства... С. 466.

¹⁷⁵ Там же. С. 502.

¹⁷⁶ Там же. С. 471.

своей финансовой зависимости и экономического рахитизма, так и по причине своей социальной беспомощности». Такой результат революции отразился на процессе становления российского монополистического капитализма: он формировался в условиях зависимости от «иностранных империалистических систем» и в рамках «самодержавно-конституционного» государства¹⁷⁷. Лященко поддержал точку зрения Н. Н. Ванага и в том, что Россия вступила в стадию монополистического капитализма после первой революции, но говорил не о его *господстве*, а о том, что «к концу первого десятилетия XX века в русском капитализме вполне ясно обозначились *основные признаки финансово-капиталистической его структуры*»¹⁷⁸. Автор подчеркнул примитивный характер монополизации российской промышленности, основной формой которой являлись синдикаты – соглашения по разделу рынка и ценовой политики. Тресты и концерны не получили развития. Высокая степень монополизации зачастую достигалась ростом числа немногих крупных предприятий, которые создавались при активном участии иностранного капитала, а также ростом объема выпускаемой ими продукции. Лященко привел такой пример: в металлургической промышленности в 1895 г. был всего один крупный завод с производством чугуна в 10 млн пудов в год, что составляло 12 % всего производства. В 1900 г. два завода с производством 30 млн пудов выпускали 17,2 % всей продукции; в 1908 г. пять заводов с производством 71 млн пудов выпускали 41,5 %, в 1913 г. девять заводов с производством 150 млн пудов выпускали 53,1 % всей продукции. Еще более высокой была концентрация производства в нефтяной промышленности: 6 крупных нефтеперегонных предприятий Бакинского района с производством свыше 5 млн пудов давали 65 % всей продукции, из них 2 самых крупных завода – 29,6 % всей продукции¹⁷⁹. Любые соглашения между крупными предприятиями сразу давали высокий процент монополизации в отрасли.

Лященко особо подчеркивал, что и в период нового промышленного подъема крупный капитал по-прежнему делал ставку на казенные заказы, а не на расширение узкого внутреннего рынка, хотя и отметил, что развитие капитализма в деревне вело к росту рынка промышленных товаров¹⁸⁰.

Столыпинские реформы Лященко оценил как важный, но запоздалый шаг по пути развития капитализма в деревне, неспособный спасти старый

¹⁷⁷ Лященко П. И. История русского народного хозяйства... С. 422.

¹⁷⁸ Там же. С. 503.

¹⁷⁹ Там же. С. 438.

¹⁸⁰ Там же. С. 435.

строй, поскольку они не смогли устранить антагонизма между большинством крестьян и помещиками, и вдобавок усилили антагонизм между верхушкой сельской буржуазии и массой деревенской малоземельной и безземельной бедноты. «Реформа Столыпина, – делает вывод автор, – не принесла разрешения экономической проблемы для нашего капиталистического развития и не смогла обеспечить его социально-политическое существование»¹⁸¹.

В геополитическом плане автор видел основной итог капиталистического развития России в ее неготовности к военному противостоянию с Германией. Лященко подчеркивал важную роль мировой войны как фактора, который «предрешал» крушение старого строя, крах всей государственной и социально-экономической системы¹⁸². Причины вступления России в войну он связывал и с зависимостью страны от мирового финансового капитала. Историк полагал, что накануне войны «наша банковая система представляла в значительной своей части филиал финансового капитала западных национальных финансовых систем», что «предрешало и ту военную комбинацию», в которой Россия «неизбежно принуждена была участвовать»¹⁸³.

К 1917 г. произошел «распад системы», обусловивший Русскую революцию. Тезис о «распаде системы» сочетался у историка с более мягким тезисом о «военно-капиталистическом кризисе»¹⁸⁴. При этом автор показывал, что такой кризис открывал дорогу не только буржуазно-демократической революции, но и социалистической. Материальные предпосылки для последней создавались процессом перехода в годы войны российского финансово-монополистического капитализма в «государственный капитализм», в «полное регулирование капиталистическим государством всей хозяйственной жизни страны», хотя Лященко отмечал «незаконченность и непрочность» этого процесса. Социальные предпосылки создавались возрастанием социальной силы «пролетаризируемых классов».

Если сравнивать позицию Лященко с позициями Рожкова и Покровского (двух других известных историков с дореволюционным научным стажем), то Лященко более четко проводил мысль о существовании материальных предпосылок для социалистической революции в России, отмечая формирование государственно-капиталистического уклада в период мировой войны. Более

¹⁸¹ Лященко П. И. История русского народного хозяйства... С. 496.

¹⁸² Там же. С. 517–518.

¹⁸³ Там же. С. 504.

¹⁸⁴ Там же. С. 517.

четко звучала и мысль об объективной необходимости Октября в ситуации краха прежней социально-экономической и политической системы России: Октябрь – выход из грозящей катастрофы.

Подводя итоги анализа тех трактовок предпосылок и причин Русской революции, которые возникли в среде советских историков в 1920-е гг., отметим две основные линии.

Первая линия была представлена двумя крупными профессиональными историками старшего поколения – Н. А. Рожковым и М. Н. Покровским. Они, не отрицая острых противоречий, существовавших в предвоенной России, допускали возможность их эволюционного разрешения и выводили непосредственные причины Русской революции из тягот военного времени: война прервала эволюционный процесс и сделала революцию неизбежной. Октябрьский итог революции историки рассматривали как результат неспособности российских либералов и правых социалистов решить задачи, стоявшие перед страной. Это открыло путь к власти большевикам, которые действовали, исходя из интересов мировой революции и возможности идти к социализму в России в рамках стратегии «переходных шагов». Характерной чертой трактовки был отказ от преувеличения степени зрелости социально-экономических предпосылок для социалистической революции в России. Позиция Рожкова и Покровского в этом вопросе совпадала с позицией Ленина и Сталина и отражала точку зрения, которая была закреплена в программных документах партии большевиков эпохи революции.

Вторая линия была представлена группой молодых историков, которые в 1920-е гг. активно занимались изучением процессов становления в России монополий и финансового капитала. Результаты изучения вели их к выводу о том, что на рубеже XX в. Россия, по меньшей мере, *вступила в стадию новейшего капитализма*, а к началу первой мировой войны финансовый капитал уже *доминировал* в экономике страны. Это сказывалось и на характере самодержавного государства, которое все больше и больше выражало интересы финансового капитала, теряя свою старую природу института исключительной власти дворян-помещиков. В рамках этой группы историков велись острые споры о том, *когда* царская Россия перешла в фазу господства финансового капитала, и какую роль в этом процессе играл иностранный капитал. Отметим, что все спорящие стороны прекрасно понимали смысл и важность дискуссии по указанным вопросам, о чем написал Н. Н. Ванаг. Напомним его

оценку: «Вопросы развития финансового капитала в России *непосредственно упираются* в проблему Октябрьской революции»¹⁸⁵.

Важно отметить, что молодые историки понимали под высшей стадией капитализма только определенный набор экономических институтов и концентрировали внимание на факте *существования монополий и финансового капитала* при характеристике российского капитализма. У них отсутствовал тот более широкий взгляд на проблему, который проявили Ленин, Н. А. Рожков и М. Н. Покровский: в конце концов, степень зрелости предпосылок для социалистической революции определялась не количеством монополий, а общим уровнем развития капиталистического общества. Не случайно Ленин говорил об отсутствии «определенного уровня культуры», а Рожков – о нехватке «культурного капитализма».

Разные позиции «старых революционеров» и молодых историков нашли свое своеобразное отражение в разной оценке сути ошибок своих оппонентов. И те и другие считали их меньшевистскими. Но, если Покровский считал меньшевистскими попытки «*чисто экономического объяснения*» причин Октябрьской революции, то А. Л. Сидоров считал своей задачей разоблачать меньшевистские легенды о *капиталистической отсталости* России накануне войны и революции. Именно за разоблачение этих «меньшевистских легенд» А. Л. Сидорова хвалил его коллега П. О. Горин¹⁸⁶.

Определенным компромиссом между представителями разных историографических концепций стал тезис об Октябре как революции, вызванной конкретно-исторической необходимостью решить вопросы о земле и мире и спасти страну от «грозящей катастрофы» в ситуации 1917 г. Тезис подразумевал существование глубоких внутренних причин для победы Октября, но не требовал обязательного признания монополистического характера российского капитализма.

Важно отметить, что все историки признавали высокие темпы экономического развития России в предвоенной десятилетие. Процесс развития капитализма трактовался как процесс создания предпосылок и причин для обоих этапов революции 1917 г. Подчеркивалась роль мировой войны, которая привела к глубокому кризису всего старого строя. Все были согласны, что царизм и российская буржуазия не выдержали испытания войной, и на фоне военного кризиса были закономерным образом сметены народом.

¹⁸⁵ Ванаг Н. Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 5.

¹⁸⁶ Историк-марксист. 1928. № 8. С. 153.

Глава 2. ИСТОРИОГРАФИЯ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

В 1930-е гг. развитие советской историографии Русской революции в особенности проходило под существенным влиянием процесса становления режима личной власти И. В. Сталина, который шел в СССР на фоне форсированной индустриализации и насильственной коллективизации крестьянских хозяйств. Объективная сложность задач форсированного развития, усугубленная субъективными ошибками, допущенными при их решении, формировала в стране условия, явно неблагоприятные для развития советской и внутривластной демократии, а также академических свобод.

Чем дальше, тем больше противоречивое влияние на развитие ситуации в стране и в исторической науке оказал и внешний фактор: нарастание угрозы новой мировой войны в связи с приходом нацистов к власти в Германии. Военная угроза требовала нового подхода к оценке истории России в целях воспитания как советского, так и общероссийского патриотизма.

Атака на академическую свободу, серьезно затронувшая историческую науку, началась уже в 1930 г. в связи с так называемым «Академическим делом». Дело было вызвано стремлением руководителей партии и правительства установить контроль над Академией наук СССР, многие члены которой враждебно относились к политике новой власти. Сначала речь шла о чистке сотрудников центрального аппарата и академических институтов, а затем начались аресты крупных ученых, обвинения в создании «контрреволюционных организаций», судебные процессы, которые закончились высылкой группы видных историков в отдаленные места сроком на пять лет.

Эти репрессии не затронули тех историков, кто лояльно относился к советской власти и к ВКП(б). Для них проблемы начались позже. Первый тревожный звонок прозвучал в 1931 г., когда журнал «Пролетарская революция» опубликовал письмо-статью Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», которая содержала резкую критику троцкистов. Сталин заявил, что «троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР»¹⁸⁷. Учитывая такие сталинские оценки, многие из историков, которые когда-то примыкали к троцкистской оппозиции, или допуска-

¹⁸⁷ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Соч. Т.13. С. 98.

ли высказывания, в чем-то совпадавшие с точкой зрения Троцкого, стали спешно каяться в действительных и мнимых ошибках.

Письмо Н. Ванага. Не избежал этой участи и Н. Н. Ванаг. В письме в редакцию журнала «Историк-марксист», опубликованном в 1932 г.,¹⁸⁸ он заявил, что допустил ошибки в понимании ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в России в социалистическую применительно к эпохе Первой русской революции, хотя таких ошибок у него не было. В этом вопросе Ванаг просто принял точку зрения Сталина, который в полемике с Троцким существенно упростил точку зрения Ленина. Ванаг также осудил точку зрения, «представляющую царскую Россию колонией западноевропейских империалистических стран», поскольку она «служит обоснованием для троцкистского тезиса о невозможности строительства социализма в нашей стране». Ванаг подчеркнул, что *никогда не разделял этой точки зрения*, но признал, что «дал почву для протаскивания троцкистских идей о колониальном характере царской России, об *отсталости вообще* и примитивности экономического развития России». Историк отметил, что «троцкистское положение об отсталости царской России *вообще* является лишь оборотной стороной контрреволюционного тезиса о невозможности строительства и победы социализма в нашей стране». Отметим акцент историка на словах «отсталость *вообще*». Этим Ванаг отделял себя от Троцкого, поскольку Ванаг никогда не писал об отсталости российского капитализма «вообще» и, напротив, говорил о *господстве* финансового капитала «в русской капиталистической системе хозяйства»¹⁸⁹. Почвой, о которой писал Ванаг, служил тезис о преобладании иностранного капитала в системе финансового капитала России. Чтобы снизить критику этого тезиса, Ванаг сослался на оценку, данную Сталиным в работе «Об основах ленинизма», которая по смыслу была близка к позиции Ванага: «Царская Россия, – писал Сталин, – была величайшим резервом западного империализма ... она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургия»¹⁹⁰.

Готовность Ванага каяться в таких ошибках была обусловлена тем, что в декабре 1928 г. на I Всесоюзной конференции историков-марксистов оппоненты Ванага утверждали, что его позиция должна была «неизбежно *приве-*

¹⁸⁸ Ванаг Н. Н. Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1932. № 4–5. С. 355–359.

¹⁸⁹ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 158, 227.

¹⁹⁰ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. С. 75.

сти» к признанию России колонией иностранного капитала, что в свою очередь вело к принижению уровня развития российского капитализма, а следовательно, степени зрелости страны для социалистической революции. Историк П. О. Горин прямо говорил, что «взгляд Ванага на роль иностранного капитала в России близок к взгляду Троцкого», поскольку последний «также игнорирует туземный капитал в России»¹⁹¹.

Ошибка П. О. Горина. Горин сделал крупную ошибку. Из того факта, что Ванаг считал *национальный* финансовый капитал более слабым перед лицом иностранного, не вытекал вывод об отсталости системы российского финансового капитала с точки зрения ее организационных форм. А именно существование этих форм создавало материально-технические и организационные предпосылки для перехода к социализму в России. Неважно, *кто* создавал эти формы, важно то, что они *были созданы* и существовали к моменту начала осуществления большевиками Октябрьской революции. В 1920-е гг. важную позитивную роль иностранного капитала признавали и многие оппоненты Ванага. Так историк Е. Л. Грановский, что в становлении в России «высокоразвитого» финансового капитализма «огромную роль ... сыграл иностранный капитал, перенесший в Россию формы своей финансово-капиталистической организации»¹⁹². О том же писал и Г. В. Цыперович: «Образование ... крупных капиталистических монополий происходит на почве усиленной концентрации производства, в которой играет все возрастающую роль иностранный капитал, вливающийся в русскую промышленность в акционерной форме и оплодотворяющий ее большим синдикатским опытом»¹⁹³. На таком фоне в 1928 г. Ванаг проигнорировал намеки Горина на схожесть его позиции с позицией Троцкого, но в 1931 г., после письма Сталина, ситуация изменилась. Теперь Ванаг стремился нейтрализовать эти опасные обвинения, несмотря на их необоснованность.

Ошибка Горина надолго утвердится в советской историографии. Вслед за ним многие историки считали, что признание доминирующей роли иностранного капитала в финансовой системе России автоматически ведет к принижению степени зрелости предпосылок для социалистической револю-

¹⁹¹ Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 233.

¹⁹² Грановский Е. Л. Когда русский капитализм вступил в фазу монополистического развития // Историк марксист, 1927. № 4. С. 34, 40–41, 61.

¹⁹³ Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Их история за последние 50 лет. Л.: Техника и производство, 1927. С. 177–178.

ции. Это была цепочка ложных заключений. На самом деле иностранный капитал, резко ускорив создание крупной промышленности в России, обеспечил высокую концентрацию производства и пролетариата и тем самым создал главные материальные и социальные предпосылки для Октябрьской революции в важнейших секторах экономики и общества. Если бы капитализм в России развивался только на внутренней основе, процесс создания этих предпосылок растянулся бы надолго. Такой вывод не означает игнорирование опасности закабаления России, но это другая проблема, не связанная с оценкой уровня зрелости материальных предпосылок социалистической революции. Опасность закабаления России ставила вопрос о необходимости Октября для решения и этой проблемы. Ванаг именно так и трактовал Октябрь: как объективно возможное и необходимое событие.

«Ленин о военно-феодальном империализме царской России». Вскоре после своего письма в редакцию журнала «Историк-марксист» Ванаг подготовил пространную статью «Ленин о военно-феодальном империализме царской России», опубликованную в первом номере этого журнала за 1934 г. Формально посвященная анализу взглядов Ленина статья подчеркивала роль Сталина как главного толкователя ленинизма, а также готовность автора принять сталинские замечания как основополагающие.

Ванаг обратился к ленинскому термину «военно-феодальный империализм» и заявил, что «вопрос о военно-феодальном империализме царской России стал одним из актуальнейших в марксистской историографии и требует глубокого конкретно-исторического исследования на основе всестороннего изучения этого вопроса в произведениях *Ленина и Сталина*»¹⁹⁴. Поводом для такой постановки вопроса стало единственное упоминание Сталиным в работе «Об основах ленинизма» ленинского термина «военно-феодальный империализм» при характеристике царизма. «Ленин был прав, — писал Сталин, — говоря, что царизм есть “военно-феодальный империализм”»¹⁹⁵. Ванаг далее пишет, что «наша историческая наука, не опираясь на ленинские, в дальнейшем развитые т. Сталиным взгляды на военно-феодальный империализм, была бы абсолютно беспомощной в разрешении коренных вопросов истории классовой борьбы в России начала XX века»¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Ванаг Н. Ленин о военно-феодальном империализме царской России // Историк-марксист. 1934. №1. С. 21.

¹⁹⁵ Сталин И. В. Об основах ленинизма. С. 75.

¹⁹⁶ Ванаг Н. Ленин о военно-феодальном империализме царской России... С. 21.

Сам стиль этой фразы показывает, насколько изменилась ситуация в стране. В книге, изданной в 1930 г., Ванаг ни разу не сослался на Сталина и не упоминал термин «военно-феодальный империализм», который теперь представлял как ключевой для понимания классовой борьбы в России.

Если говорить по существу, то термин «военно-феодальный империализм» Ленин употребил только дважды. Первый раз в *примечании* в статье «Крах II Интернационала» (лето 1915 г.), когда рассуждал о причинах мировой империалистической войны: «В России, как известно, слабее капиталистический, но зато сильнее *военно-феодальный империализм*»¹⁹⁷. Из контекста видно, что Ленин характеризовал суть внешней политики российского государства. Второй раз – в статье «О двух линиях в революции» (осень 1915), где говорил о «необходимости освобождения буржуазной России от *военно-феодального “империализма” (= царизма)*»¹⁹⁸. Здесь Ленин придал термину более широкое значение, охарактеризовав им политический строй России (= царизм). Более к этому термину Ленин не возвращался, хотя не раз подчеркивал «грубый», «средневековый», «экономически отсталый», «военный», «феодальный», «военно-бюрократический» характер российского империализма в контексте, который не всегда позволяет однозначно понять, шла ли речь только о царизме и его внешней политике или о социально-экономическом строе России в целом¹⁹⁹. Сталин, как уже отмечалось, использовал термин «военно-феодальный империализм» только один раз в упомянутых лекциях «Об основах ленинизма», сославшись на Ленина²⁰⁰. Ни Сталин, ни Ленин не давали пространных комментариев в отношении термина и не подчеркивали его методологическое значение. М. Н. Покровский использовал этот термин для характеристики внешней политики России.

Ванаг дал ему расширительное толкование. Термин «военно-феодальный империализм», видимо, показался ему удобным для того, чтобы выявить предпосылки и причины обоих этапов Русской революции с акцентом на *переплетении и остроте противоречий всех типов*, которые могли быть разрешены только при перерастании первого этапа революции во второй. Эта мысль содержалась в книге Ванага «Финансовый капитал в России накануне мировой войны», но она не подчеркивалась как главная и не выражалась с использовани-

¹⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 234.

¹⁹⁸ Там же. Т. 27. С. 81.

¹⁹⁹ См.: Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 58.

²⁰⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 75.

ем термина «военно-феодальный империализм». Теперь Ванаг характеризовал этим термином не только царизм и его внешнюю политику, т. е. «надстройку», но и «базис» – социально-экономический строй царской России: «*политической надстройкой* над военно-феодальным империализмом являлся царизм, эволюционизировавший в сторону буржуазной монархии»²⁰¹. Понятно, что если царизм – политическая надстройка *над* военно-феодальным империализмом, то последний выступает как базис. Однако такая трактовка противоречила ленинской формуле «военно-феодальный империализм (= царизм)», в которой речь шла только о *надстройке*. Формула Ленина заставляла Ванага постоянно оглядываться и фиксировать свое согласие с ней.

Эти проблемы не помешали Ванагу создать концепцию, объясняющую Русскую революцию как вытекающую из особенностей «военно-феодального империализма». Автор выразил эту концепцию в двух ключевых фразах:

– «характерные черты русского империализма – его *экономическая отсталость и варварство*, и в то же самое время *сравнительно высокое развитие* капиталистической индустрии, углублявшее классовые противоречия в стране ... дают историческую иллюстрацию к ленинской теории прорыва слабого звена в цепи мирового империализма»;

– «*военно-феодальные черты* русского империализма ... дают ключ к объяснению наличия в классовой борьбе России этой *эпохи двух социальных войн*, ... разъясняют *неразрывную связь* буржуазно-демократического этапа революции в России с социалистическим»²⁰².

При характеристике уровня развития российского капитализма, а следовательно, и степени зрелости предпосылок для перерастания буржуазной революции в социалистическую, автор опирался на три ленинские оценки.

Во-первых, Ванаг отметил, что в 1916 г. Ленин считал Россию областью «слабого развития капитализма» в системе мирового империализма²⁰³.

Во-вторых, он привел ленинские слова о том, что к кануну войны 1914 г. «слияние банков и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед»²⁰⁴.

²⁰¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 36.

²⁰² Там же. С. 23–24, 51.

²⁰³ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 393.

²⁰⁴ Там же. С. 350.

В-третьих, Ванаг отметил, что «Ленин резко ополчился против бухаринской идеи, будто царская Россия принадлежала к числу “наиболее слабых народнохозяйственных систем”, и показал, что ее место среди стран “средне-слабых в мировой экономике империализма”»²⁰⁵. Речь идет об известном замечании, сделанном Лениным в 1920 г. к тезису Н. И. Бухарина о том, что «крах мировой капиталистической системы начался с *наиболее слабых* народно-хозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией»²⁰⁶.

Однако Ванаг не привел самого главного высказывания, сделанного Лениным в сентябре 1917 г. о том, что «в России тоже капитализм стал монополистическим» и стал перерастать в государственно-монополистический капитализм²⁰⁷. Почему Ванаг пропустил столь важную ленинскую оценку? Потому, что ее не привел Сталин, и ее не было ни в одном программном документе партии большевиков. По этим же причинам Ванаг не повторил свой вывод о системе финансового капитала как «*господствующей* в русской капиталистической системе хозяйства» накануне войны, который он сделал своей книге, опубликованной в 1930 г.²⁰⁸ Ванаг заменил свой прежний вывод более мягким: «Именно к этому периоду относится *окончательное оформление* финансово-капиталистических монополий в стране»²⁰⁹. Оформление монополий – не есть господство финансового капитала.

Ванаг не привел и свой прежний тезис о *доминировании* иностранного капитала над национальным в финансовой системе России. У Сталина такого тезиса не было. Ванаг предпочел отметить, что в эпоху третьей ионийской монархии в экономике страны «все больше на основе развития передового финансового капитала росла экономическая мощь *русской буржуазии*»²¹⁰.

Статья показывала, что Ванаг ориентировался на Сталина, и поэтому оценка качественного уровня развития российского капитализма в статье была *ниже*, чем в книге Ванага. Вся статья была пронизана сталинской терминологией (узловой пункт противоречий, слабое звено цепи, резерв, агентура, союзник мирового империализма и т. д.). Приводя взгляды Ленина на цар-

²⁰⁵ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 27–28.

²⁰⁶ Ленинский сборник. XI. М.–Л.: Госиздат. 1929. С. 397.

²⁰⁷ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.

²⁰⁸ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны... С. 227.

²⁰⁹ Ванаг Н. Ленин о военно-феодальном империализме царской России... С. 30.

²¹⁰ Ванаг Н. Ленин о военно-феодальном империализме царской России... С. 36.

скую Россию, Ванаг показал роль Сталина: «С непревзойденной ясностью и четкостью ... ленинскую мысль развил т. Сталин, рассматривая царскую Россию XX века как узловой пункт противоречий империализма, резерв капиталистического империализма, как его агентуру и союзника»²¹¹.

Подводя итоги анализа важной статьи Ванага, отметим, что в ней автор четко сформулировал вывод о возможности и необходимости Октября для разрешения *комплекса противоречий*, которые в 1917 г. не могли быть разрешены в рамках обычной буржуазно-демократической революции. Этот комплекс противоречий вытекал из особой природы политического и социально-экономического строя России, который Ванаг в целом характеризовал как «военно-феодальный империализм» и в котором переплетались черты новейшего капитализма и пережитки старого строя в политике и экономике. В то же время историк подчеркивал, что «*сохранившиеся докапиталистические* отношения не смогли видоизменить основную линию развития страны к крупной машинной индустрии, от нее к финансовому капиталу; к пролетарской революции и к социализму. Они лишь создавали в развитии русского империализма дополнительные затруднения, *невероятно углубляя классовые противоречия*»²¹². Иными словами, в трактовке Ванага российский капитализм развивался по восходящей линии, но в условиях глубоких классовых противоречий. Статья была посвящена анализу взглядов Ленина, но главным интерпретатором ленинизма автор признавал Сталина.

Постановление 1934 г. Своеобразным рубежом в советской историографии и истории страны в целом стал 1934 г., на который приходится два важных для анализа события. Первое связано с майским решением руководства страны изменить практику преподавания истории, которое сопровождалось принятием новых идейных установок, ставших обязательными для историков. Второе – с убийством С. М. Кирова в декабре 1934 г., после которого Сталин взял курс на прямую расправу со всеми реальными и вымышленными оппонентами внутри партии и за ее пределами. Фактор репрессий не нуждается в комментариях. Достаточно сказать, что в 1930-е гг. десятки историков были репрессированы, а остальные запуганы и не смели высказывать своего мнения, если оно противоречило мнению Сталина. Все историки были вынуждены восхвалять вождя как видного теоретика и практика социалистического строительства, верного ученика В. И. Ленина.

²¹¹ Ванаг Н. Ленин о военно-феодальном империализме царской России... С. 22.

²¹² Там же. С. 23.

Майское решение требует подробного анализа. Речь идет о совместном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», опубликованном 15 мая 1934 г. за подписями В. М. Молотова и И. В. Сталина. В нем определялись недостатки старого подхода и ставились новые задачи.

Суть недостатков: «Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории *отвлечёнными социологическими схемами*».

Новые задачи: «Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»²¹³.

Хотя М. Н. Покровский не был назван по имени, историки не без оснований считали, что именно его критиковали за постановку исторического образования в школе. Напомним, что в 1920-е гг. Покровский как заместитель наркома просвещения отвечал за среднюю и высшую школу и лично составил немало учебных программ. Его книга «Русская история в самом сжатом очерке» была утверждена Наркомпросом РСФСР как учебник для средней школы. Книга была переиздана 10 раз при жизни автора, 5 раз после его смерти и до середины 1930-х гг. являлась основным учебником истории для большинства населения страны. Нельзя не отметить, что, несмотря на увлеченность Покровского «социологическими схемами», в его книге история России излагалась в хронологическом порядке, давался анализ основных событий и характеристика видных государственных деятелей каждой эпохи. Критика в адрес школьных программ, инициированная Сталиным, к книге Покровского имела косвенное отношение. Вопросы могли быть к тем трактовкам событий, которые давал Покровский. Но в постановлении об этом ничего не говорилось.

Майское постановление 1934 г. предусматривало подготовку новых учебников по истории. Группа видных историков во главе с Н. Н. Ванагом (Б. Д. Греков, А. М. Панкратова и С. А. Пионтковский) получила задание и

²¹³ О преподавании гражданской истории в школах СССР // Правда. 1934. 16 мая.

срочно подготовила конспект учебника по истории СССР. Летом с ним ознакомился Сталин. В августе 1934 г. авторы получили отрицательную рецензию, оформленную как «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписью И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова, не опубликованную в печати. Она была опубликована только в 1936 году²¹⁴.

Главное замечание гласило, что Ванаг и его группа составили конспект *русской* истории без истории народов, которые вошли в состав СССР, и вне контекста мировой истории. Авторы «Замечаний» поставили историкам задачу написания «такого учебника истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР – это, во-первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории – это, во-вторых».

По конкретным вопросам критика была разнонаправленной. Для нашей проблематики важны следующие замечания:

«В конспекте не учтены корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне как *резерва* для западноевропейских империалистических держав, равно как *не учтена зависящая роль* как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западноевропейского, ввиду чего значение Октябрьской революции как освободительницы России от ее *полукOLONиального положения* остается немотивированным».

«В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России, и, таким образом, Октябрьская революция как революция, освободившая эти народы от *национального гнета*, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР»²¹⁵.

Фактически эти замечания являлись методологическими указаниями по поводу того, как трактовать причины и значение Октябрьской революции. Отметим, что это было первое открытое и императивное предписание такого рода. Историкам ставилась задача показать историческую необходимость Октября как революции, освободившей страну от полукOLONиального положения, а нерусские народы СССР – от национального гнета, и главное – как революции, обеспечившей создание советского государства на основе добровольного союза народов бывшей царской империи. Важность этих установок в условиях нарастания угрозы новой мировой войны очевидна.

²¹⁴ Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Правда. 1936. 27 января.

²¹⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 40–42.

Трудно судить насколько полно раскрывались эти положения в очень разных курсах по обществоведению, которые существовали в школе, поскольку и в них уделялось большое внимание изучению истории Октябрьской революции в контексте эпохи империализма и империалистической войны, но в научной литературе 1920-х гг. все авторы говорили и об империалистических корнях мировой войны и зависимости России от иностранных капиталов. В ходу был и термин «полуколониальная зависимость». В то же время во многих работах 1920-х гг. проблема исторической необходимости Октября раскрывалась слабо. С большой осторожностью историки определяли характер Октябрьской революции и ее перспективы. Такая осторожность, терпимая в обстановке НЭПа, в условиях незаконченности процесса перехода к социализму, стала нетерпимой для власти в середине 1930-х гг., после того как в январе 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) Сталин отчитался об «успешном строительстве социализма» в результате которого «капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единолично-крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенные позиции»²¹⁶. Теперь Сталин требовал четкого признания социалистического характера Октябрьской революции и обоснования ее исторической необходимости.

Эти требования прозвучали в очередных замечаниях, которые сановные критики сделали к конспекту учебника по *новой истории*, указав на необходимость противопоставления Великой французской революции и Октябрьской революции: «Основной осью учебника новой истории должна быть именно эта идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической». И далее: «нельзя называть нашу социалистическую революцию в России просто революцией Октябрьской, – ее надо называть и трактовать как революцию *социалистическую*, революцию *советскую*»²¹⁷. Это указание надолго закрыло все споры о характере Октября.

Советские историки приняли сделанные замечания к руководству, и поначалу казалось, что они не носили для них опасного характера. Н. Н. Ванагу было поручено готовить новый вариант учебника.

«История гражданской войны в СССР». Вскоре, в 1935 г., вышел в свет первый том объемного труда по истории гражданской войны, одним из членов редколлегии которого был Сталин²¹⁸. Он несколько раз читал и ре-

²¹⁶ XVII съезд ВКП(б) 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М.: Партиздат. С. 15.

²¹⁷ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 43–44.

²¹⁸ История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции. М.: ОГИЗ, 1935.

дактировал макет книги²¹⁹. Видный участник рабочего процесса историк И. И. Минц по окончании работы над томом написал статью, в которой сообщил, что Сталин внес в текст более 700 правок²²⁰.

В тексте было мало сказано об объективных причинах и предпосылках Октябрьской революции и Русской революции в целом, тем не менее ключевые оценки авторы сделали. Одна из первых оценок определяла уровень развития капитализма в России и характер государственной власти: «Та стадия капитализма, – писали авторы, – которая носит название империализма, сложилась в России еще до войны: *монополистский капитализм уже играл в экономике России ведущую роль*. Но, руководя страной экономически, буржуазия не управляла страной политически: *управляло самодержавие – представитель помещиков-крепостников*»²²¹.

В макете нет замечаний Сталина к этому тексту, хотя приведенные в нем оценки явно расходились со всеми его предыдущими и последующими оценками, поскольку в своих работах Сталин никогда не использовал даже сам термин «монополистический капитализм» применительно к России, не говоря уже о признании «ведущей роли» последнего в экономике России. Таких оценок не было и у Ленина. По нашему мнению, они принадлежали известному историку-экономисту Л. Н. Крицману, тому самому, который в 1920-е гг. писал в предисловии к книге С. Л. Ронина, что «системы русского финансового капитализма не существовало». Крицман был единственным из авторов первого тома, кто еще в 1920-е гг. занимался экономикой эпохи империализма и высоко оценивал зрелость российской финансовой системы в целом, хотя и отводил в ней очень скромное место национальному капиталу. Он сделал карьеру и в 1931–1933 гг. был заместителем председателя Госплана СССР, потом заболел и долго работал дома, в том числе и над текстом первого тома. Умер в 1938 г., избежав каких-либо репрессий. Позиция Крицмана, а также Ронина и Ванага, которую так резко критиковали Сидоров и его сторонники в конце 1920-х гг., хорошо согласовывалась со сталинским

²¹⁹ Недавно было выпущено документальное издание, подготовленное историками М. В. Зеленовым, Д. Брандербергером, Н. Ю. Пивоваровым под названием «История гражданской войны в СССР (1935 г.): история текста и текст истории» (М., Росспэн, 2017), которые рассказали об истории создания книги и представили макет с правками, которые были внесены Сталиным.

²²⁰ Минц И. И. Подготовка Великой пролетарской революции. К выходу первого тома «Истории гражданской войны в СССР» // Большевик. 1935. № 21. С. 15–30.

²²¹ История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 13.

требованием показать роль Октября для спасения России от «полукOLONиальной» зависимости, поскольку признание высокой роли иностранного капитала становилось теперь обоснованием тезиса о «полукOLONиальной зависимости». При этом сохранялся тезис Ванага о том, что монополистский капитализм играл в экономике предвоенной России *ведущую роль*. Крицман исправил ошибку П. О. Горина, который из тезиса о «полукOLONии» выводил тезис об отсутствии предпосылок для социалистической революции.

Термин «полукOLONия» авторы первого тома использовали при определении роли России в Первой мировой войне: «В войне 1914 года русский царизм выступил в качестве *наемника* англо-французского капитала. Россия фактически являлась *полукOLONией* западноевропейских стран»²²². Однако термин ставился в контекст, в котором Россия представляла как империалистическая держава со своими целями в войне: «Было бы, однако, неправильно думать, что командующие классы России ввязались в мировую бойню только в угоду англо-французскому капиталу, что русская буржуазия не преследовала своих империалистских целей. Участие в войне *целиком отвечало интересам* господствующих классов царской России»²²³. Русский капитализм оценивался авторами как «*молодой хищник*», которому самодержавие помогало расчищать дорогу к рынкам: «...русский капитализм начал слагаться в период, когда капитализм на Западе уже давно расцвел и успел захватить все лучшие места под солнцем. Молодой хищник не мог конкурировать с такими матерыми разбойниками, как империалисты Англии и Германии. Чтобы протиснуться к выгодным рынкам, нужно было иметь крепкие локти и увесистые кулаки. Самодержавие как раз располагало этими кулаками, расчищая буржуазии своими армиями дорогу к новым рынкам. Империалисты России протягивали руки к Галиции. Русские капиталисты стремились подчинить себе страны Ближнего Востока, им нужен был Константинополь»²²⁴.

Понятно, что в таком контексте никто из читателей не мог понимать термин «полукOLONия» в том смысле, в каком он применяется к таким странам как Китай, Персия и даже Турция. И, действительно, трудно назвать обычной «полукOLONией» империю, которая имела «крепкие локти и увесистые кулаки» и претендовала на территорию других империй – Австро-Венгерской и Османской. В результате авторы книги создали концепцию, согласно кото-

²²² История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 12–13.

²²³ Там же. С. 13.

²²⁴ Там же. С. 14.

рой Россия признавалась «полуколонией», но при этом оценивалась как военная держава с амбициозными империалистическими целями, а российский капитализм как передовой *монополистский* капитализм, игравший «ведущую роль» в экономике России. Эта оценка сопровождалась указаниями на отсталость «полукрепостнического и распыленного сельского хозяйства», на доминирование «полукрепостнического помещичьего землевладения» – «экономической основы царизма»²²⁵.

Отметим, что термин «военно-феодальный империализм», который Ваннаг назвал ключевым для понимания особенностей российского империализма, в тексте книги не использовался.

В книге подчеркивалась *контрреволюционная роль* буржуазии, которая в эпоху империализма не хотела ссориться с самодержавием. Причины объяснялись так: «Не в ее интересах была решительная борьба с самодержавием. За спиной буржуазии стоял уже оформившийся как класс пролетариат. Обогащенный опытом революции 1905 года, пролетариат шел к новой борьбе под руководством ленинской партии большевиков. Взять власть в свои руки, отстранив самодержавие, для русской буржуазии означало остаться с глазу на глаз с рабочим классом. 1905 год уже показал, чем может окончиться такое единоборство. Самодержавие с его военно-полицейским аппаратом служило надежным прикрытием для буржуазии от нападений пролетариата»²²⁶.

Империалистская война, по мнению авторов, резко изменила соотношение сил между господствующими классами. «Награбленные военные барыши усилили в стране экономическую мощь и значение буржуазии», а поражения на фронте нарушили «единение царя» с капиталистами. Ситуация накануне Февральской революции характеризовалась как глубокий кризис во всех отраслях экономики, который проявлялся в нехватке топлива, металла, продовольствия, расстройстве финансов и т. п. «Империалистская война, – делали вывод авторы, – оказалась могучим ускорителем революции»²²⁷. Авторы не использовали ленинский тезис о формировании в годы войны государственно-монополистического капитализма, хотя и отмечали факт создания особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам. Их эффективность оценивалась крайне низко.

²²⁵ История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 28.

²²⁶ Там же. С. 13.

²²⁷ Там же. С. 16, 33.

Особый параграф был посвящен критике колониальной политики царизма и обоснованию ленинского определения «Россия – тюрьма народов». Обращение к национальному вопросу позволило авторам тома показать важную роль Сталина как теоретика и второго человека в партии после Ленина. Было очевидным и стремление авторов выполнить сталинскую установку и обосновать необходимость Октября для ликвидации колониального гнета в царской России. Наряду с признанием империалистического характера первой мировой войны колониальная политика царизма в целом трактовалась как традиционный империализм. «Александр II, – писали авторы тома, – закончил покорение Кавказа, отнял у Китая Приамурский и Уссурийский края, захватил огромные территории в Средней Азии. Последний из русских царей Николай II, *продолжая политику отцов и дедов*, пытался вначале осуществить присоединение Манчжурии и Кореи, а затем вступил в мировую войну, преследуя захват Константинополя, Турецкой Армении, Северной Персии и Галиции...»²²⁸. По сути воспроизводилась точка зрения М. Н. Покровского, которого в конце 1920-х гг. критиковали молодые историки, рассматривавшие мировую войну как продукт новейшего капитализма, а не традиционной политики «отцов и дедов».

Непосредственные причины Февральской революции трактовались в рамках концепции «двух заговоров». Первым был «заговор царской клики», который предполагал заключение сепаратного мира с Германией и подавление революции. Второй заговор готовила «поддержанная союзниками буржуазия» с целью дворцового переворота (сменить бездарного царя и посадить другого – своего ставленника). Однако «революция опередила и удар самодержавия, и дворцовый переворот: пока буржуазия и самодержавие возились друг с другом, на улицу против них вышли рабочие и крестьяне, ненавидевшие и буржуазию, и царизм»²²⁹.

Причины перерастания Февральской революции в Октябрьскую выводились из неспособности пришедшей к власти буржуазии «разрешить три задачи: кончить войну, дать землю крестьянам и вывести страну из хозяйственного кризиса»²³⁰. Эта трактовка соответствовала позициям Ленина, Рожкова и Покровского.

²²⁸ История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 40.

²²⁹ Там же. С. 55–56, 58.

²³⁰ Там же. С. 108.

При описании истории революционного 1917 г. авторы уделили большое внимание работе VI съезда партии большевиков, где Сталин играл руководящую роль. В тексте был полностью приведен важный отрывок из его доклада о политическом положении, который касался обоснования необходимости социалистической революции. Эта необходимость выводилась из кризисной ситуации, созданной войной, и политического положения в стране: «Некоторые товарищи говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то *утопично* ставить вопрос о социалистической революции. Они *были бы правы, если бы не было войны*, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. ... У нас разруха приняла более грозные размеры. С другой стороны, такой свободы, как у нас, нигде не бывало в условиях войны. Затем громадная организованность рабочих: у нас, например, в Питере 66 процентов организованных металлистов. Наконец, нигде у пролетариата не было таких широких организаций, как советы рабочих и солдатских депутатов. Все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом *реальная основа* постановки вопроса о социалистической революции у нас в России»²³¹.

Этот фрагмент речи Сталина точно воспроизводил его позицию по вопросу о причинах Октября и степени зрелости экономических предпосылок перехода к социализму в России. Авторы книги не стали скрывать, что позиция Сталина вызвала критику и привели фрагменты из выступлений делегатов от Москвы Н. С. Ангарского и В. П. Ногина.

Н. С. Ангарский: «Но я не согласен с товарищем Сталиным, что мы должны перешагнуть через буржуазную к социалистической революции. Сталин говорит: у нас счастливые условия – в России до 70 процентов организованных рабочих и т. д. Но этого слишком недостаточно для социалистической революции»²³².

В. П. Ногин: «В чем разница между резолюцией товарища Сталина и резолюциями Апрельской конференции? Тогда мы находили, что еще *стоим перед переходом* к социалистической революции. Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму?»²³³. Эти слова Ногина говорили о том, что делегаты по-разному

²³¹ История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 181–182. См. также: Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Москва. Партиздат, 1934. С. 14–15.

²³² Там же. С. 124.

²³³ Там же. С. 111.

трактовали решения Апрельской конференции, и апрельский спор был перенесен на июльский съезд.

Авторы книги пояснили свою позицию по этому вопросу таким образом: «На Апрельской конференции тов. Ногин не понимал, что разруха в условиях продолжавшейся войны резко поставила вопрос о необходимости перехода к социализму и что этот переход может сделать только пролетариат вместе с крестьянской беднотой. На VI съезде тов. Ногин по-прежнему не понимал, что дело не в «прыжке», не в созревании производительных сил за какие-нибудь два месяца, а в новой расстановке классовых сил, поставившей перед революцией вопрос о захвате власти наиболее революционным классом»²³⁴.

Иными словами, акцент был сделан на разруху, которая диктовала необходимость взятия власти для осуществления переходных шагов к социализму, а также на расстановку классовых сил, которая позволяла это сделать. Новая расстановка была создана политикой кадетов и правых социалистов. И авторы приводят слова Сталина: «Надо, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты поняли, что без свержения нынешней власти им не *получить ни воли, ни земли*»²³⁵. Иными словами, Сталин говорил о том, что Октябрь был нужен и для решения важнейших общедемократических задач.

Авторы книги воспроизвели и спор Сталина с Преображенским, в ходе которого Сталин повторил свой тезис о возможности идти к пролетарской революции в России, опираясь на союз с беднейшими слоями крестьянства и политическую свободу, созданную революцией²³⁶.

В XI главе книги, посвященной экономической платформе большевиков накануне пролетарской революции, были сделаны следующие принципиальные оценки: «*Экономическое* развитие России до 1917 года создало *все возможности для движения вперед к социализму. Политические* завоевания рабочего класса в период между Февральской и Октябрьской революциями создавали необходимые условия для превращения этих возможностей *в действительность*». Авторы сослались на статью Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», но привели урезанную цитату: «Идти вперед в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, нельзя, не идя к социализму, не делая шагов к нему...»²³⁷. Ключевых слов

²³⁴ История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 183.

²³⁵ Там же. С. 185.

²³⁶ Там же. С. 186

²³⁷ Там же. С. 230.

Ленина о существовании в России монополистического капитализма и его перерастании в государственно-монополистический капитализм авторы не привели. В этом вопросе Сталин остался верен своей позиции 1920-х гг.

Как известно, первый том обрывается на полуслове и не имеет заключения, в котором подводились бы основные итоги анализа истории подготовки Октябрьской революции. Второй том, посвященный непосредственным событиям октября–ноября 1917 г. появился только в 1943 г., и в нем все ключевые вопросы о социально-экономических предпосылках и причинах Октябрьской революции просто не рассматривались.

Критика «школы Покровского». 26 января 1936 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об учебниках истории», которое стало сигналом к открытой критике взглядов покойного М. Н. Покровского и многих его учеников, несмотря на то, что они писали свои работы с разных позиций, в том числе и споря со своим учителем. Постановление сопровождалось пространным комментарием под названием «В Совнарком Союзов ССР и ЦК ВКП(б)». В нем новый вариант учебника по истории СССР, «представленный группой профессора Ванага», а также учебники по элементарному курсу истории СССР для начальной школы, «представленные группами Минца и Лозинского», назывались «особенно неудовлетворительными». И делался вывод: «То обстоятельство, что авторы указанных учебников продолжают настаивать на неоднократно уже вскрытых партией и явно несостоятельных исторических определениях и установках, имеющих в своей основе известные *ошибки Покровского*, Совнарком и ЦК не могут не расценивать, как свидетельство того, что среди некоторой части наших историков, *особенно историков СССР*, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку»²³⁸. Летом 1936 г. Н. Н. Ванаг был арестован, а в 1937 г. расстрелян. Такая же участь постигла С. А. Пионтковского и некоторых других историков²³⁹. Пострадали прежде всего те, кто когда-либо поддерживал троцкистскую оппозицию либо были просто связаны с видными троцкистами личными отношениями. Со сторонниками Троцкого, хотя бы и бывшими, Сталин в 1936–1937 гг. расправлялся беспощадно. При этом не были репрессированы ни раскритико-

²³⁸ На фронте исторической науки. В Совнарком Союзов ССР и ЦК ВКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 9–10.

²³⁹ См. об этом специальную диссертационную работу: Артизов А. Н. Школа М. Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х–1930-е гг. Москва, 1998.

ванный в январском постановлении И. И. Минц, ни такие члены группы Ванага как А. М. Панкратова и Б. Д. Греков²⁴⁰. Впоследствии все они заняли видное место в советской исторической науке.

Постановление не объясняло, что представляли собой «известные ошибки Покровского». Широко известным было явное преувеличение роли торгового капитала, от которого автор в последних работах публично отказался. Известными были также и взгляды Покровского на природу первой мировой войны и роль царизма в ее развязывании, но и здесь Покровский внес серьезные коррективы в свои первоначальные позиции. Трудно предположить, что Сталина так сильно волновали ошибки, допущенные уже умершим историком в этих вопросах. Скорее всего, столь острая атака была обусловлена другой причиной – практическим отсутствием в работах Покровского и его учеников упоминаний о роли Сталина и ссылок на оценки Сталина как на ориентиры для исторических исследований. В «Сжатом очерке» Покровского, который был главным учебником истории в СССР до 1934 г., Сталин не упоминался ни разу даже в последней редакции, сделанной автором в 1930 г. В двухтомном сборнике самых важных статей Покровского, опубликованном учениками вскоре после его смерти в 1932 г., также нет ни одной ссылки на работы Сталина. В этом сборнике Сталин упомянут только в статье, опубликованной в журнале «Большевик» в 1930 г. и посвященной критическому разбору книги Троцкого «Моя жизнь». Покровский защищал Сталина как политического вождя, который боролся с Троцким, но не более того²⁴¹. Только незадолго до смерти в своем последнем публичном выступлении перед слушателями Института красной профессуры в декабре 1931 г. Покровский высоко отозвался о теоретической работе Сталина, сказав, что тот много «работает теоретически и дал нам целый ряд ценнейших теоретических работ, по которым мы учимся, по которым вы учитесь ленинизму»²⁴². Но в учебниках и научных трудах таких оценок Покровский не давал. Нельзя не отметить, что редакционная коллегия упомянутого сборника под председательством А. С. Бубнова также не сочла необходимым упомянуть Сталина в написанном ею предисловии. В сборнике статей «Империалистическая война», пер-

²⁴⁰ Б. Д. Греков был арестован в 1930 г. по «Академическому делу», но освобожден через месяц и более репрессиям не подвергался, став академиком и лауреатом трех Сталинских премий.

²⁴¹ Покровский М. Н. Об одном «опыте автобиографии» // Большевик. 1930. №7–8. С. 130–145. См.: Историческая наука и борьба классов. М. 1932. Выпуск II. С. 237, 246, 251, 256.

²⁴² Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М. 1932. Выпуск II. С. 410–411.

вое издание которого вышло в 1928 г., а последнее издано учениками в 1934 г., снова не было ни одной ссылки на Сталина, в том числе и в предисловии²⁴³. Такое невнимание Покровского и его учеников по отношению к Сталину выглядело вызывающе уже в конце 1920-х, не говоря уже о первой половине 1930-х гг. Показательно, что после 1936 г. все экземпляры «Сжатого очерка» были изъяты из массовых библиотек, а в наиболее крупных библиотеках переведены в спецхраны. В середине 1930-х Сталину не нужны были книги, в которых ничего не говорилось о его роли в революционном движении, не было ссылок на его труды и оценки, отсутствовало признание его роли как крупнейшего теоретика и практика революционного движения.

Почему М. Н. Покровский и его ученики, которые, конечно же, были знакомы с работой Сталина «Об основах ленинизма», долгое время не ссылались на его оценки? Скорее всего, здесь не было особого умысла. Историки просто не видели в идеях Сталина каких-либо новаций. В 1920-е гг. они не считали Сталина крупным теоретиком и тем более крупным историком. В конце концов, для Покровского, профессора истории, Сталин был недоучившимся семинаристом, практиком революционной борьбы. Иными словами, Покровский, а за ним и многие его ученики, не заметили вовремя стремления Сталина быть не только политическим вождем. Это и стало одной из причин жестких гонений на Покровского даже после его смерти, хотя Покровский (в отличие, скажем, от Ванага и ряда других учеников) всегда был противником Троцкого. Иногда историки говорят, что критика в адрес Покровского была результатом интриг Е. М. Ярославского, который боролся с ним за первенство среди советских историков, но фактор Ярославского играл, видимо, второстепенную роль. Покровский умер в 1932 г. и никак не мог мешать Ярославскому в середине 1930-х гг. Первостепенным было желание Сталина утвердить себя в качестве главного толкователя истории партии, революции, ленинизма и всей современной эпохи. Решая эту задачу, Сталин боролся не только с теми, кто с ним прямо спорил, но с теми, кто не видел в нем главного идеолога партии.

Возможно, свою роль сыграл и другой фактор. Работы Покровского не отражали и не могли отразить тот поворот, который Сталин постепенно и неявно совершал в середине 1930-х гг. Его не учла и группа Ванага при подготовке своих вариантов учебника по истории СССР. Как уже отмечалось, под влияни-

²⁴³ Покровский М. Н. Империалистская война. Сборник статей 1915–1930. М.: Соцэкгиз, 1934.

ем нарастающей угрозы новой мировой войны Сталин пришел к пониманию необходимости формирования у населения страны чувства патриотизма, и не только советского, но и более глубокого, с опорой на героические свершения народов России, ее полководцев и государственных деятелей в дореволюционный период. Покровский писал свои книги, а группа Ванага готовила конспект учебника с опорой на традиционные большевистские оценки царской России, в которых преобладал негативистский подход. Сам Сталин проповедовал его в 1924 г., когда писал, что «царская Россия была очагом всякого рода гнета – и капиталистического, и колониального, и военного – взятого в его *наиболее бесчеловечной и варварской форме*»²⁴⁴. Ванаг в таком ключе написал свою известную статью 1934 г., однако этот мотив был уже не ко времени.

Ко времени был исторический роман А. Н. Толстого «Пётр Первый», две первые книги которого были опубликованы в том же 1934 г. Там образ царя Петра представлен в положительном свете как деятеля, который пусть и жесткими методами резко ускорил развитие России. В романе без труда просматриваются параллели со Сталиным, который решал ту же задачу еще более жесткими методами. Иными словами, в середине 1930-х гг. сталинский тезис 1924 г. о России как «очаге всякого рода гнета ... взятого в наиболее бесчеловечной и варварской форме» уже не был главным для Сталина. Он от него не отказывался и не мог отказаться (особенно применительно к предреволюционной эпохе), но в общих учебниках по истории России Сталин уже хотел видеть другие акценты. Эти акценты наметились в новом школьном учебнике «Краткий курс истории СССР», который был подготовлен группой историка А. В. Шестакова к лету 1937 г. и отредактирован Сталиным. В нем ряд исторических деятелей царской России подавались в позитивном ключе. В целом позитивно трактовалась деятельность Петра I. Показателен пример, связанный с характеристикой А. В. Суворова: «В войне с турками прославился знаменитый русский полководец Александр Васильевич Суворов. Он начал военную службу с простого солдата. Суворов вел суровый образ жизни: питался солдатской пищей, закалял себя, спал на сене. С 25 тысячами войск Суворов разбил 100-тысячную армию турок»²⁴⁵.

О новых задачах достаточно понятно, хотя и непрямо, было сказано только в 1938 г., в постановлении от 14 ноября «О постановке партийной пропаганды в

²⁴⁴ Сталин И. В. Соч. Т.6. С. 74–75.

²⁴⁵ Краткий курс истории СССР / под ред. проф. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. С. 72.

связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление давало более конкретную критику работ М. И. Покровского и ставило новые задачи: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой Покровского», которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму *освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события*, и, тем самым, искажала действительную историю»²⁴⁶.

Требование учета обстановки, в которой протекали те или иные исторические события, ориентировало историков на отказ от однозначно негативного изображения внешней и внутренней политики Российской империи. На фоне нараставшей угрозы Второй мировой войны русская история должна была преподаваться не только как история классовой борьбы, но и как история великих полководцев и великих побед Российского государства и русского народа. В 1934–1936 гг. этот новый запрос со стороны власти был еще настолько завуалирован, что Ванаг и его группа просто не имели шансов его осмыслить. Именно поэтому подготовленной группой Ванага конспект учебника по истории СССР был признан «особенно неудовлетворительным»: он не отвечал новым завуалированным запросам Сталина.

«Против исторической концепции М. Н. Покровского». Наиболее жесткий критический залп по М. Н. Покровскому и его ученикам был сделан в двухтомном сборнике статей, написанном группой авторов, сотрудников Института истории АН СССР, которые в своем большинстве также были выпускниками Института красной профессуры. Сборник был сдан в набор в мае 1938 г. Точная дата имеет значение. Она показывает, что статьи сборника были написаны за несколько месяцев до выхода в свет «Истории ВКП(б). Краткий курс» (ноябрь 1938), хотя опубликован сборник был только в 1939 г. О стиле критики говорит статья **А. М. Панкратовой**, выпускницы Института красной профессуры (1925), ученицы и соратника М. Н. Покровского, которая писала: «Так называемая “школа Покровского” не случайно оказалась базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных, антиленинских исторических концепций М. Н. Покровского. Только непростительной, иди-

²⁴⁶ Правда. 1936. 27 января.

отской беспечностью и потерей бдительности со стороны работников исторического фронта можно объяснить тот факт, что эта *оголтелая банда врагов ленинизма* долго и безнаказанно проводила вредительскую работу в области истории»²⁴⁷. Основную методологическую ошибку Покровского Панкратова видела в том, что он был приверженцем методологии «экономического материализма», который противопоставлялся подлинному марксизму. Эту претензию можно было предъявить Покровскому за увлечение теорией «торгового капитализма, но после отказа от нее Покровский являлся борцом против «экономического материализма», т. е. вульгарного экономического детерминизма, что и показала его концепция Октябрьской революции. Напомним речь Покровского на I съезде историков-марксистов (1928 г.), в которой он вслед за Лениным называл экономических детерминистов дураками.

Нет смысла осуждать авторов сборника за такие приемы и оценку деятельности своего учителя и бывших коллег. Статьи писались в период пика репрессий, когда даже самое малое подозрение в нелояльности к линии Сталина могло стоить авторам жизни. К тому же авторы сборника знали, что тех, кого они так критиковали, уже нет в живых.

В числе многих сюжетов Покровского критиковали за «антиленинскую трактовку» вопроса о времени вступления российского капитализма в стадию империализма. Как было показано, эта тема имела прямое отношение к трактовке проблемы предпосылок и причин Октябрьской революции.

Сидоров против Покровского. В этой связи важной является статья выпускника Института красной профессуры А. Л. Сидорова, посвященная критике взглядов учителя на причины и характер русско-японской войны. Покровский не считал эту войну порождением российского монополистического капитализма. Он признал правильной точку зрения Ванага, которая гласила, что российский капитализм стал монополистическим только после революции 1905–1907 гг., в период депрессии 1906–1909 гг. и нового промышленного подъема накануне мировой войны. Сидоров считал, что такая датировка принижает уровень развития российского капитализма, поскольку сокращает сроки существования новейшей стадии капитализма до нескольких предвоенных лет. Обличая Покровского и его сторонников, Сидоров писал: «Вслед за Покровским троцкистские вредители на историческом фронте особенно старались “обосновать” в своей псевдонаучной продукции тезис об

²⁴⁷ Против исторической концепции М. Н. Покровского: в 2 ч. Ч. 1. М.: Из-во АН СССР, 1939. С. 5.

отсутствии в царской России периода русско-японской войны и Первой русской революции *настоящего империализма и финансового капитала*»²⁴⁸. Под «настоящим империализмом» Сидоров подразумевал тот, который был функцией и порождением финансового капитала. Сидоров объяснил и причины, по которым Покровский и его ученики настаивали на своей позиции: «Нужно им это было для того, чтобы подкрепить ссылкой на историю свою контрреволюционную, меньшевистско-троцкистскую теорию о *невозможности перерастания* буржуазно-демократической революции 1905 г. в социалистическую. В этой связи они отрицали и империалистический характер Русско-японской войны»²⁴⁹.

Этот тезис был отзвуком борьбы Сталина с Троцким в ходе внутрипартийных дискуссий 1920-х гг. Как уже говорилось, Троцкий утверждал, что Ленин в апреле 1917 г. принял ту теорию перманентной революции, которую он, Троцкий, сформулировал еще в период первой русской революции. Сталин, опровергая Троцкого, утверждал, что Ленин якобы уже в 1905 г. исходил из возможности *непосредственного* перерастания первой русской революции в социалистическую. Напомним оценку, данную Сталиным в брошюре «Об основах ленинизма»: «Недаром Ленин еще в 1905 году, накануне первой русской революции, в своей брошюре “Две тактики” рисовал буржуазно-демократическую революцию и социалистический переворот, как два звена одной цепи, как *единую и цельную* картину размаха русской революции»²⁵⁰.

На самом деле Ленин в 1905 г. не видел ни экономических, ни социально-политических условий для непосредственного перерастания демократической революции в социалистическую. Его позиция была четко выражена в «Двух тактиках...» и решениях III партийного съезда. В частности Ленин писал: «Признавая безусловно буржуазный характер революции, неспособной *непосредственно* выйти из рамок только демократического переворота, наш лозунг толкает вперед этот, данный, переворот, – стремиться придать этому перевороту наиболее выгодные для пролетариата формы, – стремиться, следовательно, к наибольшему использованию демократического переворота в целях успешнейшей дальнейшей борьбы пролетариата за социализм»²⁵¹. Сидоров принял трак-

²⁴⁸ Сидоров А. Л. Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны 1904–1905 годов // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М.: Из-во АН СССР, 1939. С. 462.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. С. 100.

²⁵¹ Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 77.

товку Сталина и в противовес позиции Покровского выдвинул тезис: «Русские большевики с самого начала этой войны характеризовали ее как войну грабительскую, империалистическую, связанную с появлением *финансового капитала и империализма* в царской России и Японии начала XX в.»²⁵².

Естественно, что никаких ссылок на то, что большевики в 1904 г. связывали эту войну с появлением финансового капитала в царской России, автор не привел. И не мог привести потому, что ни в одном партийном документе большевики не говорили об этом. В работах Ленина, написанных в 1904–1905 гг. вообще нет терминов «финансовый капитал», «монополистический капитализм». Даже термин «империализм», который широко употреблялся для обозначения захватнической политики великих держав в разные эпохи, использовался Лениным редко. В период Русско-японской войны Ленин употребил его дважды. Первый раз в марте 1904 г., готовя доклад об истории Парижской коммуны, возникшей на фоне Франко-прусской войны²⁵³, второй раз в январе 1905 г. в статье «Падение Порт-Артура» в словосочетании «японский империализм», имея в виду агрессивную внешнюю политику Японии²⁵⁴. В это время Ленин только начал размышлять об империализме как новой стадии развития капитализма. Он проявил желание познакомиться с книгой британского ученого-фабианца Д. А. Гобсона «Империализм» (1902), которую получил и начал переводить в середине августа 1905 г.²⁵⁵. Однако события Первой русской революции надолго отвлекли его внимание от темы. За весь период Первой русской революции 1905–1907 гг. Ленин более ни разу не использовал в своих работах термин «империализм» даже для характеристики внешней политики ведущих держав, не говоря уже о характеристике новой стадии капитализма²⁵⁶.

В этой связи явным «модернизмом» выглядели комментарии, которые были сделаны сотрудниками ИМЛ в Предисловии к 10 тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина в отношении решений III съезда РСДРП 1905 г.:

²⁵² Сидоров А. Л. Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны 1904–1905 годов... С. 462.

²⁵³ Ленин В. И. Три конспекта доклада о Парижской коммуне // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 483.

²⁵⁴ Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 157.

²⁵⁵ Даты жизни и деятельности В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 558.

²⁵⁶ Как уже отмечалось появление оцифрованных текстов полного собрания сочинений В. И. Ленина делают простой и быстрой проверку практики использования автором тех или иных терминов в те или иные периоды.

«В своих решениях, – пишут авторы предисловий, – съезд полностью встал на ленинскую позицию по вопросу о характере, движущих силах и перспективах Первой русской революции как буржуазно-демократической революции *эпохи империализма*»²⁵⁷. На самом деле, в 1905 г. ни Ленин, ни другие делегаты съезда не знали о том, что они рассматривают проблемы Русской революции как революции «эпохи империализма». В документах III съезда, также как и в работах Ленина той поры, нет такого понятия²⁵⁸. Этот «модернизм» сотрудников ИМЛ представлял собой отголосок усилий Сидорова и других историков утвердить точку зрения, согласно которой Ленин и большевики уже в 1905 г. строили свою стратегию и тактику, исходя из факта перехода России в стадию монополистического капитализма. На деле Ленин только после начала Первой мировой войны обратился к анализу проблемы монополистического капитализма как новой стадии капитализма.

Как же Сидоров доказывал факт вступления России в стадию «настоящего» монополистического капитализма к началу Русско-японской войны? Прежде всего он искал подходящие оценки в работах Ленина и Сталина. Такой прием аргументации надолго стал обязательным для советских историков. В качестве первого аргумента Сидоров привел слова Сталина, сказанные 29 июля 1927 г. в речи на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Сталин, критикуя взгляды троцкистов на китайскую революцию, говорил: «Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она отождествляет революцию 1905 г. в России, в стране *империалистической*, угнетавшей другие народы, с революцией в Китае, в стране угнетенной, полуколониальной, вынужденной бороться против империалистического гнета других государств. У нас в России в 1905 г. революция шла против либеральной буржуазии потому, что либеральная буржуазия *империалистической* страны не может не быть контрреволюционной»²⁵⁹. Сталин назвал Россию 1905 г. «империалистической страной», значит, считал Сидоров, он говорил о существовании в России «*настоящего империализма и финансового капитала*». Понятно, что единичное высказывание Сталина, сделанное в неоднозначном контексте, не могло стать единственным аргументом. Однако Сидоров, проштудировав все работы Сталина, не нашел ни одного высказывания, в котором бы Сталин определял россий-

²⁵⁷ Предисловие к тому. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. IX.

²⁵⁸ Третий съезд РСДРП. Протоколы. М.: Госполитиздат. М. 1959.

²⁵⁹ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1937. С. 175.

ский капитализм как «монополистический капитализм» или «финансовый капитал» применительно не только к эпохе Русско-японской войны, но и к эпохе первой мировой войны. В принципе Сидоров мог бы сослаться на первый том «Истории гражданской войны в СССР», где авторы использовали эти термины, но он этого не сделал, поскольку там говорилось о существовании монополистического капитализма в предвоенной России без привязки к периоду Русско-японской войны. Более того, о причинах русско-японской войны в тексте первого тома говорилось как о продолжении традиционной империалистической политики царизма, т. е. в том же ключе, что и у Покровского: «Последний из русских царей Николай II, *продолжая политику отцов и дедов*, пытался вначале осуществить присоединение Манчжурии и Кореи...»²⁶⁰.

Не найдя подходящих цитат в работах Сталина, Сидоров обратился к работам Ленина. Прежде всего, он привел ту единственную оценку из сентябрьской (1917) работы, где Ленин назвал российский капитализм монополистическим: «Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно»²⁶¹. Однако из этих слов не было ясно, когда, по мнению Ленина, капитализм стал монополистическим: до 1905 г. или после. И тогда Сидоров подменил вопрос о времени утверждения *господства* монополий и финансового капитала вопросом о времени *возникновения* первых синдикатов в российской промышленности: «Монополистические организации, – писал историк, – в области промышленности, на которые указывает товарищ Ленин, *создались* как раз в конце 90-х годов и начале XX в. Сахарный синдикат – в 1895 г., Электрический синдикат – в 1889 г., Продамет – в 1902 г., в годы промышленного кризиса. В это же время созданы Зеркальный синдикат (1903), Продвагон и Гвоздь (1904), Цементный синдикат (1904). Лишь Продуголь и Продруда созданы в 1906 г.»²⁶².

В поисках дополнительных аргументов Сидоров обратился к статье Ленина «Империализм и раскол социализма», написанной в октябре 1916 г. и привел следующую цитату: «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, *а затем и Азии*, сложился вполне к 1898–1914 гг. Войны испано-американская (1898), Англо-бурская (1900–1902), Русско-

²⁶⁰ История гражданской войны в СССР... Том 1. С. 40.

²⁶¹ Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.

²⁶² Сидоров А. Л. Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны 1904–1905 годов... С. 463.

*японская (1904–1905) и экономический кризис в Европе 1900 г. – вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»*²⁶³.

Этот аргумент тоже не решал проблемы, поскольку в статье Ленин говорил об исторических вехах длительного процесса становления империализма, который «вполне сложился» только к 1914 г., а кроме того, Ленин внес специальное уточнение в отношении России и Японии: «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»²⁶⁴. Это уточнение Ленина соответствовало его общей оценке, сделанной раньше, в июне 1915 г., в принципиальной работе «Крах II Интернационала»: «В России, как известно, слабее капиталистический, но зато сильнее военно-феодальный империализм»²⁶⁵. Именно это и утверждал Покровский. «Дальневосточная политика Витте, – писал историк, – несомненно заключала в себе кое-какие зачатки империализма, главным образом в лице Русско-китайского банка, но в основе это было продолжение захватнической колониальной политики “Романовых” XVIII–XIX вв.»²⁶⁶. И действительно, истоки русско-японской войны 1904–1905 гг. уходили, как минимум, в конец XIX в., когда царизм настоял на удалении Японии с захваченного ею в 1895 г. у Китая Ляодунского полуострова и военно-морской крепости Люйшунь (Порт-Артур), а затем ввел русский флот в Порт-Артур и заставил Пекин отдать Ляодун в долгосрочную аренду России. Сидоров упоминал об этих широко известных фактах, но тем не менее критиковал Покровского за непонимание природы русско-японской войны как продукта «настоящего империализма».

Особый интерес представляет анализ Сидоровым главного труда Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Сидоров его высоко оценил, а затем просто не привел те ленинские оценки, которые противоречили его концепции. Так, он умолчал о том, что в этой книге, законченной летом 1916 г., т. е. за несколько месяцев до Февральской революции, Ленин считал Россию областью «слабого развития капитализма», причем ставил ее в ряд с восточноазиатской: «Две области – слабого развития капитализма, российская и восточноазиатская»²⁶⁷.

²⁶³ Ленин В. И. Империализм и раскол социализма // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 164.

²⁶⁴ Там же. С. 174.

²⁶⁵ Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 234.

²⁶⁶ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1933. С. 292.

²⁶⁷ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 393.

Еще более показательным, что Сидоров не привел и другую широко известную оценку Ленина о том, что в России «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических». В этой фразе Ленин фиксировал существование в России «новейше-капиталистического империализма». Казалось бы, это то, что Сидорову надо. Однако перед этими словами шли другие, в которых Ленин называл Россию страной «наиболее отставшей в экономическом отношении»²⁶⁸. В таком контексте Сидорову было сложно сделать вывод о *доминирующем положении* новейшего капитализма в России. И он просто опустил эту цитату.

Столкнувшись с тем досадным фактом, что Ленин в своей главной работе по империализму не дал аргументов в пользу точки зрения Сидорова и вообще редко вспоминал о России, Сидоров дал такое объяснение: «Огромный интереснейший материал об империализме в России содержат Ленинские сборники (XXII, XXVII, XXVIII, XXIX). Опубликованные там конспекты ленинской работы об империализме показывают, что лишь *цензурные условия* помешали Ленину дать в своей работе соответствующие разделы об империализме и финансовом капитале в России»²⁶⁹.

Почему царская цензура была против анализа процесса формирования финансового капитала в России, автор не объяснил. В дореволюционное время в России на эту тему было опубликовано немало книг и статей, на которые ссылался и Ленин. Сидоров не ставил и не рассматривал и другие вопросы, которые порождал его тезис о «цензурных условиях»:

– почему Ленин не сделал вывода о том, что Россия является страной монополистического капитализма, в статье «Империализм и раскол социализма», которую он написал сразу по итогам работы над книгой и опубликовал в декабре 1916 г. в партийном издании «Сборник “Социал-Демократа”», недоступном для царской цензуры? В этой статье Ленин изложил все положения теории империализма и политические выводы, вытекающие из нее, но ни разу не назвал Россию страной монополистического капитализма;

– почему Ленин не обозначил свою безцензурную позицию в предисловии к книге «Империализм как высшая стадия капитализма», изданной в революционном Петрограде летом 1917 г.?

– почему Ленин даже не ставил вопроса о том, чтобы внести принципиальнейшее положение о переходе российского капитализма в монополистическую стадию в важнейшие партийные документы, включая резолюции

²⁶⁸ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 378.

²⁶⁹ Там же. С. 467.

VII (Апрельской) Всероссийской конференции партии большевиков, VI партийного съезда и текст новой партийной программы РКП(б), принятой в 1919 г.?

Все эти вопросы не привлекли внимания Сидорова.

Подводя итоги анализу работы Сидорова, отметим: вопреки желанию автора ее научная ценность состоит в демонстрации невозможности при помощи ссылок на труды Ленина и Сталина доказать, что они определенно признавали капитализм в предвоенной России монополистическим, подразумевая при этом определяющую роль финансового капитала в экономике страны. Мобилизовав все наследие Ленина, Сидоров смог показать только то, что не вызывало сомнений: Ленин отмечал *процесс становления* монополистического капитализма в промышленности, но даже в конце 1916 г. не считал возможным утверждать, что новейший капитализм стал базисом русского общества или, хотя бы был доминирующим укладом в рамках капиталистического базиса. Сталин вообще не употреблял термин «монополистический капитализм» применительно к российскому капитализму.

Говоря о позиции Сидорова, который резко и необъективно критиковал своего учителя, еще раз отметим, что он написал свою статью в условиях 1938 г. Добавим, что в период Великой Отечественной войны Сидоров в октябре 1941 г. вступил в народное ополчение и участвовал в боях под Москвой. Затем в составе регулярных частей Красной Армии воевал на Калининском и Западном фронтах, дважды был ранен. Вернувшись с фронта Сидоров много сделал для изучения русского капитализма и экономических предпосылок Октябрьской революции, а также для преодоления последствий культа личности Сталина в исторической науке. Его статью 1938 г. следует рассматривать как статью именно 1938 г. Для него и для всех учеников Покровского такие статьи были личной трагедией.

Помимо статьи Сидорова в упомянутом сборнике «Против исторической концепции М. Н. Покровского» была и статья **А. С. Ерусалимского** «Происхождение мировой империалистической войны 1914–1918 гг. в освещении М. Н. Покровского». В ней автор делал акцент на ранние работы Покровского, в которых тот по-разному определял и эпоху империализма в целом и характер русского империализма, а также подчеркивал роль России в развязывании Первой мировой войны. Ерусалимский упрекал Покровского в том, что при переиздании своих ранних работ тот не пересмотрел своих взглядов, и «все же не стоит полностью на гранитном фундаменте ленинской теории империализма»²⁷⁰. Вся статья построена на противопоставлении взглядов

²⁷⁰ Ерусалимский А. Происхождение мировой империалистической войны 1914–1918 гг. в освещении М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М.: Из-во АН СССР, 1939. С. 498.

Покровского и Ленина и на критике Покровского за действительные и мнимые неточности и неудачные выражения.

Главная претензия Ерусалимского к Покровскому состояла в том, что тот в политике русского империализма в период мировой войны, как и в период Русско-японской, видел преимущественно традиционный империализм, а не новейший, рожденный эпохой монополистического капитализма. При этом Ерусалимский был вынужден работать с термином «военно-феодальный империализм» и признать, что Ленин характеризовал русский империализм как «гораздо более грубый, средневековый, экономически отсталый, военно-бюрократический»²⁷¹. Ерусалимский привел важную ленинскую цитату: «В России, – писал Ленин, – капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм»²⁷². Эта цитата показывала близость позиций Покровского и Ленина, но Ерусалимский сделал иной вывод: «Рассуждения Покровского о русском империализме ничего общего не имеют со взглядами Ленина и Сталина». И еще: «как бы ни были противоречивы взгляды Покровского, который часто бросался от одной крайности к другой, они неизменно оставались антиленинскими»²⁷³. Такая критика не диктовалась научными соображениями.

«Краткий курс». Осенью 1938 г. массовым тиражом вышла книга «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Персонально коллектив авторов не был указан. Читателю сообщалось только, что редакцию текста осуществила комиссия ЦК ВКП(б), и он одобрен ЦК ВКП(б). Однако вся страна знала, что одним из редакторов, а точнее главным редактором книги был И. В. Сталин. Об этом сказал В. М. Молотов 6 ноября 1938 г. в докладе на торжественном заседании Московского совета: «Выход этого курса «Истории ВКП(б)» стал возможен только благодаря исключительной работе над этой книгой самого товарища Сталина»²⁷⁴. Вскоре после выхода книги, 14 ноября 1938 г., вышло специальное постановление ЦК ВКП(б), в котором говорилось: «В основу пропаганды марксизма-

²⁷¹ Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 58.

²⁷² Ленин В. И. Социализм и война // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 318.

²⁷³ Ерусалимский А. С. Происхождение мировой империалистической войны 1914–1918 гг. в освещении М. Н. Покровского... С. 507.

²⁷⁴ Большевик. 1938. № 21–22. С. 36.

ленинизма положить “Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)”»²⁷⁵.

Этого было достаточно, чтобы положения «Краткого курса» не подвергались сомнению до середины 1950-х гг., когда после решений XX съезда КПСС историки стали предъявлять авторам этой книги заслуженные претензии по целому ряду вопросов. Среди них было две претензии, прямо связанных с трактовкой истории Русской революции.

Первая связана с явным преувеличением роли Сталина в руководстве партией большевиков, начиная с января 1912 г., когда на Пражской конференции Сталин был заочно кооптирован в состав нового ЦК. В книге он без каких-либо оснований представлен как *руководитель* Русского бюро ЦК, созданного решением конференции: «Был создан практический центр, – писали авторы, – для руководства революционной работой в России (Русское бюро ЦК) во главе с тов. Сталиным»²⁷⁶. Так была оформлена концепция «двух вождей» партии – Ленина и Сталина, причем Сталин подавался как руководитель партии в самой России. При изложении истории революционного 1917 г. концепция «двух вождей» превратилась в тезис о Сталине как главном практическом организаторе Октябрьской революции. По утверждению авторов «Краткого курса», 16 октября 1917 г. на заседание ЦК партии был «избран *Партийный центр* по руководству восстанием *во главе с тов. Сталиным*. Этот Партийный центр ... руководил практически всем восстанием»²⁷⁷. Концепция «двух вождей» серьезно искажала реальную историю борьбы большевиков за власть, поскольку решающую роль в победе большевиков сыграл Ленин, настоявший на принятии ключевых политических решений. Второй по важности фигурой был Л. Д. Троцкий, который занимал пост главы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Именно Петросовету подчинялись рабочие коллективы и солдаты гарнизона. Именно Петросовет и созданный им орган – Временный революционный комитет – обеспечили успех октябрьского вооруженного восстания.

Следует отметить, что Сталин сам принимал прямое участие в фальсификации истории Октября. В подтверждение достаточно сравнить две оценки, данные Сталиным в разные годы. В первую годовщину Октябрьской ре-

²⁷⁵ КПСС в резолюциях и решениях. М.: Госиздат, 1953. Часть II. С. 867.

²⁷⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б). 1938. С. 137.

²⁷⁷ Там же. С. 197.

волюции, 6 ноября 1918 г., в «Правде» Сталин писал: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета *партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому*»²⁷⁸. В ноябре 1924 г., в период борьбы с Троцким, Сталин утверждал прямо противоположное: «Должен сказать, что никакой особой роли в октябрьском восстании тов. Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом т. Троцкого ... Никакой *особой* роли ни в партии, ни в октябрьском восстании не играл и не мог играть т. Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября»²⁷⁹.

Второй упрек в адрес авторов «Краткого курса» связан с недопустимой по тону и неверной по существу оценкой всех тех, чья позиция расходилась с позицией большевиков, а затем с позицией Сталина в рядах большевистской партии. Вот один из ярких примеров на эту тему: «Нельзя считать случайностью, что троцкисты, бухаринцы, национал-уклонисты, борясь с Лениным, борясь с партией, кончили тем же, чем кончили партии меньшевиков и эсеров, — стали агентами фашистских разведок, стали шпионами, вредителями, убийцами, диверсантами, изменниками родины»²⁸⁰. Троцкий имел все основания упрекать Сталина в фальсификации истории партии и революции²⁸¹.

Что касается трактовки предпосылок и причин Русской революции, то в Кратком курсе она не была чем-то новым. Речь шла о воспроизведении положений, утвердившихся в советской историографии в 1920-е гг., с особым вниманием к оценкам Сталина, данным в сборнике «Об основах ленинизма». Как обычно, авторов больше всего волновали проблемы обоснования причин и предпосылок победы пролетарской революции в крестьянской стране. Вопрос о предпосылках и причинах буржуазно-демократической революции казался вполне ясным. Успехи капиталистического развития России в начале XX в. отнюдь не замалчивались. Они рассматривались как доказательства формирования определенного минимума экономических и социальных фак-

²⁷⁸ Сталин И. В. Роль наиболее выдающихся деятелей партии // Правда. 1918, 6 ноября.

²⁷⁹ Сталин И. В. Троцкизм или ленинизм // Правда. 1924, 26 ноября.

²⁸⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 344.

²⁸¹ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации. Берлин: Гранит, 1932.

торов, делавших переход к социализму в России возможным. Говоря о развитии страны на рубеже веков, авторы подчеркивали быстрый рост крупной промышленности, связывая его прежде всего с железнодорожным строительством. Особо отмечали рост промышленного пролетариата, которому приписывали зрелые черты: «Это был современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»²⁸². Показывали, что капитализм развивался не только в городе, но и в деревне, где шел процесс расслоения крестьянства. При этом уровень развития капитализма не преувеличивался. Авторы «Краткого курса» так характеризовали уровень развития страны: «Россия, несмотря на развитие в ней капитализма, была страной аграрной, отсталой в экономическом отношении, *страной мелкобуржуазной*, то есть такой, в которой *преобладало* еще мелко-собственническое, малопроизводительное единоличное крестьянское хозяйство»²⁸³. Тем не менее, авторы, говоря о новом промышленном подъеме, делали вывод, что в его ходе «капитализм в России *все больше становился монополистическим, империалистическим капитализмом*»²⁸⁴. Акцент делали на процесс, а не на результат. В «Кратком курсе» не было тезиса о том, что в экономике предвоенной России монополистский капитализм играл *ведущую роль*, который был в первом томе «Истории гражданской войны в СССР». Нет в тексте и знаменитой оценки российского капитализма как государственно-монополистического, сделанной Лениным в сентябре 1917 г. в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Напротив, авторы приводили оценки, в которых Ленин критически оценивал уровень развития пореформенной России: «За полвека после освобождения крестьян потребление железа в России возросло впятеро, и все же Россия остается *невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой*, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»²⁸⁵.

Из этой отсталости вытекала *зависимость* «как русского капитализма, так и самого царизма от западно-европейского капитализма». Авторы аргументировали тезис о зависимости указаниями:

²⁸² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 7.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же. С. 95.

²⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 360.

– на то, что «такие важнейшие отрасли народного хозяйства, как уголь, нефть, электропромышленность, металлургия находились в руках заграничного капитала, и почти все машины, все оборудование царская Россия вынуждена была ввозить из-за границы»;

– на «кабальные заграничные займы, для уплаты процентов по которым царизм ежегодно выколачивал из населения многие сотни миллионов рублей;

– на «тайные договора с “союзниками”, по которым царизм обязался выставить в случае войны миллионы русских солдат на империалистические фронты для поддержания “союзников” и обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов»²⁸⁶.

Говоря о причинах вступления России в Первую мировую войну, авторы вновь вернулись к теме зависимости России и выдвинули тезис о том, что высокая степень зависимости важнейших отраслей промышленности России от французского, английского и бельгийского капитала, т. е. капитала стран Антанты, а также «миллиардные займы, заключенные царем во Франции и Англии, *приковали царизм* к англо-французскому империализму, превратили Россию в данницу этих стран, в их *полуколонию*»²⁸⁷. Таким образом, термин «полуколония» раскрывался авторами термином «данница», т. е. он указывал на экономическую зависимость России. Не менее важен и другой момент: тезис о «полуколонии» появляется в «Кратком курсе» только в связи и в контексте Первой мировой войны, т. е. в период, когда степень зависимости царской России резко возрастала по сравнению с довоенным временем.

Однако эта зависимость не абсолютизировалась. Тезису о «полуколонии» предшествовало положение о том, что мировая война «подготовлялась Германией и Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и *зависимой* от них Россией – с другой». Из этого следует, что авторы рассматривали предвоенную царскую Россию как одну из пяти *основных европейских держав*, хотя и зависимую от своих партнеров по Антанте. Далее перечислялись цели России в этой войне – столь значительные, что они устраняли всякую мысль об исключении России из числа «великих держав». В «Кратком курсе» говорилось, что «царская Россия стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному морю, о захвате Константинополя. В планы правительства входил также захват Галиции – части Австро-Венгрии»²⁸⁸. Иными

²⁸⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 96.

²⁸⁷ Там же. С. 156.

²⁸⁸ Там же. С. 155.

словами, тезис о «полукolonии» в «Кратком курсе» рассматривался так же, как и в первом томе «Истории гражданской войны в СССР» – в контексте, в котором даже самые малообразованные читатели не могли не понимать условный характер тезиса о России как «полукolonии» и видеть в Российской империи классическую полукolonию тех дней типа Персии или Китая. Этот контекст в последствии будут старательно игнорировать все критики сталинского тезиса о «полукolonии». Отметим, что после «Краткого курса» Сталин никогда более не называл царскую Россию «полукolonией» и не давал этому термину иной трактовки. Отметим и то, что в тексте книги отсутствовал термин «*военно-феодальный империализм*». Он не употреблялся ни для характеристики внешней политики царской России, ни для характеристики надстройки (=царизм), ни для характеристики базиса, как предлагал Ванаг.

Довольно аккуратно авторы подошли и к вопросу о причинах Октябрьской революции. Базовым был тезис о первой мировой войне как проявлении общего кризиса империализма: «Будучи отражением общего кризиса капитализма, война обострила этот кризис и ослабила мировой капитализм»²⁸⁹. Приведя основные положения ленинского учения об империализме и социалистической революции, включая тезис о победе революции «первоначально в одной или нескольких странах», авторы не сделали прямого вывода о том, что Ленин с определенностью считал такой страной Россию. Однако отметили, что значение новой ленинской теории «состоит еще в том, что она дает *революционную перспективу пролетариям отдельных стран, развязывает их инициативу* в деле натиска на свою, национальную буржуазию *учит их использовать обстановку войны* для организации такого натиска и укрепляет их веру в победу пролетарской революции»²⁹⁰.

Далее авторы следовали идеям, изложенным Сталиным в работе «Об основах ленинизма» (1924). Там Сталин прямо говорил о необходимости смотреть на пролетарскую революцию в России в международной перспективе, выдвинув тезисы о России как *узлом пункте* всех противоречий эпохи империализма и «слабом звене» в мировой капиталистической системе²⁹¹.

В «Кратком курсе» авторы сделали акцент на способность партии большевиков «умело соединить в один *общий революционный поток* такие различные революционные движения, как общедемократическое движение за мир, крестья-

²⁸⁹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 173.

²⁹⁰ Там же. С. 163–164.

²⁹¹ Там же. С. 74.

янско-демократическое движение за захват помещичьих земель, национально-освободительное движение угнетенных народов за национальное равноправие и социалистическое движение пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата». Тезис об «общем потоке» рассматривался как *решающий* фактор победы большевиков: «Несомненно, что соединение этих различных революционных потоков в один общий мощный революционный поток *решило судьбу капитализма* в России»²⁹². Возможность такого соединения и необходимость перехода к пролетарской революции авторы «Краткого курса» выводили из неспособности буржуазии решить проблемы мира и земли: «пока власть находится в руках буржуазного Временного правительства ... народу не получить ни мира, ни земли, ни хлеба»²⁹³.

Авторы говорили о *необходимости* пролетарской революции и для того, чтобы покончить с внешней зависимостью и экономической эксплуатацией России иностранными капиталистами. Авторы показали, как Октябрь решил эти задачи: «В целях освобождения нашей страны от финансовой зависимости и эксплуатации иностранных капиталистов, были аннулированы (отменены) иностранные займы России, заключенные царем и Временным правительством. Народы нашей страны не желали платить за долги, взятые для продолжения грабительской войны и ставившие нашу страну в кабальную зависимость от иностранного капитала»²⁹⁴.

В целом позицию авторов «Краткого курса» по проблеме формирования предпосылок и причин Русской революции можно считать *общим итогом развития советской историографии в 1920–1930-е гг.* И в ней преобладала точка зрения Сталина как представителя старшего поколения вождей и историков Октября. Они делали акцент не на монополистический характер российского капитализма и, следовательно, не на зрелость материальных предпосылок для социализма, а на особенности социально-экономического и политического развития России в целом, которые сближали демократическую и социалистическую революции, превращали Октябрь в единый поток крестьянского, пролетарского и национально-освободительного движений. При этом подчеркивалась особая роль мировой войны и созданного ею экономического, социального и политического кризиса.

²⁹² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 204.

²⁹³ Там же. С. 173.

²⁹⁴ Там же. С. 205.

Петр Лященко. Эту позицию разделял и П. И. Лященко в своей новой книге «История народного хозяйства СССР», вышедшей в 1939 г. Новая книга отличалась от прежней («История русского народного хозяйства», 1927 г.) тем, что представляла собой уже не историю *русского* народного хозяйства, а предысторию *народного хозяйства СССР* как федерации союзных республик. Тем самым Лященко выполнил установку Сталина, данную в «Замечаниях» на конспект учебника Н. Ванага. Напомним, что Сталин требовал написания «такого учебника истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР». Однако по сути и в новой книге рассматривались прежде всего общеимперские процессы, проходившие в экономике России. Национальным окраинам автор посвятил небольшой раздел, который содержал экономическое обоснование тезиса Сталина о необходимости Октября как революции, освободившей национальные окраины от колониального гнета. Автор показал необходимость объединения народов Российской империи в новое федеративное государство как единственного пути ускоренного развития всех народов и преодоления внешней зависимости. Иными словами, Лященко выполнил все указания, сделанные Сталиным в августе 1934 г.

Ряд изменений методологического характера, имевшихся в новой книге, касались в основном эпохи феодализма. В частности, Лященко отказался от использования термина «эпоха торгового капитализма» применительно к истории России до реформ 1861 г. Отказ был реакцией на критику концепции М. Н. Покровского.

Говоря об экономике России пореформенного периода, автор показал особенности процесса становления промышленного капитализма в России в сравнении с опытом Запада и подчеркнул важную роль государства и иностранного капитала. Эта роль была обусловлена узостью внутреннего российского рынка, недостаточного для быстрого промышленного развития спонтанным путем²⁹⁵. Автор отмечал стремление России повторить «организационные формы» развития передовых стран Запада и, как и в первой книге, полагал, что повторение не было успешным. Мешали социально-экономические и политические пережитки феодализма. Признавая, что процесс создания монополий шел уже с начала XX в., автор не преувеличивал зрелость и масштабы этого процесса и отмечал важнейшую роль иностранного капитала, во многом солидаризируясь с тем, что писал Н. Н. Ванаг. По оценке Лященко «все сколько-нибудь значительные русские синдикатские объединения или входили в

²⁹⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М.: Соцэкгиз. 1939. С. 344.

качестве сочленов в международные монополистические объединения, или представляли по существу “дочерние” организации и филиалы иностранных монополистических компаний либо даже простые “конторы” их на русской почве»²⁹⁶. В то же время он не делал выводов о «ненациональном» характере финансовой системы России.

Лященко считал, что к началу мировой войны монополии в России существовали в своих низших формах, т. е. представляли собой соглашения о разделе рынков (синдикаты). Они «не развились до высшей формы монополистической организации предприятий», какой являлись тресты и концерны, обеспечивавшие производственную интеграцию ²⁹⁷.

По мнению автора, к началу мировой войны в стране накопился комплекс противоречий, и старая система не смогла выдержать военных испытаний, несмотря на то, что и в этот период царское правительство пыталось использовать финансовые ресурсы и организационный опыт Запада: «Повторяя развитие военной экономики своих более сильных союзников при усилении финансовой зависимости от них, империалистическая Россия пыталась повторить и их организационные экономические и финансовые формы приспособления своей промышленности к военным задачам. Но результаты государственного регулирования промышленности, торговли, сельского хозяйства, снабжения, народного продовольствия и сращивания в этих целях финансово-монополистической олигархии с государственным аппаратом в России были еще менее успешны, так как во время мировой войны весь государственный аппарат России представлял картину полного развала»²⁹⁸. Иными словами, тезис о «кризисе системы», характерный для первой книги, автор заменил на тезис о «полном развале» государственного аппарата.

Тезис об исторической необходимости Октября в новой книге звучал более сильно, чем в книге конца 1920-х гг., но опирался на прежнее положение о том, что особенности развития российского капитализма, обремененного феодальными пережитками и внешней зависимостью, поставили страну в условиях войны на порог не только буржуазной, но и более радикальной социалистической революции. Таким образом, читателю вновь предлагалась версия об Октябре как следствии незрелости национально особенного российского капитализма, близкая к версиям Рожкова и Покровского.

²⁹⁶ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1... С. 575.

²⁹⁷ Там же. С. 573.

²⁹⁸ Там же. С. 629.

В последние предвоенные годы проблемы развития монополистического капитализма в России активно разрабатывались группой выпускников Института красной профессуры под руководством профессора Московского университета А. Ф. Кона, сына революционера Феликса Кона. Они подготовили ряд диссертаций по истории монополизации угольной и металлургической промышленности на юге Украины. Война прервала эту работу, а гибель профессора А. Ф. Кона на фронте привела к тому, что главной фигурой в организации работы по этой теме стал вернувшийся с фронта А. Л. Сидоров.

В феврале 1943 г. **Сидоров** защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук по теме «Экономика России в период Первой мировой войны 1914–1917 гг.». Основные результаты своих исследований историк опубликовал в серии статей, в которых доказывал неспособность царского правительства и российской буржуазии обеспечить армию необходимым вооружением, наладить работу промышленности в интересах фронта. Свою статью «К вопросу о строительстве казенных заводов в России в годы Первой мировой войны» он начал положением о том, что «Первая мировая война в *гигантской* степени увеличила финансовую, экономическую и политическую зависимость царской России от ее империалистических союзников»²⁹⁹. Попыткой преодолеть зависимость стала программа строительства 37 казенных военных заводов, утвержденная Особым совещанием по обороне. Автор проанализировал программу и показал неспособность правительства реализовать ее в короткие сроки. Таким образом автор представил новый аргумент для тезиса об исторической необходимости Октября, проводя очевидные параллели с тем, как была решена эта задача в СССР накануне и годы Второй мировой войны. В статьях Сидорова было заметно желание автора показать более высокий уровень развития государственно-монополистического капитализма в военной экономике России, чем следовало из оценок, данных в «Кратком курсе». Тем самым Сидоров фактически сохранял верность взглядам, сформировавшимся в 1920-е гг.

Тот же вывод можно сделать и в отношении **И. Ф. Гиндина**, который в 1920-е гг. вместе с Сидоровым критиковал Н. Н. Ванага за преувеличение роли иностранного капитала, полагая, что это ведет к недооценке уровня зрелости России для социализма. В 1948 г. Гиндин издал книгу «Русские коммерческие банки», в которой показал развитие частного банковского капита-

²⁹⁹ Сидоров А. Л. К вопросу о строительстве казенных заводов в России в годы первой мировой войны // Исторические записки». Т. 54. С. 156.

ла. При этом он исходил из идеи о том, что отсталая Россия в своем экономическом развитии в целом повторяла путь более развитых капиталистических стран, а также привел те известные ленинские высказывания, которые содержали вывод о наличии в России материальных предпосылок для социалистической революции³⁰⁰. Как и авторы «Краткого курса», Гиндин не понимал тезис о России как «полукolonии» буквально и не ставил ее на уровень таких стран как Китай и Персия, подчеркивая статус России как военной державы. В качестве аргумента он вслед за Сидоровым обратился к «Тетрадам по империализму» и сослался на ту классификацию, которую Ленин набросал как черновик. По этой классификации Россия наряду с Францией и Японией была названа в числе «первоклассных», но «не вполне самостоятельных» государств в плане проведения внешней политики. Отмечая зависимость русских банков от иностранных, автор подчеркивал, что она «была существенно иной, чем зависимость колониальных дочерних банков»³⁰¹.

В 1947 г. **А. П. Погребинский** защитил докторскую диссертацию по проблемам мобилизации промышленности царской России в годы Первой мировой войны, уделив внимание работе Особого совещания по обороне, которое координировало эту работу. Основные результаты исследования историк опубликовал в статье «Мобилизация промышленности царской России в Первую мировую войну 1914–1917 годов». Автор защищал два основных вывода: 1) «Образовавшийся в России ещё в начале XX в. финансовый капитал в годы войны вырос и укрепил свои позиции»; 2) война выявила «экономическую слабость царской России, неприспособленность капиталистического хозяйства к быстрой перестройке на военный лад и несостоятельность промышленной мобилизации»³⁰². Выводы были подтверждены конкретным материалом, который показывает неспособность правительства остановить нараставший топливный, металлический и транспортный кризисы, неспособность частной промышленности наладить производство винтовок и пулеметов, которые приходилось закупать у союзников, и т. п. Автор подчеркивал спекулятивный рост цен и прибыли. В 1916 г. металлургические предприятия получали 50 % чистой прибыли к затраченному капиталу, а металлообраба-

³⁰⁰ Гиндин И. Ф. «Русские коммерческие банки». М. 1948. С. 230–231.

³⁰¹ Там же. С. 378–380.

³⁰² Погребинский А. П. Мобилизация промышленности царской России в первую мировую войну 1914–1917 годов // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 69, 70.

тывающие заводы – 81 %.³⁰³ В 1954 г. А. П. Погребинский опубликовал первую в советской историографии книгу по истории финансов России XIX–начала XX вв., в которой преувеличивал роль и влияние финансового капитала на политику правительства, говоря, что «магнаты капитала» подчинили себе «аппарат государственной власти»³⁰⁴.

Таким образом, историки в своих работах того времени вполне традиционно показывали, с одной стороны, процесс становления материальных предпосылок для социалистической революции в России, а с другой – неспособность ни царского, ни сменившего его Временного правительства буржуазии решить сложные проблемы, стоявшие перед экономикой страны в годы мировой войны. В целом в эти годы шло активное накопление конкретного материала по проблемам становления российского монополистического капитализма и развития государственно-монополистических тенденций, но концептуально Сидоров и его коллеги открыто не оспаривали точку зрения и основные положения концепции П. И. Лященко, который в 1948 г. издал новую, расширенную версию «Истории народного хозяйства СССР».

Петр Лященко был самым авторитетным историком эпохи империализма того времени. Он выразил свои взгляды во втором томе своего нового двухтомного труда «История народного хозяйства СССР», который был посвящен периоду капитализма и стал самым крупным обобщающим трудом по этой теме, опубликованным в первое послевоенное десятилетие. В 1949 г. автор получил сталинскую премию за эту работу, что придавало ей особый авторитет и статус в послевоенной советской историографии. В 1950 и 1952 гг. двухтомник был переиздан без серьезных изменений. В 1956 г. вышло четвертое посмертное издание, которое включало в себя и третий том, посвященный экономической истории социализма. В предисловии к трехтомнику академик С. Г. Струмилин отметил, что работа Лященко несвободна от «частных промахов и пробелов», но выразил уверенность, что этот труд «весьма надолго ... останется важнейшим из наличных на данную тему»³⁰⁵.

Изложение истории России в эпоху капитализма автор начинает тезисом о том, что смена одного социально-экономического строя другим совсем не обяза-

³⁰³ Погребинский А. П. Мобилизация промышленности царской России в первую мировую войну 1914–1917 годов... С. 58–60, 65.

³⁰⁴ Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). Госфиниздат. М. 1954.

³⁰⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР... Том 1. С. 3.

тельно происходит в результате революции «снизу». Эта смена может произойти и путем реформ «сверху». Именно так произошло утверждение «капиталистического уклада» в России: «Особенностью ... смены феодально-крепостнического строя новым строем буржуазно-капиталистических отношений в России явилось то обстоятельство, что, тогда как на Западе разложившийся “старый порядок” был низвергнут *буржуазной революцией*, в России этот порядок был сменён формально путём *буржуазной реформы*». Лященко имел в виду буржуазные реформы Александра II. По мнению историка, это обстоятельство имело «решающее значение» для развития капитализма в России, «обусловив длительный и тяжёлый путь ликвидации крепостнических порядков и замены их капиталистическими отношениями»³⁰⁶. Остатки феодализма не были преодолены в XIX в. и сохранились в начале XX в., что породило специфику в развитии и характере российского монополистического капитализма. Последний Лященко определял, используя ленинское понятие «военно-феодальный империализм» и уделив ему гораздо большее внимание, чем прежде. В 1930-е гг. историка сдерживало то обстоятельство, что о принципиальной важности данного понятия в 1934 г. писал Н. Н. Ванаг, расстрелянный в 1937 г. как «враг народа», а в «Кратком курсе» этот термин Сталиным не использовался.

Напомним, что Ленин употребил это понятие дважды. Первый раз в примечании в статье «Крах II Интернационала» (лето 1915)³⁰⁷, второй раз в статье «О двух линиях в революции» (осень 1915), где говорил о «необходимости освобождения буржуазной России от военно-феодального “империализма” (= царизма)»³⁰⁸. Ленин ясно показывал «надстроечный» характер понятия как характеристики царизма и его внешней политики.

Лященко привел трактовку, данную Лениным, и не оспаривал ее: «Ленин отождествляет военно-феодальный империализм России с царизмом, ставя между ними знак равенства»³⁰⁹. В то же время Лященко, как в свое время и Н. Н. Ванаг, был склонен к расширительному толкованию термина. Ссылаясь на различные определения, данные Лениным особенностям рос-

³⁰⁶ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР... Т. 2. С. 5–6.

³⁰⁷ Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 234.

³⁰⁸ Ленин В. И. О двух линиях в революции // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 81. У Ленина есть еще ряд определений, близких по смыслу, но терминологически отличных: 1) «империализм военно-абсолютистски-феодальный» (Т. 27. С. 90); 2) «в России преобладает военный и феодальный империализм» (Т. 26. С. 318) и др.

³⁰⁹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том 2... С. 220.

сийской экономики, и приводя, в частности, известные слова, что в России «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня» сочетались с «самым передовым промышленным и финансовым капитализмом», Лященко писал, что «во всех этих определениях Ленина даётся чёткая характеристика особенностей и классовой структуры русского империализма *не как “классического”*, капиталистического империализма новейшего типа, а как *“военно-феодального империализма”*»³¹⁰. Указание на «классовую структуру» русского империализма говорит о том, что автор вел речь не только о надстройке. Лященко не раз трактовал понятие «военно-феодальный империализм» как характеристику базиса и как характеристику базиса и надстройки в целом: «Империализм в России носил ярко выраженные черты «военно-феодального империализма» с его *политической системой царизма*, с его социальной опорой в феодально-крепостническом помещичье-землевладельческом классе, с карикатурой на “народное представительство”»³¹¹.

Характеристика российского капитализма как «военно-феодального империализма» позволяла Лященко говорить о переплетении и особо остром характере социально-экономических и политических противоречий, сложившихся в царской России: «Переплетение в царской России элементов развитого империализма с остатками крепостничества, военно-феодальный характер империализма *особенно обостряли его противоречия*»³¹². Этот тезис, как в свое время у Н. Н. Ванага, был главным в трактовке предпосылок и причин Русской революции, предлагаемой Лященко. Позицию этого историка можно выразить такой формулой: *Русская революция – продукт военно-феодального империализма, который есть переплетение элементов монополистического капитализма с остатками крепостничества*.

Автор воспроизвел свой старый тезис о «полукOLONиальной» зависимости России от европейских держав, которые «эксплуатировали Россию *как полукOLONию* для получения от неё дешёвого сырья и для прибыльного вложения капитала»³¹³. Таким образом, он, как и в книге 1927 г., четко определил смысл, который вкладывал в термин «полукOLONия». Вот еще характерная оценка, близкая к оценкам первой книги: «система русского империализ-

³¹⁰ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР... Том 2. С. 221.

³¹¹ Там же. С. 413.

³¹² Там же. С. 221.

³¹³ Там же. С. 224.

ма не была вполне самостоятельной национальной системой того “классического” типа империализма, который представляли собой передовые капиталистические страны Запада»³¹⁴. Иными словами, Россия была империалистической страной, но не «классического» типа и не вполне самостоятельной. Против такой трактовки трудно возразить, даже если термин «полуколония» представляется излишне жестким. Речь идет именно о термине, а не о смысле, так как Лященко, говоря о финансовой зависимости от западного капитала, как и прежде рассматривал Россию как одну из великих держав, которая проводила свою империалистическую политику, имела свои колонии и вела «борьбу за источники сырья, за территориальный раздел мира». Вот что он писал по этому поводу: «В разделе мира международными монополистическими союзами капиталистов российский империалистический капитализм принимал участие, но также как зависимый и подчинённый сочлен»³¹⁵.

Автор подчеркивал тенденцию усиления зависимости России в годы мировой войны и особенно после Февральской революции и делал вывод: «зависимость русского капитализма от финансового капитала западноевропейских держав привели русскую буржуазию во время военного кризиса к *полной* финансовой, технической и военной *подчинённости* иностранному капиталу»³¹⁶. Таким образом, Лященко шел даже дальше, чем авторы «Краткого курса», говоря о «полной подчиненности» России иностранному капиталу в годы войны. Однако Лященко не выводил Россию из числа «великих держав», что делало понятие «полная подчиненность» условным.

Автора, как и всех советских историков, интересовали предпосылки и причины не столько буржуазно-демократической, сколько пролетарской революции. Историк их умело показывал, делая акцент на слабость, незрелость и контрреволюционность русской буржуазии в силу ее *двойной зависимости*: «Двойная зависимость русского промышленного и финансового капитала — от всевластия царизма и помещико-землевладельческого класса, с одной стороны, и от иностранного капитала, с другой, — делала русскую промышленно-финансовую буржуазию политически незрелой, “дряблой”, контрреволюционной». В то же время он говорил об особом революционном потенциале российского пролетариата: «монополистический капитализм небывалой кон-

³¹⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР... Том 2. С. 413.

³¹⁵ Там же. С. 221, 224.

³¹⁶ Там же. С. 687.

центрацией промышленности быстро увеличивал кадры пролетариата. Революционная партия большевиков организовала его и выковала его революционное классовое сознание, готовила его союз с крестьянством для борьбы с царизмом и с военно-феодальным империализмом»³¹⁷.

На основе такого анализа автор объяснял причины революции 1917 г. и ее октябрьского итога. В полном согласии с положениями «Краткого курса», Лященко говорил о России как «узловом пункте» противоречий мирового империализма и его «слабом звене», особо подчеркивая возможность и способность партии большевиков объединить в «общий революционный поток» различные революционные движения³¹⁸. Лященко более масштабно, чем авторы «Краткого курса», ставил и раскрывал проблему исторической необходимости Октября как революции, которая разбудила творческие силы народа: «Чтобы дать возможность, – писал Лященко, – свободного и творческого развития неисчерпаемым потенциальным производительным силам и ресурсам народного хозяйства и сохранить национальную независимость государства, необходимо было *разбудить все творческие силы народа* в пролетарской революции»³¹⁹. Напомним, что этот тезис в начале 1920-х гг. формулировал и Н. А. Рожков.

После смерти Сталина концепция Лященко была подвергнута критике за тезис о «полукolonии» и за трактовку предвоенного российского капитализма как «военно-феодального империализма».

Период 1930-х гг. – начала 1950-х гг. резко отличался от 1920-х гг. с точки зрения свободы ведения научного исследования. 1930-е гг. стали временем репрессий, направленных против историков, не разделявших точку зрения Сталина. В научных работах роль важнейших аргументов играли ссылки на высказывания Ленина и Сталина, а не анализ конкретного материала. Факты должны были подтверждать верность высказываний, сделанных вождями, а не наоборот. В историографии Русской революции утвердилась надуманная концепция «двух вождей» – Ленина и Сталина, которые сыграли главную роль в подготовке и проведении Октябрьской революции. Как заве-

³¹⁷ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР... Том 2. С. 222. Отметим, что и в этой фразе «царизм» и «военно-феодальный империализм» выступают как два разных феномена: как настройка и базис.

³¹⁸ Там же. С. 686–688.

³¹⁹ Там же. С. 413.

домые враги народа были оценены эсеры и меньшевики, а затем и все оппоненты Ленина и Сталина в рядах большевистской партии.

Тем не менее процесс изучения истории Русской революции продолжался. Как и в 1920-е гг. внимание уделялось выявлению предпосылок, объяснению причин и обоснованию необходимости Октябрьской революции. Сталин открыто ставил перед историками задачи, которые они должны были решать в ходе исследований. Важнейшими стали задачи обоснования роли Октября в спасении России от «*полуколониальной зависимости*» и освобождения народов Российской империи от «*национального гнета*». Тезис о России как «полуколонии» нашел свое отражение в двух важнейших работах, отредактированных Сталиным – первом томе «История гражданской войны в СССР» (1935) и «История ВКП (б). Краткий курс» (1938). Термин «полуколония» нельзя признать точным и удачным, поскольку он был производным от термина «колония», который в буквальном смысле не подходил для оценки роли России в мире: несмотря на свою отсталость, Россия все еще оставалась одной из великих военных держав. Однако в обеих книгах этот термин был поставлен в контекст, который исключал буквальное понимание этого тезиса, поскольку Россия как раз и признавалась одной из великих держав, которая участвовала в разделе мира наряду с другими державами.

В трактовке вопроса о причинах Октября утвердилась ленинская концепция сближения и переплетения задач демократической и социалистической революций и необходимости свержения власти буржуазии для решения ключевых вопросов революционного 1917 г.: прекращение чуждой интересам народа войны, решение аграрного вопроса в пользу крестьян, осуществление радикальных мер по государственному регулированию экономики для выхода из системного кризиса, созданного мировой войной. Важную роль в становлении этой концепции сыграла статья Н. Н. Ванага «Ленин о военно-феодалном империализме царской России». Автор использовал известную ленинскую формулу «военно-феодалный империализм», расширив ее значение: как характеристику не только надстройки (=царизм), как ее понимал Ленин, но и общества в целом, т. е. базиса и надстройки вместе взятых. По мнению Ванага, термин хорошо отражал особенности российского общества, в котором формы новейшего капитализма переплетались с феодальными пережитками. Однако на деле термин не был удачным, поскольку по смыслу слов акцент делался на феодальные пережитки, тогда как базис российского общества был в целом капиталистическим. Более того, по мнению самого

Ванага, перед мировой войной было «вполне уместно говорить о *системе* финансового капитала (по терминологии тов. Ленина – системе монополистического капитализма), как *господствующей* в русской капиталистической системе хозяйства»³²⁰. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что термин «военно-феодальный империализм» превращал Русскую революцию в *национально-особенный феномен* и ставил под вопрос международное значение ее опыта. Сталин учел эти недостатки и в «Кратком курсе» не использовал понятия «военно-феодальный империализм» даже для характеристики царизма. Сталин оценил Россию как «звено» и «узловой пункт противоречий» мировой системы империализма. Такой подход подчеркивал международное значение Октября как революции, обусловленной общемировыми процессами. П. И. Лященко совместил подход Ванага и позицию Сталина, создав сбалансированную трактовку причин Октябрьской революции.

В трактовке вопроса о степени зрелости материальных предпосылок для социалистической революции в России продолжали сосуществовать две тенденции, которые наметились в 1920-е годы. Ряд историков делали акцент на существовании и даже доминировании монополистического капитализма в предвоенной России. Одним из представителей этого направления был А. Л. Сидоров, который утверждал, что уже в годы Русско-японской войны в России существовал «*настоящий империализм и финансовый капитал*». Тезис о ведущей роли монополистского капитализма в предвоенной России был и в первом томе «Истории гражданской войны в СССР». Однако в «Кратком курсе» этого тезиса не было. Не было и знаменитой ленинской оценки, данной в сентябре 1917 г. Сталин занял более аккуратную позицию в этом вопросе в духе позиции Рожкова и Покровского. В «Кратком курсе» речь шла об идущем процессе *становления* монополистического капитализма без вывода о его доминирующем положении. Таким способом Сталин обеспечивал свое понимание проблемы зрелости предпосылок для социалистической революции в России: был только тот минимум, который позволял осуществлять ленинскую стратегию переходных шагов к социализму. Тенденции, сложившиеся в 1930-е годы, доминировали и в 1940-е, и в начале 1950-х. Концепция «Краткого курса» доминировала до самой смерти Сталина. Тем не менее она давала историкам достаточный простор для разработки целого ряда конкретных проблем в вопросе о причинах Октября. Эта работа не прекращалась.

³²⁰ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. 3-е изд., перераб. М.: Пролетарий, 1930. С. 227.

Глава 3. ХРУЩЕВСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: «ШКОЛА СИДОРОВА»

После XX съезда КПСС в советской историографии начался период преодоления установок «Краткого курса», что сказалось и на трактовке социально-экономических предпосылок и причин Октябрьской революции.

Лидером в этом процессе стал А. Л. Сидоров, который в 1950-е гг. занимал пост директора Института истории АН СССР и возглавлял школу советских историков, занимавшихся историей российского империализма. Во второй половине 1950-х гг. фактически сложилась «школа Сидорова», в которую входили такие известные историки как В. И. Бовыкин, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский и др. Они много сделали для изучения промышленного и банковского секторов российской экономики в период империализма, процессов становления государственно-монополистического капитализма (ГМК) в годы Первой мировой войны. При этом Сидоров и его ученики руководствовались положениями, высказанными В. И. Лениным в сентябре 1917 г. в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», не учитывая его другие работы и важнейшие резолюции, принятые партией большевиков при обосновании курса на взятие власти. В результате во второй половине 1950-х гг. доминирующими в «школе Сидорова» стал тезис о том, что к октябрю 1917 г. «Россия экономически созрела для социализма».

Такая позиция была реакцией как на старые споры большевиков с меньшевиками, а затем и внутри партии с троцкистами, так и на новые книги западных историков, большинство которых отрицали существование материальных предпосылок для социалистической революции в России. В ответ на упрощенный тезис, будто Октябрьская революция представляла собой волюнтаристский акт, звучал упрощенный тезис о том, что Россия экономически созрела для социализма. Этот тезис был отходом от той более точной позиции, которую Ленин обосновал в апреле 1917 г. и подтвердил весной 1918 г. при разработке экономической программы пролетарской революции. Ленин считал, что в России существовал лишь *минимум* экономических предпосылок для осуществления *переходных шагов* к социализму.

Важной задачей «школы Сидорова» стала критика тезиса о России как «полукolonии», сформулированного в «Истории ВКП (б). Краткий курс». По мнению Сидорова, тезис преуменьшал степень зрелости российского капитализма и преувеличивал степень его национальной специфики. По тем же мо-

тивам велась критика тех историков, кто трактовал термин «военно-феодалный империализм» как характеристику не только «надстройки», но и «базиса» российского общества.

Сидоров и ученики продолжили традицию, сложившуюся в 1930-е гг., когда главным аргументом у историков стала ссылка на авторитет Ленина и Сталина, однако теперь задача состояла в том, чтобы при помощи авторитета Ленина разбить позицию Сталина. Нередко это занятие вырождалось в «войну цитат», которая приносила мало пользы, поскольку в произведениях Ленина и Сталина было много неоднозначных оценок, а также оценок, которые имели откровенно публицистический и пропагандистский характер. Однако наряду с «цитатными баталиями» шла и большая работа по изучению конкретно-исторического материала. Результаты, достигнутые «школой Сидорова», оказались противоречивыми, что привело к возникновению в конце 1960-х гг. так называемого «нового направления», расколу и борьбе среди учеников Сидорова, представленных, условно говоря, сторонниками П. В. Волобуева и В. И. Бовыкина.

Не сразу, но довольно быстро главным объектом критики для «школы Сидорова» стали работы П. И. Лященко.

Михаил Гефтер (1918–1995). Одним из первых против характеристики России начала XX века как «военно-феодалного империализма» выступил М. Я. Гефтер. Перед войной он успел закончить истфак МГУ, ушел добровольцем на фронт, после войны закончил аспирантуру в Институте истории АН СССР и остался там работать. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Царизм и монополии в топливной промышленности России накануне Первой мировой войны».

Еще при жизни П. И. Лященко Гефтер написал смелую статью, которая не просто отвергала точку зрения весьма авторитетного ученого, а фактически указывала на его крупную ошибку в важнейшем вопросе. Статья называлась «Экономические предпосылки первой русской революции» и была опубликована в трудах Института истории АН СССР явно с ведома и согласия А. Л. Сидорова. Молодой ученый написал, что понятие «военно-феодалный империализм», применяемое для характеристики монополистического капитализма в России, «представляется нам неточным прежде всего в экономическом отношении, ибо оно *затушевывает коренное противоречие* всей дореволюционной экономики – между достигшим высокой ступени развития промышленным и финансовым капиталом и средневековым крепост-

ническим землевладением», и в результате «не получает должного освещения вопрос об объективной необходимости слома царизма в буржуазно-демократической революции и перегруппировки классовых сил для перехода к социалистической революции»³²¹.

Неизвестно, были ли какие-либо критические замечания в ответ на эту статью, но на тот момент она явно не выражала превалирующего отношения исторического сообщества к позиции Лященко, поскольку многие историки продолжали ей следовать. Сошлемся на другого ученика А. С. Сидорова – П. В. Волобуева, который через год опубликовал брошюру «Монополистический капитализм в России и его особенности», где говорилось: «Как политическая надстройка царизм отражал своеобразие *российского империализма как империализма военно-феодального типа*. Более того, он выступал носителем и воплощением военно-феодальных черт *российского империализма*»³²². Весьма авторитетный в послевоенные годы историк П. А. Хромов долгое время безоговорочно разделял позицию Лященко в этом вопросе, выразив ее в книге, опубликованной в 1960 г.³²³.

Однако вернемся к сути того упрека, который Гефтер бросил в адрес Лященко. Можно ли его принять? Пожалуй нет, поскольку и Ванаг и Лященко использовали термин «военно-феодальный империализм» именно для того, чтобы при его помощи описать особую остроту всего комплекса противоречий новейше-капиталистического и полуфеодального характера, которые переплетались в России, порождая и сближая два этапа Русской революции. Лященко это показывал более чем ясно, подчеркивая, что вся его позиция основана на известных словах Ленина, что в России «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня» сочетались с «самым передовым промышленным и финансовым капитализмом». Именно это конфликтное сочетание порождала особую остроту социально-экономических и политических противоречий, сложившихся в царской России: «Переплетение в царской России элементов развитого империализма с остатками крепостничества, военно-феодальный характер империализма *особенно обостряли его противоречия*» – писал Лященко³²⁴.

³²¹ Гефтер М. Я. Экономические предпосылки первой русской революции // Докл. и сообщ. Ин-та истории. 1955. Вып. 6. С. 24.

³²² Волобуев П. В. Монополистический капитализм в России и его особенности. М.: Знание, 1956. С. 35.

³²³ Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М.: Изд-во ВППШ и АОН, 1960. С. 3–4.

³²⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР... Том 2. С. 221.

Трудно объяснить, почему Гефтер решил трактовать эту позицию как попытку *затушевать коренное противоречие* всей дореволюционной экономики. Возникает и другой вопрос: почему Сидоров не поправил своего ученика? Видимо Сидоров посчитал возможным пропустить и такой вариант критики Лященко, поскольку для него Лященко был носителем концепции, которая подчеркивала особый характер российского империализма, а Сидоров стремился подчеркнуть схожесть, однотипность последнего с империализмом развитых капиталистических стран. Не разделял Сидоров и тезиса о России как «полукolonии», автором которого был Лященко.

Берта Граве (1901–1979). Одной из первых против тезиса о России как полукolonии открыто выступила Б. Б. Граве в статье «Была ли царская Россия полукolonией?», опубликованной в 1956 г. Граве была женой историка С. М. Дубровского, вместе с ним отбывала ссылку в Енисейске, после смерти Сталина работала в Институте истории АН СССР. В 1926 г. она издала книгу «К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия», в которой на широкой документальной базе обосновала тезисы об увеличении оппозиционности буржуазии по отношению к царизму и росте революционного потенциала пролетариата накануне Февральской революции³²⁵.

В статье 1956 г. Граве прямо критиковала И. В. Сталина как главного автора тезиса о России как «резерве» и «полукolonии» западных держав, а также критиковала тех историков, которые подчеркивали зависимость России от иностранного капитала, а следовательно, по ее мнению, разделяли тезис о «полукolonии». Граве первой и наиболее радикально изложила основные положения, которые будут защищать Сидоров и его ученики, и привела аргументы, которые будут ими использоваться. Все это и определило наш интерес к ее статье.

Автор усматривала в тезисе о «полукolonии» источник двух главных пороков, которые, по ее мнению, были присущи историографии сталинского периода. Первый и наиболее общий порок состоял в принижении уровня развития царской России, а следовательно, и степени зрелости экономических, социальных и политических предпосылок для социалистической революции. Второй, более частный порок, состоял в принижении роли царской России на мировой арене. По мнению Граве, это «выразилось, в частности, в попытках

³²⁵ Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.–февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М., Л.: Госиздат. 1926.

затушевывать самостоятельные империалистические цели России и ее роль в войне, представить ее *только* как *резерв* и *полуколонию* западноевропейских империалистических государств»³²⁶.

Сразу отметим, что второе положение Граве было явно слабым. Это показывал уже тот факт, что она не смогла привести ни одной работы советских историков, где бы содержалась именно такая оценка роли России в мировой войне. Действительно, после выхода в свет «Краткого курса» многие историки использовали термин «полуколония» для характеристики царской России, но никто не отрицал существование у царского правительства *самостоятельных* империалистических целей и не рассматривал Российскую империю *только* как резерв и полуколонию ведущих стран Антанты в прямом смысле слова. Не поступали так уже потому, что и авторы «Краткого курса» не занимали столь примитивной позиции. Они оценивали Россию как одну из великих держав, хотя и зависимую от союзников по Антанте. Граве должна была помнить и о том, что в первом томе «Истории гражданской войны в России», который редактировал Сталин, тезис о «полуколонии» прямо сопровождался тезисом о существовании у России самостоятельных целей в мировой войне: «Участие в войне, – писали авторы, – *целиком отвечало интересам* господствующих классов царской России»³²⁷. Тем не менее, Граве всю статью посветила обоснованию своего тезиса.

Одним из первых аргументов стала ссылка на позицию международного М. П. Павловича, который в своей, по признанию Граве «ярко написанной *агитационной* брошюре “Советская Россия и капиталистическая Франция”» говорил, что франко-русский союз «превратил Россию в *полуколонию* французских шейлоков, а русскую армию, со всем ее пышным генералитетом в нечто подобное чернокожим французским войскам, которые также должны были погибать во славу французского капитала»³²⁸.

Можно ли принять этот аргумент? По нашему мнению, нет, хотя бы потому, что Павлович не утверждал, что Россия не преследовала при этом самостоятельных целей в мировой войне. Помимо агитационных брошюр, Павлович писал серьезные научные работы и был наиболее известен своей книгой, в которой показывал роль России как одной из «первоклассных» мировых держав, вступившей в начале XX в. в борьбу с Англией и Германией за мировые железнодорожные и морские пути на Ближнем и Среднем Восто-

³²⁶ Граве Б. Б. Была ли царская Россия полуколонией? // Вопросы истории. 1956. № 6. С. 63.

³²⁷ Там же. С. 13.

³²⁸ Павлович М. Советская Россия и капиталистическая Франция. М. 1922. С. 21.

ке³²⁹. Иными словами, процитированная фраза из агитационной брошюры должна была рассматриваться как фраза из агитационной брошюры, а не как историографическая позиция Павловича. Отметим в скобках, что свои агитационные гиперболы он часто черпал из авторитетного источника – из работ Ленина. Не исключено, что и в этот раз источником послужила статья «Европейская война и международный социализм», в которой Ленин писал, что «французская буржуазия десятки и десятки лет нанимала за миллиарды черносотенные банды русского царизма»³³⁰. Понятно, что эти слова Ленина носили очевидный публицистический характер.

Еще одним аргументом стала ссылка на работы историков С. Л. Ронина и Л. Н. Крицмана, которые в 1920-е гг., т. е. задолго до появления «Краткого курса», отрицали существование в России *самостоятельной национальной системы* финансового капитала. По мнению Граве, «из утверждений о том, что Россия не имела своего финансового капитала, что русская банковско-финансовая система была лишь придатком, филиалом западноевропейской, следовало, что Россия не имела в войне самостоятельных империалистических целей, что она была втянута в войну союзниками»³³¹.

Однако Ронин и Крицман не рассматривали вопросы внешней политики и не делали таких выводов. Это не смутило Граве. Она заявила, что к точке зрения Ронина и Крицмана в своих последних статьях присоединился и М. Н. Покровский, который «в полном противоречии со своими предыдущими работами ... стал доказывать, что русский империализм играл “второстепенную или даже третьестепенную роль в развязывании войны”, что царская Россия находилась в вассальной зависимости от западноевропейского капитализма, который, по словам М. Н. Покровского, командовал империалистической Россией...»³³². Граве ссылаясь главным образом на статью Покровского «Русские документы империалистической войны» (1930), в которой Покровский действительно писал о вторичной роли России в *развязывании* мировой войны, но контекст был иным. «Империалистская война, – писал Покровский, – не была исключительно или даже главным образом русским делом. Русский империализм был на *мировом театре второстепенным* или

³²⁹ Павлович М. П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. (Репринт 3-го издания 1922 г.) Пушкино, 2004. С. 9.

³³⁰ Ленин В. И. Европейская война и международный социализм // Полн. собр. соч. Т.26. С. 8.

³³¹ Граве Б. Б. Была ли царская Россия полуколонией? ... С. 67.

³³² Там же. С. 67.

даже третьестепенным, а европейскую войну... мог развязать только империалистский конфликт первого порядка»³³³. Покровский опирался на недавно опубликованные дипломатические документы, которые показали глубину противоречий между Англией и Германией. И историк был прав, полагая, что именно эти противоречия вызвали *глобальный* конфликт, в котором Россию использовали другие великие державы. Эту точку зрения разделял и Ленин: «Война вызвана столкновением двух могущественнейших групп миллиардеров, англо-французской и немецкой, за передел мира»³³⁴. Покровский приводил эту цитату Ленина в своих работах, а Граве ее не упомянула. Она сделала акцент на другой ленинской оценке, которая как будто подтверждала ее позицию: «Война, – писал Ленин, – порождена империалистскими отношениями между великими державами... причем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое – между Англией и Германией. Второе – между Германией и *Россией*. Эти *три великие державы*, эти три великих разбойника на большой дороге являются *главными величинами* в настоящей войне, остальные – несамостоятельные союзники»³³⁵. Эта цитата, трактуемая с акцентом на слова «главные величины» среди которых называлась и Россия, как будто противоречила ленинской цитате, приведенной Покровским. Хотя и в ней конфликт между Россией и Германией был поставлен на второе место после англо-германского. Понятно, что «игра в цитаты», по необходимости ставшая обязательной для историков в 1930-е гг., была не лучшим способом обоснования позиции. Однако дело было даже не в том, какая из двух цитат точнее выражала позицию Ленина. Дело было в том, что Покровский, говоря о второстепенной роли России *в развязывании мирового конфликта, о ее зависимости от союзников*, в той же статье совершенно ясно подчеркивал, что Россия за свое участие в мировой войне *требовала* большую цену. Речь шла о черноморских проливах и Константинополе. Вот что писал по этому поводу Покровский: «Проливы должны были быть завоеваны, и ни на какие компромиссы в этом случае Россия Николая II не шла»³³⁶. Уже одной этой фразы было достаточно, чтобы не обвинять Покровского в отрицании существования у России самостоятельных целей в мировой войне. Фраза не была случайной.

³³³ Покровский М. Н. Русские документы империалистической войны // Империалистская война. М.: Гос. соц.-эконом. издат-во, 1934. С. 366.

³³⁴ Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 50.

³³⁵ Ленин В. И. О сепаратном мире // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 185.

³³⁶ Покровский М. Н. Русские документы империалистической войны... С. 368.

Статья Покровского начиналась с тезиса о том, что «к войне привели захватнические вождедения всех империалистских правительств», т. е. и России. Далее говорилось, что вновь публикуемые русские документы дают «наиболее богатый материал для разоблачения захватнической политики российского империализма, военно-феодального в своей сущности, но уже начавшего переходить в капиталистический»³³⁷. Эта позиция была для Покровского традиционной с середины 1920-х годов. Никакого ее пересмотра не было. Отметим и еще один момент: в своей статье историк уделил главное внимание анализу антибританской политики, которую Россия проводила в Персии, и тем самым раскрывал не просто самостоятельные цели внешней политики России, а непрерывное соперничество России со своим партнером по Антанте. Граве проигнорировала цель и основное содержание статьи Покровского.

Граве критиковала Покровского и ряд его учеников, чтобы создать необходимый фон для критики Сталина, который в 1924 г. стал автором тезиса о России как «резерве западного империализма»³³⁸, а в 1934–1938 гг. поддержал тезис о России как «полукolonии». Мы уже обращали внимание на необходимость учитывать тот контекст, в котором употреблялся термин «полукolonия». Граве этот контекст опустила. Она опустила и тот контекст, в котором Сталин говорил о царской России как о «резерве» западного империализма. Нельзя согласиться с утверждением Сталина, писала Граве, что «к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла роль вспомогательного резерва для главных держав Европы». Она упрекала Сталина в том, что понятие «резерв» не было «достаточно аргументировано и расшифровано и давало основание предполагать под понятием резерва если не колонию, то *полукolonию*, которая не вела самостоятельной империалистической политики». После этого Граве перечислила многочисленные самостоятельные внешнеполитические акции России, начиная со второй половины XIX в., и оценила их как свидетельства «самостоятельности и большой активности» России «в борьбе за передел мира»³³⁹. Однако этот аргумент также нельзя принять, поскольку Сталин говорил о *моменте перед мировой войной* и о роли России *в контексте* этой войны, вызванной прежде всего англо-германскими противоречиями. В мировой войне Россия *объективно* играла роль не просто вспомогательного резерва, а основного «пушечного

³³⁷ Там же. С. 360–361.

³³⁸ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1947. С. 75.

³³⁹ Граве Б. Б. Была ли царская Россия полукolonией? ... С. 69.

мяса» – силы, которая обслуживала интересы стран Антанты³⁴⁰. Признание этой объективной роли никак не вело к отрицанию существования у России своих интересов в данной войне. Сталин их не отрицал. В «Кратком курсе» об этом сказано ясно.

Чтобы усилить свою позицию, Граве выдвинула тезис, что «ленинская характеристика русского империализма, ленинский анализ его реакционной политики колониальных захватов, угнетения нерусских народов *несовместимы* с характеристикой России как “вспомогательного резерва” или “полуколонии”»³⁴¹. Однако у Ленина можно найти разные оценки, по-разному их трактовать и считать вполне совместимыми с тезисом о «полуколонии» в сталинской трактовке. Вот, например, что писал Ленин в статье «О праве наций на самоопределение» весной 1914 г., т. е. до начала мировой войны: «Не только маленькие государства, но и Россия например, *целиком зависят экономически* от мощи империалистского финансового капитала «богатых» буржуазных стран»³⁴². А вот, что он писал в марте 1917 г.: «Русский капитал есть отделение всемирной “фирмы”, ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название “Англия и Франция”»³⁴³. Напомним и процитированные ранее слова Ленина, что «французская буржуазия десятки и десятки лет нанимала за миллиарды черносотенные банды русского царизма». Эти фразы, при игнорировании их публицистического характера, позволяют с большим основанием упрекать не Сталина, а Ленина в том, что он отрицал самостоятельные внешнеполитические цели царской России, которая «целиком зависела» от мирового финансового капитала. Граве не привела эти малоизвестные ленинские цитаты, но была вынуждена упомянуть ту известную характеристику, которую Ленин давал Временному правительству, назвав его «*приказчиком* англо-французского капитала»³⁴⁴. Граве выступила против буквального понимания ленинских слов.

Но в таком случае логично признать и за Сталиным право трактовать термин «полуколония» как публицистический образ. Тем более, что термин

³⁴⁰ Россия вступила в войну с Германией, не закончив перевооружение армии, в условиях растущей социальной нестабильности, которую ярко показали баррикады в Петербурге в последние дни перед войной. Царь колебался, но накануне договоренности с Пуанкаре были достигнуты...

³⁴¹ Граве Б. Б. Была ли царская Россия полуколонией? ... С. 69.

³⁴² Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 261.

³⁴³ Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 21.

³⁴⁴ Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 52.

«полуколония» не имел строго научного определения и означал только некую зависимость одной страны от другой. Лященко и авторы «Краткого курса» ясно поясняли свою позицию так, что была очевидной разница между Россией и классическими полуколониями того времени. Разница заключалась в то, что «полуколониальная» Россия всегда рассматривалась как великая держава – участник борьбы за передел мира.

Интересно отметить, что Граве в своей статье вывела Лященко из круга критикуемых историков. Она привела из его книги как раз ту цитату, где Лященко предупреждал против примитивного толкования тезиса о России как полуколонии. Приведенная цитата гласит: «не следует преувеличивать зависимость русской банковской системы от иностранного капитала, рассматривая их деятельность как “исполнителей воли” иностранных банков. Хотя в руководящих акционерных банках до 42 % их акционерного капитала находились в руках иностранных акционеров, но все же от этого было далеко до такой же степени зависимости русских банков и всей русской банковской системы от иностранного капитала»³⁴⁵. Таким образом, у Граве получилось, что Лященко не был сторонником тезиса о России как «полуколонии», хотя на самом деле именно он использовал термин «полуколония» применительно к России. Мы можем только гадать, почему Граве не стала критиковать Лященко по этому вопросу. Возможно, потому что этот авторитетный историк умер незадолго до написания ее статьи, и критика в адрес Лященко могла вызвать негативную реакцию со стороны коллег.

Чем объяснить столь явную необъективность, проявленную Граве при критике тезиса о России как «полуколонии»? По нашему мнению, Граве, опубликовав такую статью, руководствовалась не столько научными, сколько политическими мотивами. Ей хотелось начать прямую критику Сталина, виновного в гибели многих историков, а также в тяжелой судьбе самой Граве и ее мужа. Термин «полуколония» показался ей подходящей мишенью, чтобы разрушить культ Сталина как непогрешимого интерпретатора истории Русской революции. Цель – благая, но выбор мишени был ошибочным. Авторов «Краткого курса» можно было критиковать за использование публицистического термина «полуколония», но нельзя было критиковать за трактовку проблемы зависимости России. В своей основе эта трактовка была верной и у Лященко, и у Сталина.

³⁴⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР... Т. 2. С. 365.

Статья Граве встретила неоднозначный прием у историков. Ее подверг критике И. В. Маевский. Опираясь на конкретные цифры, он показал *возрастающую зависимость* России от стран Антанты *накануне* и *в ходе мировой войны*, которая не позволяла говорить о ее полной самостоятельности в проведении внешней политики. Маевский не был сторонником термина «полуколония», но позиция Граве казалась ему явным упрощением ситуации³⁴⁶. Историк А. Е. Иоффе, специалист по международным отношениям, в принципе не согласился отказываться даже от термина «полуколония», поскольку он трактовал его в правильном контексте. Автор особо отметил, что «Б. Б. Граве не различает *довоенный и военный* периоды. Она не учитывает тех важнейших изменений, которые внесла война в отношения между Россией и ее союзниками, в международное положение царизма, а затем Временного правительства»³⁴⁷. Это не совсем справедливое замечание, так как в конце своей статьи Граве приводила данные, которые говорили о растущей зависимости царского и Временного правительств в период войны. И даже написала такую фразу: «Движимое страхом перед социалистической революцией, грозившей смести буржуазный строй, Временное правительство *готово было угодливо выполнять любые приказания* Антанты». Понятно, что готовность «*угодливо выполнять любые приказания* Антанты» говорила о *политической* зависимости России, но Граве упорно трактовала ее лишь как *финансово-экономическую*. Не замечая очевидных противоречий в своих оценках, она утверждала: «Несмотря на усиление в годы войны *финансово-экономической* зависимости России от союзников, Россия и в 1917 г. отнюдь не превратилась только в "резерв" или полуколонию союзников»³⁴⁸.

Завершая анализ статьи Граве, напомним, что вопрос о степени самостоятельности России в годы мировой войны был для нее связан с трактовкой более общего вопроса. Граве полагала, что тезис о «полукolonии» принижает степень зрелости материальных предпосылок для социалистической революции в России. Свою позицию по этому ключевому вопросу Граве изложила в самом конце статьи в одной, но очень емкой фразе: «Несмотря на остатки крепостничества, в России сложился *развитой монополистический капита-*

³⁴⁶ Маевский И. К вопросу о зависимости России в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 69–77.

³⁴⁷ Иоффе А. Е. Об усилении зависимости России от стран Антанты в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 100.

³⁴⁸ Граве Б. Б. Была ли царская Россия полуколонией? ... С. 74

лизм, превращение которого в *государственно-монополистический капитализм* было необычайно ускорено войной. К моменту Октябрьской революции в России *социализм созрел экономически, созрели и внутренние предпосылки социалистической революции*, вырос могущественный рабочий класс, руководимый боевой марксистской партией нового типа, имевший большой опыт политической борьбы. В России было налицо *все необходимое для построения полного социалистического общества*»³⁴⁹.

Это заключение говорит о том, что Граве предложила ту чрезмерно *оптимистическую* трактовку степени зрелости предпосылок и причин Октября, которая наметилась в работах А. Л. Сидорова и ряда других молодых историков в 1920-е гг. и была отодвинута на второй план более осторожной трактовкой, закрепленной Сталиным в «Кратком курсе». Там не было тезиса об *экономической зрелости* России для социализма, и в другом контексте стоял ленинский тезис о том, что в России было *«все необходимое для построения полного социалистического общества»*³⁵⁰. Тезис был взят из статьи «О кооперации», где Ленин раскрывал его с акцентом на наличие *политических* условий, необходимых для социалистического строительства в отсталой стране: «власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. – разве это не все ... необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»³⁵¹.

Как было показано в первой главе, позиция Сталина в этом вопросе соответствовала позиции Ленина, Рожкова и Покровского, а также программным документам большевиков. И теперь Граве, раскритиковав Сталина, фактически представила его противником Ленина в трактовке вопроса о степени зрелости России для социализма, приписав Ленину взгляд «в России *социализм созрел экономически*», который он на самом деле не разделял. В этом вопросе Граве следовала позиции, которую защищал А. Л. Сидоров еще в 1930-е гг., когда он избирательно цитировал и интерпретировал данные Лениным оценки степени зрелости капитализма в России. Тогда Сидоров критиковал Покровского, теперь объектом критики стал Сталин.

³⁴⁹ Граве Б. Б. Была ли царская Россия полуколонией? ... С. 74.

³⁵⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 260.

³⁵¹ Ленин В. И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

Аркадий Сидоров. В 1957 г. под руководством Сидорова был издан качественный двухтомный сборник документов и материалов об экономическом положении России накануне Великой Октябрьской социалистической революции³⁵². Кроме Сидорова в редакционную коллегия входили историки нового послевоенного поколения П. В. Волобуев, Л. С. Гапоненко, В. А. Емец, Л. Е. Шепелев, которые внести вклад в развитие советской историографии эпохи империализма.

В предисловии к сборнику редакторы³⁵³ во главе с Сидоровым изложили свой взгляд на причины и предпосылки Октябрьской революции, согласно которому В. И. Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» на основе глубокого научного анализа показал, что «Россия экономически созрела для социализма»³⁵⁴. Авторы привели известную ленинскую цитату: «Государственно-монополистический капитализм, есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»³⁵⁵. Эта оценка сути ГМК прямо проецировалась Сидоровым и его коллегами на ситуацию в России. В предисловии написано: «переход к государственно-монополистическому капитализму означал, что Россия, несмотря на свою экономическую отсталость, достигла *наивысшего* при капитализме уровня обобществления производства в решающих отраслях народного хозяйства»³⁵⁶. Таким образом, Сидоров и его команда поддерживали тезис Граве об экономической зрелости России для социализма, но сформулировали его более аккуратно, отметив «наивысший» уровень обобществления в «*решающих отраслях*» народного хозяйства. При этом они упустили из виду или не посчитали необходимым объяснить, почему в основе ленинской концепции социалистической революции России лежала стратегия «переходных шагов», т. е. тех самых «промежуточных ступеней», которых при буквальном проецировании ленинской оценки на Россию не должно было быть.

³⁵² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы: в 2 част. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

³⁵³ В последствии П. В. Волобуев говорил, что это он писал предисловие к сборнику документов, но, на наш взгляд, текст отражал прежде всего взгляды самого Сидорова. См.: Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С. 29.

³⁵⁴ Экономическое положение России... С. 21.

³⁵⁵ Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.

³⁵⁶ Экономическое положение России... С. 6–7.

Сборник содержал много документов, показывавших растущую зависимость России от партнеров по Антанте в годы войны, и авторы предисловия по этому поводу написали: «Ради сохранения своего экономического господства русская буржуазия накануне Октября готова была пойти на превращение России в *колонию* англо-франко-американского империализма. Антинациональная политика буржуазии и Временного правительства породила реальную опасность *окончательного* экономического и политического *закабаления* России западным империализмом и утраты государственного суверенитета и национальной *независимости*»³⁵⁷.

Фраза об опасности «*окончательного закабаления*» России в эпоху Временного правительства требовала признания той или иной степени «закабаления» *до* революции 1917 г., но Сидоров не рассматривал этот вопрос. Он не называл царскую Россию «полуколонией», но и не критиковал сталинский тезис. Сидоров должен был учитывать негативную реакцию на статью Граве, которая побудила редколлегию журнала «Вопросы истории» весной 1957 г. заявить, что статья Граве «не принесла пользы науке», поскольку в ней был «запутан вопрос об усилении зависимости царизма от иностранного империализма и об угрозе превращения царской России в полуколонию»³⁵⁸. Отметим, что в это время журнал «Вопросы истории» переживал тяжелые времена в связи с публикациями правильных, но слишком острых для того времени статей историка Э. Н. Бурджалова. В упомянутой редакционной статье по этому поводу написаны следующие строки: «Наибольший урон научному освещению вопросов истории КПСС был нанесен статьями бывшего заместителя главного редактора журнала Э. Н. Бурджалова "О тактике большевиков в марте – апреле 1917 года" (№ 4 за 1956 г.) и "Еще о тактике большевиков в марте – апреле 1917 года" (№ 8 за 1956 г.). В этих статьях под видом критики культа личности И. В. Сталина Э. Н. Бурджалов ... пытался доказать, что якобы партия до возвращения Ленина в Россию стояла, по существу, на полуменьшевистских позициях и что будто бы в ее рядах были сильны объединительные тенденции в отношении меньшевиков»³⁵⁹. На фоне таких безапелляционных рецензий, сопровождавшихся оргвыводами (Бурджалов – «бывший зам. главреда»), Сидоров не мог не проявить осторожности при критике тезиса о «полукolonии».

³⁵⁷ За ленинскую партийность в исторической науке // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 20.

³⁵⁸ Там же. С. 12.

³⁵⁹ Там же. С. 9.

Свои позиции А. Л. Сидоров изложил в принципиально важном докладе, прочитанном на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 24 октября 1957 г. в связи с 40-летней годовщиной Октябрьской революции. Доклад повторял ряд положений, высказанных автором в 1938 г. при критике М. Н. Покровского, но теперь Сидоров говорил о своем учителе с уважением. Тем не менее Сидоров критиковал Покровского за отрицание материальных предпосылок для социалистической революции и, в качестве аргумента весьма своеобразно по сути, с противоположным смыслом трактовал ленинскую статью «О нашей революции», на которую в свое время ссылался Покровский. Сидоров утверждал, что «Ленин решительно отвергал сухановско-каутскианский тезис о том, что “мы не доросли до социализма, что у нас нет ... объективных экономических предпосылок для социализма”. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что несмотря на экономическую отсталость, в России всем предыдущим капиталистическим развитием были подготовлены предпосылки социалистической революции»³⁶⁰.

На самом деле, как показано в первой главе, Ленин согласился с этим «сухановско-каутскианским тезисом», но оценил его как догматическое понимание марксизма, которое не учитывало необходимость Октября для выхода из тупика, созданного мировой войной. Именно эту позицию Ленина приводил Покровский как аргумент в споре с оппонентами, а Сидоров его отверг, придав ленинской статье иной смысл. Далее Сидоров раскритиковал Н. Н. Ванага и его сторонников за то, что они признавали доминирование иностранного капитала в финансовой системе российского монополистического капитализма, не оговорив, что это не вело к отрицанию ими материальных предпосылок для социалистической революции. Таким образом, Сидоров не снял с них обвинение, выдвинутое в конце 1920-х гг. историком П. О. Гориным и воспроизведенное Б. Б. Граве.

Критика Сидоровым Покровского сопровождалась критикой К. Каутского, российских меньшевиков и буржуазных историков за принижение или отрицание материальных предпосылок для социалистической революции в России. И эти фрагменты доклада ясно показывают причины той переоценки уровня развития российского капитализма, которая была характерна для «школы Сидорова». Как уже отмечалось, в ответ на тезис о том, что Октябрьская революция представляла собой волюнтаристский акт, звучал тезис, что Россия экономически созрела для социализма.

³⁶⁰ Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука. 1970. С. 58.

В вопросе о зависимости царской России от западных стран Сидоров занял более аккуратную позицию, чем Б. Б. Граве. Во-первых, он признал факт «усиления позиций иностранного капитала в экономике страны вообще, в банках – в особенности» после революции 1905 г., а во-вторых, прямо признал правильность сталинского тезиса о России как «резерве» международного империализма: «Нельзя, оставаясь на почве фактов, оспаривать безусловно правильный тезис о том, что царизм после Первой русской революции, накануне первой мировой войны превратился в *резерв* международного империализма» – говорил Сидоров. Автор отметил усиление зависимости России от иностранного капитала в железнодорожном строительстве, особенно в частном, назвав этот фактор «сильнейшей линией связей и зависимости от иностранного капитала», поскольку треть всей железнодорожной сети России находилась в руках частных железнодорожных обществ, которые строили дороги на иностранные займы, полученные под гарантию правительства³⁶¹.

Историк особо отметил усиление зависимости России от партнеров по Антанте в годы войны, указав, что «начиная с 1915 г. царская Россия уже не могла воевать без больших займов и субсидий союзников». Сидоров привел высказывания П. Л. Барка на узких совещаниях в Комитете финансов, который говорил, что «полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой» и «в случае отказа союзников от дальнейших поставок и кредитов России для последней неизбежно заключение сепаратного мира». Тезис о России как «полуколонии» Сидоров не критиковал и даже использовал его применительно к военному времени: «За годы войны царское правительство быстро втягивало страну в *полуколониальную зависимость* от своих партнеров». Еще более жестко автор оценил степень зависимости Временного правительства, заявив, что документы подтверждают справедливость вывода Ленина о том, что это правительство являлось «простым приказчиком миллиардных «”фирм”, “Англия и Франция”». В целом он определил место России в мировой системе империализма, как «не вполне самостоятельной державы» и призвал «более углубленно изучить и точнее очертить» границы этой несамостоятельности³⁶².

Доклад Сидорова был более аккуратным по отношению к историографии 1920-х–30-х гг. по сравнению со статьей Граве и даже по сравнению с предисловием к только что вышедшему сборнику документов.

³⁶¹ Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука. 1970. С. 62, 66.

³⁶² Там же. С. 67, 68–69, 70.

В докладе не было прямого тезиса о том, что «Россия экономически созрела для социализма». Его заменил вполне обоснованный тезис: «Наличие достаточно развитых форм монополистического капитализма в ведущих отраслях хозяйства, несмотря на общую экономическую отсталость России сравнительно с главными империалистическими странами, – вот что создавало материальную основу социалистической революции» – утверждал автор³⁶³. Однако, раскрывая эту оценку, историк заявил, что «к началу Первой мировой войны монополии в промышленности, железнодорожном транспорте и банках, возникшие еще в конце XIX–начале XX в., складываются в систему монополистического и финансового капитала, ставшего *основой* экономической жизни страны»³⁶⁴. Таким образом, монополистический капитализм был признан основой экономики России. Сидоров усилил этот тезис, приведя ленинские слова о том, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, та ступень в общественно-экономическом развитии, которая непосредственно ведет к социализму», и о том, что война «так двинула вперед развитие капитализма, что между достигнутой им ступенькой и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет». Автор вновь прямо спроецировал эти слова на Россию и указал, что они служат «историко-экономическим обоснованием курса партии на социалистическую революцию»³⁶⁵. Таким образом, Сидоров еще раз подтвердил, что проблеме зрелости предпосылок и причин Октябрьской революции он трактует, опираясь на те оценки, которые Ленин дал в сентябре 1917 г. И вновь историк не поставил вопрос, почему эти положения не были отражены в главной теоретической работе Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», не вошли в программные документы большевиков эпохи революции, и не были ни разу воспроизведены Лениным после 1917 года.

Позиция Сидорова выглядела достаточно противоречиво уже в контексте его собственного доклада, поскольку он признавал, что «страна вплоть до войны полностью сохранила свой аграрный облик», на долю сельского хозяйства приходилось больше половины национального дохода, а на долю промышленности – только немногим более одной четверти его. Автор под-

³⁶³ Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции... С. 62.

³⁶⁴ Там же. С. 64.

³⁶⁵ Там же. С. 78.

черкивал, что «живучесть крепостнических отношений, сохранение дворянских латифундий и кабального гнета в деревне ... накладывали *решающий* отпечаток на всю экономику страны, определяли ее место в мировой системе империализма»³⁶⁶. Однако при этом защищал тезис о монополистическом капитализме как *основе* экономики России.

Павел Волобуев (1923–1997). Осторожность, проявленная Сидоровым в вопросе о «полуколониальной зависимости» России, была обусловлена не только критической реакцией ряда историков на статью Б. Б. Граве. Дело было и в том, что проведенные учениками Сидорова конкретные исследования по истории российских монополий дали противоречивые результаты. Об этом, в частности, говорили работы П. В. Волобуева. В том же 1957 г. он опубликовал статью «Топливный кризис и монополии в России накануне Первой мировой войны», в которой показал «губительное влияние капиталистических монополий на производительные силы России» на примере деятельности угольных и нефтяных синдикатов в период промышленного подъема 1910–1914 гг. В этих отраслях была особенно весомой доля иностранного капитала. Автор не использовал тезис о России как «полуколонии», но его статья доказывала существенную зависимость важнейших отраслей промышленности от иностранного капитала и негативное влияние его на экономику страны.

По данным Волобуева, уже к началу предвоенного промышленного подъема почти все основные *каменноугольные* бассейны страны оказались во власти синдикатов, которые контролировали не менее 65–66 % общероссийского производства и сбыта твердого минерального топлива. Ведущую роль играл созданный в 1906 г. синдикат донецких углепромышленников «Продуголь». В 1910 г. он объединил 24 крупнейших каменноугольных предприятия, на долю которых приходилось около 65 % угледобычи Донбасса (без антрацита). В этой отрасли доминировал французский и бельгийский капитал³⁶⁷.

В *нефтяной* промышленности и на нефтяном рынке почти до самого начала первой мировой войны «безраздельно господствовал картель "Нобель-Мазут" ("Нобмазут")», возникший в 1905 г. в результате объединения двух фирм: Т-ва бр. Нобель – крупнейшего нефтепромышленного и нефтесбытового предприятия – и общества "Мазут" – второй по значению нефтеторговой фирмы,

³⁶⁶ Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции... С. 68.

³⁶⁷ Волобуев П. В. Топливный кризис и монополии в России накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 33–35.

принадлежавшей французскому банкиру Ротшильду». По подсчетам Волобуева в 1910 г. картель «Нобель-Мазут» сосредоточил не менее 78–80 % общероссийского сбыта керосина и более половины сбыта нефтетоплива³⁶⁸.

Приведя такие данные, Волобуев связал проблему иностранных инвестиций не только с проблемой зависимости России от других держав, но и с проблемой «загнивания» монополистического капитализма, поднятой в свое время Лященко. По мнению Волобуева, в России процесс загнивания монополистического капитализма усиливался не только «остатками крепостничества в экономике и политическом строе страны», но и «экономической зависимостью царской России от иностранного империализма»³⁶⁹.

Свою позицию автор убедительно доказал на примере нефтяной промышленности, где с 1901 г. шел процесс снижения нефтедобычи при постоянном росте цен: за четыре предвоенных года цены на нефтепродукты более чем утроились. Автор подсчитал, что в Баку в 1913 г. эксплуатировалось только 48 % скважин. Остальные считались бездействующими, заброшенными и т. п., хотя многие из этих скважин, по свидетельству специалистов, могли бы давать нефть. Из 25 имевшихся в Баку керосиновых заводов в 1913 г. работало только девять, т. е. немногим более одной трети³⁷⁰.

Автор показал серьезное тормозящее воздействие топливных монополий на развитие страны, отметив не только то, что они держали промышленность на голодном пайке, но и то, что иностранный капитал вывозил большую часть прибыли, не вкладывая ее в развитие производства. Автор привел такие данные: «для уменьшения размеров добычи нефти монополисты систематически сокращали буровые работы. В 1909 г. было пробурено в Баку 51 756 саженей, в 1911 г. – 44 863 сажени. Лишь в 1913 г. объем буровых работ достиг наивысшей за предвоенные годы точки – 65 169 саженей. И все же он был на 31 % меньше, чем в конце 90-х гг. XIX в. (в 1899 г. – 85 223 сажени)³⁷¹.

Волобуев сделал вывод, что результаты господства монополистического капитала порождали необходимость социалистической революции в России для решения «назревшей объективной задачи, стоявшей перед страной, – задаче развития ее производительных сил»³⁷². Тезис стал важным в советской историографии послевоенного периода.

³⁶⁸ Волобуев П. В. Топливный кризис и монополии в России накануне первой мировой войны... С. 35.

³⁶⁹ Там же. С. 36.

³⁷⁰ Там же. С. 37–40.

³⁷¹ Там же. С. 37.

³⁷² Там же. С. 46.

Записка 1957 года. В 1957 г. Институт истории АН СССР в ходе работы по формированию перспективного пятилетнего плана научных исследований подготовил ряд записок по основным проблемам исторической науки. Главной для нашей темы является записка «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма)», в составлении которой принимали участие доктора исторических наук А. Л. Сидоров (руководитель) и Л. М. Иванов, кандидаты исторических наук А. Я. Аврех, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, И. Ф. Гиндин, Г. М. Деренковский, В. А. Емец, С. А. Залесский, М. С. Симонова³⁷³.

Одну из важнейших задач советской исторической науки авторы записки видели в том, чтобы «вскрыть исторические закономерности и предпосылки» первой победоносной социалистической революции. Они отмечали, что изучение этой проблемы уже идет в двух направлениях:

1. Изучение социально-экономической истории России в конце XIX–начале XX в., в период, когда Россия вступила в полосу империалистического развития.

2. Изучение истории пролетарского этапа революционного движения в России, который начался в конце XIX в. и отличался громадным размахом и новыми формами классовой борьбы пролетариата, проходившей под руководством марксистской партии.

В записке содержался краткий анализ проделанной работы, который охватывал литературу, начиная с 1920-х гг. и сообщалось, что общая картина экономического развития страны в эпоху капитализма дана в работах П. И. Лященко и П. А. Хромова. О первой работе говорилось, что она «продолжает оставаться наиболее подробным современным изложением основных проблем развития монополистического капитализма в России»³⁷⁴. Авторы записки отмечали, что научная разработка отдельных вопросов ведется неравномерно. Относительно лучше изучена история крупной капиталистической промышленности: металлургической, угольной и нефтяной. Плохо изучены железнодорожное строительство, хлебная торговля, проблемы вывоза капиталов во внутренние колонии и полуколонии царской России и др. Не начато изучение экономической политики царского правительства. В то же время отмечалось, что за последние годы сравнительно много внимания уделялось

³⁷³ Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма) \ Вопросы истории 1957. № 9. С. 195–212.

³⁷⁴ Там же. С. 197.

исследованию процессов развития экономики России в годы Первой мировой войны и *непосредственного складывания материальных предпосылок* Октябрьской революции. Из обобщающих исследований по этой теме отмечались докторские диссертации А. Л. Сидорова и А. П. Погребинского.

В заключении записки говорилось, что Институт истории АН СССР сейчас работает по следующим темам:

I. Социально-экономическая история России:

- а) Государственный банк и экономическая политика царизма (1861–1917);
- б) финансовый капитал в тяжелой промышленности России в годы Первой мировой войны; в) Донбасс в период промышленного подъема 90-х гг. XIX в.;
- г) история строительства Сибирской железной дороги; д) аграрная политика царизма в начале XX в.; е) Столыпинская аграрная политика.

II. История классовой борьбы и революционного движения:

- а) рабочее движение России 90-х гг. XIX в.; б) рабочее движение в России в годы первой мировой войны; в) рабочий класс России во второй период революции 1905–1907 гг.

III. Внешняя политика России и империалистическая война:

- а) борьба классов и партий по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны; б) русская армия накануне Первой мировой войны; в) Россия и союзники в период Первой мировой войны (1914–февраль 1917)³⁷⁵.

Очевидно, что в записке намечалась масштабная программа исследований, рассчитанная на много лет и предполагавшая координацию усилий больших коллективов ученых. Важную роль в решении этой задачи сыграла специальная сессия Научного совета при Институте истории АН СССР по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Совет был создан по инициативе А. Л. Сидорова в 1957 г., а его сессия состоялась в декабре 1958 г. в Институте истории АН СССР.

Сессия Научного совета (1958). Главное внимание на сессии было уделено вопросу о государственно-монополистическом капитализме в России в годы Первой мировой войны. Основные ее материалы были опубликованы в журнале «История СССР»³⁷⁶. Прошедшая на сессии дискуссия показала, что историки

³⁷⁵ Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма... С. 212.

³⁷⁶ В. И. Бовыкин, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарковский. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР". 1959, N 3. С. 93–117; Отчет о работе сессии // Там же. С. 231–235.

нового поколения не испытывали сомнений в том, что в предвоенной России утвердился монополистический капитализм, который в годы войны перерос в государственно-монополистический капитализм (ГМК). При этом ГМК рассматривался как система отношений между государственным аппаратом и монополиями, где обе стороны преследовали свои цели. Государство стремилось обеспечить регулирование производства в интересах обеспечения военных усилий страны, а монополии стремились получить максимально высокую прибыль и укрепить свое влияние на государственный аппарат. Участники сессии предприняли попытку выявить структуру или «систему» ГМК, в которую включали четыре основные Особые совещания во главе с Особым совещанием по обороне, а также специальные отраслевые комитеты при Особых совещаниях. Система ГМК рассматривалась как готовая материальная предпосылка для социалистической революции в России. Степень зрелость предпосылок оценивалась высоко, в духе оценок, данных Граве и Сидоровым.

Константин Тарновский (1921–1987). Итоги сессии прокомментировал один из самых способных учеников Сидорова К. Н. Тарновский, боевой офицер, который после окончания Великой Отечественной войны с отличием окончил истфак МГУ и по рекомендации учителя стал заниматься историей становления ГМК в России. Его первой крупной работой стала книга «Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности), опубликованная в 1958 г.³⁷⁷ Автор пришел к выводу об образовании в годы мировой войны *трестов и концернов*, руководители которых в сотрудничестве с государственными чиновниками создали структуры ГМК для регулирования металлургической промышленности. Весьма оптимистические оценки уровня развития ГМК, сделанные в диссертации, превратили Тарновского в убежденного сторонника тезиса Сидорова о том, что «социализм созрел в России экономически».

Очень быстро Тарновский стал ведущим историографом эпохи империализма, рассматривая ее как эпоху формирования предпосылок для социалистической революции в России. В статье «Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода Первой мировой войны в советской историографии» (1961) он обобщил итоги работы сессии 1958 г. и предложил свой взгляд на историю изучения этого вопроса в советской историографии. Автор выделил в ней три этапа.

³⁷⁷ Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М. 1958.

«Первый и второй, – писал Тарновский, – связанные с господством в историко-экономической литературе положения о слабости или даже об отсутствии государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны, приходится соответственно на 20-е и 40-е годы; третий, в ходе которого указанное положение подверглось критике и пересмотру, начался сравнительно недавно, примерно с середины 50-х годов»³⁷⁸. Особо выделялись 1930-е гг., поскольку в них изучение «важнейшего положения В. И. Ленина о государственно-монополистическом капитализме как материальной подготовке социализма» *«отошло на задний план»*. Тарновский упрекал авторов первого тома «Истории гражданской войны в СССР» и «Истории ВКП(б). Краткий курс» за отсутствие «даже постановки вопроса о государственно-монополистическом капитализме как материальной предпосылке социалистической революции в нашей стране»³⁷⁹.

Характеризуя третий, современный ему этап изучения эпохи империализма, Тарновский обратил внимание на работы П. В. Волобуева, М. Я. Гефтера, А. Л. Цукерника, Т. Д. Крупиной и других историков, в которых, по его мнению, «достаточно полно выяснены природа крупнейших монополий в России, их организационные формы, место и роль в экономической жизни страны». Тарновский особо отметил работы Сидорова, который показал высокую роль ГМК в годы мировой войны и обосновал тезис о том, что «царизм организовывал военную экономику совместно с буржуазией, что регулирование экономики страны было общим делом помещиков и буржуазии»³⁸⁰. Опираясь на совокупные результаты исследований «школы Сидорова», историк заявил, что благодаря этим исследованиям было *«покончено с представлением о слабости российских монополий»*. Тарновский видел в этом подтверждение обоснованности «сделанного В. И. Лениным вывода об окончательном созревании материальных предпосылок для победы пролетарской революции», имея в виду Россию³⁸¹.

Получалось, что изучение конкретно-исторического материала привело историков послевоенного поколения к выводу, что в годы Первой мировой войны в царской России сложились институты ГМК как материальная пред-

³⁷⁸ Тарновский К. Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны в советской историографии // Вопросы истории. 1961. №7. С. 52.

³⁷⁹ Там же. С. 39.

³⁸⁰ Там же. С. 40.

³⁸¹ Там же. С. 34, 42.

посылка Октября. Иными словами, Ленин был прав в своих оценках, данных в сентябре, а не в апреле 1917 г. и в январе 1923 г. Отсюда следовало, что деятели и историки Октября старшего поколения зря осторожничали со своими оценками степени зрелости российского капитализма накануне Русской революции и после ее победы.

Так ли это? Обратим внимание на тот факт, что сторонники «школы Сидорова» свои *общие* выводы делали, опираясь на изучение положения дел в промышленности, и более того – в наиболее монополизированных отраслях промышленности. Проблема оценки уровня развития экономики *в целом* оставалась за скобками, хотя все авторы упоминали об отсталости деревни. Однако, как отмечал еще Покровский, предвоенная и военная царская Россия являлась преимущественно аграрной страной, как с точки зрения структуры валового внутреннего продукта, так и особенно с точки зрения количества работников, занятых в сельском хозяйстве. Следовательно, монополистический капитализм был всего лишь одним (и не доминирующим) из хозяйственных укладов в экономике России. Очевидное доминирование мелкотоварного крестьянского уклада в экономике и социальной структуре России противоречило выводу Сидорова о том, что монополистический капитализм стал *основой* экономической жизни страны. Тем не менее Сидоров и его ученики были правы в том, что накануне Октября в промышленности и банковской сфере страны сложились высокоразвитые формы капитализма, которые активно взаимодействовали с государственным аппаратом в период мировой войны. Они-то и создавали определенные материальные, организационно-технические предпосылки для регулирования ключевых отраслей экономики, т. е. материальные предпосылки для перехода к социализму через серию переходных шагов. Формула Сидорова («Россия экономически созрела для социализма») не отражала эту важную особенность реальной ситуации в России: страна созрела не для «введения» социализма, а для реализации стратегии переходных шагов.

Формула Сидорова не учитывала и другой важный момент. Как было показано в первой главе, Ленин, Покровский и Рожков никогда не сводили проблему зрелости России для социализма к существованию монополий и структур ГМК в ключевых отраслях промышленности. Они оценивали степень развития экономики и общества *в целом* и в этой связи обращались к понятию «культура». Именно о культуре и степени цивилизованности России Ленин говорил в своей последней статье о революции в январе 1923 г. Об этом же говорил и Н. А. Рожков. Напомним ключевую оценку российского капитализма в трудах Рожкова: «некультурный», «незрелый» капитализм.

Как бы там ни было, с конца 1950-х гг. точка зрения Сидорова стала доминировать в трактовке проблемы зрелости материальных предпосылок Октября. Она нашла определенное отражение в монографии А. П. Погребинского «Государственно-монополистический капитализм в России», который расширил рамки становления ГМК, связав их не с мировой войной, а новым промышленным подъемом³⁸².

Однако не все историки были готовы принять тезис о «зрелости России для социализма» без существенных оговорок.

И снова Сидорову в какой-то мере оппонировал П. В. Волобуев, который в статье «О государственно-монополистическом капитализме в России в 1917 г.» (1959) рассматривал тенденции развития ГМК в период между Февральской и Октябрьской революциями. Статья стала базой для книги Волобуева «Экономическая политика Временного правительства», опубликованной в 1962 году³⁸³. С одной стороны, автор критиковал как несостоятельный меньшевистский тезис о «незрелости» России для социализма и писал, что «к октябрю 1917 г. Россия дошла до известной, хотя и реакционно-бюрократической, организации общегосударственного учета и централизованной разверстки хлеба, металлов, топлива и некоторых других важнейших продуктов». С другой стороны, он писал, что «русский капитализм к моменту своего революционного крушения пришел не только с относительно *низким* уровнем производительных сил, но и, главное, с *недостаточно развитой* по сравнению с передовыми странами Запада государственно-капиталистической организацией экономики». Историк отмечал, что «государственно-монополистические формы хозяйства ни в одной отрасли не охватывали производства; принудительное синдицирование и трестирование промышленности не было осуществлено; вопрос о государственном контроле над банками как главным учетным механизмом хозяйства страны всерьез не был поставлен». «Россия и в преддверии социалистической революции, – писал историк, – не имела, говоря словами В. И. Ленина, "добропорядочного государственного капитализма"». По мнению Волобуева, накануне Октябрьской революции в России существовал лишь «*необходимый минимум* материальных предпосылок социалистической революции»³⁸⁴. Ясно, что тезис о «минимуме» предпосылок не был равнозначен тезису о «зрелости». Напом-

³⁸² Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России. М.: Соцэкгиз. 1959.

³⁸³ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1962.

³⁸⁴ Волобуев П. В. О государственно-монополистическом капитализме в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 1959. N 9. С. 61, 62, 63.

ним, что тезис о «минимуме» предпосылок принадлежал Сталину³⁸⁵. Таким образом, Волобуев фактически не поддержал Сидорова в его главном тезисе.

Сдержанность по отношению к тезису о «зрелости» была и в работах других авторов.

«**Всемирная история**». В послевоенный период первой крупной академической работой, в которой ведущие советские историки изложили свой коллективный взгляд на предысторию и историю Русской революции, стали седьмой и восьмой тома многотомного издания «Всемирная история», опубликованные в 1960–1961 гг. Среди авторов соответствующих разделов седьмого тома главную роль играл **М. Я. Гефтер**. Говоря о развитии российского капитализма в начале XX в., Гефтер подчеркнул его переход в монополистическую стадию, отметив рост концентрации производства и финансового капитала в период нового промышленного подъема, но не повторил тезис Сидорова об экономической зрелости России для социализма. Он постоянно подчеркивал неравномерность экономического развития страны: «Крайняя неравномерность развития *отдельных частей общероссийской капиталистической системы* усилилась с переходом к империализму. В России особенно велик был разрыв между немногими, высокоразвитыми отраслями промышленности и остальными ее отраслями. Рядом с крупными индустриальными районами продолжали сохраняться огромные территории, на которых *только совершался переход* от патриархально-феодалных отношений и полунатурального хозяйства к капитализму в его домонополистических формах»³⁸⁶. «Переплетение *нарождавшегося* монополистического капитализма с многочисленными пережитками крепостничества, с полицейским произволом и деспотизмом самодержавия составляло *решающую особенность* общественного строя России начала XX в.»³⁸⁷.

Гефтер не проявил желания преуменьшать экономическую зависимость России от Запада. Он подчеркнул роль иностранного капитала в промышленном рывке, который совершила Россия в конце XIX века, приведя такие цифры: «Особенно увеличились в 90-х годах иностранные капиталовложения в промышленность России: в 1890 г. иностранный капитал составлял примерно одну четверть, а к 1900 г. – свыше 40 % всех акционерных капиталов»³⁸⁸.

³⁸⁵ Сталин И. В. Необходимая поправка // Соч. Т. 12. С. 138–139.

³⁸⁶ Всемирная история: в 10 т. Т. 7. М. 1960. С. 314.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же. С. 140.

Историк отметил усиление финансово-экономической зависимости России после первой революции, говоря, что она стала «переплетаться с политической». Этот тезис автор аргументировал тем фактом, что перед войной «французские банки предоставляли России железнодорожные займы на условиях, продиктованных генеральным штабом Франции, – расходовать деньги на строительство стратегических дорог». Упомянул и отказ царского правительства под нажимом французской дипломатии от судебного расследования деятельности одного из главных виновников топливного голода – синдиката «Продуголь», а также факт получения французскими фирмами очень выгодных оборонных заказов на территории России. В то же время Гефтер подчеркнул, что «зависимость царизма, русской буржуазии от иностранного капитала не означала, что русский империализм отказался от собственных экспансионистских целей. Внешняя политика царской России определялась как интересами помещиков, так и во все возрастающей степени интересами капиталистических монополий»³⁸⁹. Эта оценка повторяла то, о чем писал в свое время М. Н. Покровский.

Говоря о социальной ситуации в стране, автор отметил неспособность реформ Столыпина ликвидировать классовые конфликты в деревне, а также рост рабочего движения в годы нового промышленного подъема. Гефтер сделал вывод, что Россия перед мировой войной оказалась на пороге новой революции.

Разделы, посвященные экономике России в годы мировой войны, написаны историком **Г. М. Деренковским**. Автор показал процесс формирования государственно-монополистического капитализма в годы мировой войны, но критически оценил усилия его институтов по регулированию промышленности. Оно сводилось в основном к распределению заказов, которые брались «во многих случаях независимо от возможности выполнить их, ибо заказ давал право на крупные правительственные субсидии. Предоставленные «Земгору» заказы были выполнены всего на 60 %, а военно-промышленными комитетами – не более чем наполовину»³⁹⁰.

Историк отметил, что «зависимость царской России от ее иностранных кредиторов приобретала все более кабальный характер», и объяснил стремление союзников таким путем «урезать территориальные притязания царизма» и «расширить возможности своего проникновения в российскую эконо-

³⁸⁹ Всемирная история: в 10 т. Т. 7. М. 1960. С. 462–464.

³⁹⁰ Там же. С. 549.

мику после войны». Военные поставки, которые осуществлялись по завышенным ценам, приходилось оплачивать золотом, и Россия в качестве гарантии оплаты заказов во время войны перевела часть своего золотого запаса в Лондон (более чем на 640 млн р.). Крупным кредитором стали США: царское правительство разместило там заказы на вооружение и снаряжение на сумму в 1 млрд 237 млн р. Подводя итог анализу состояния военной экономики и общества, автор сделал вывод, что к 1917 г. «военный и хозяйственный кризис превращался в общий социально-политический кризис»³⁹¹. Таким образом, он показал, что Русская революция имела глубокие экономические, социальные и политические причины.

Авторы седьмого тома, выполнив анализ ленинской *теории империализма и революции*, не сделали вывода о зрелости России для социализма. Эта проблема трактовалась в духе «Краткого курса», но достаточно завуалировано. Авторы пишут: «Ленин решительно выступил против левоопportunистических стремлений рассматривать перспективы революционного развития с позиций “чистого империализма”, не принимая во внимание *многоукладность* экономического строя России и других стран, значительную роль докапиталистических форм в мировом хозяйстве и др.»³⁹². Иными словами, как и говорил Сталин: «цепь империалистического фронта, как правило, должна прорваться там, где звенья цепи слабее, и уж, во всяком случае, *не обязательно там, где капитализм более развит*»³⁹³.

Обратим внимание на использование авторами термина «многоукладность». Представляется, это была одна из первых попыток описать характер развития экономики и общества в России при помощи этого термина. В начале 1960-х гг. термин «уклад» постепенно стал важным методологическим инструментом. Особое внимание ему уделяли историки и экономисты, изучающие страны «третьего мира». Важную роль, в частности, сыграли работы историка-востоковеда А. И. Левковского³⁹⁴. К этой категории обратились не только историки, но и философы³⁹⁵.

³⁹¹ Всемирная история: в 10 т. Т. 7. М. 1960. С. 562–563.

³⁹² Там же. С. 582.

³⁹³ Там же. С. 97, 98.

³⁹⁴ Левковский А. И.: 1) Экономика современной Индии. Изд-во восточной лит-ры, 1960; 2) Особенности развития капитализма в Индии. Изд-во восточной лит-ры, 1963.

³⁹⁵ См.: Семенов Ю. И. Категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук // Научные доклады высшей школы. Философские науки 1964, № 3.

В 1964 г. вышел пятый том «Советской исторической энциклопедии», в котором содержалась статья М. Я. Гефтера «Империализм в России». Автор использовал термин «многоукладность» в качестве одной из основных характеристик экономики России в эпоху империализма. «Финансовый капитал в России, – писал Гефтер, – являлся, с одной стороны, надстройкой над молодым, сравнительно быстро развивающимся капитализмом, а с другой – частью *многоукладной* экономики, в которой сохранялись (а в некоторых районах даже доминировали) докапиталистические отношения. *Средний* уровень развития капитализма *в промышленности*, совмещался с общей экономической отсталостью, резче всего выраженной в сельском хозяйстве». Отметим, что в статье Гефтера не было вывода о зрелости России для социализма, но говорилось о *процессе создания* предпосылок для осуществления переходных шагов к нему: «Процесс концентрации и централизации производства и капиталов при всей ограниченности его отдельными областями *х-ва создавал* материальные и организационные предпосылки для обобществления решающих участков экономики, введения общенародного контроля и учета, приступа к социалистической перестройке всего народного хозяйства»³⁹⁶. Таким образом, позиция Гефтера в этом вопросе была ближе к позиции Лященко, чем к позиции Сидорова. Она точно отражала реальную ситуацию в экономике России в целом и показывала причины появления ленинской стратегии переходных шагов к социализму. Статья позволяет считать Гефтера одним из первых историков, который удачно применил концепцию «многоукладности» для трактовки истории России начала XX в. и предпосылок Октябрьской революции.

Прямого вывода о зрелости России для социализма нет и в разделах *восьмого* тома «Всемирной истории», посвященного истории подготовки и осуществления Октябрьской революции. Автор первой главы восьмого тома историк **Г. Н. Голиков** традиционно описал предпосылки и причины победы Октября: «Социалистическая революция впервые победила в России – самом слабом звене мировой империалистической системы, где монополистический капитализм переплетался с пережитками феодально-крепостнических отношений, придавая гнету и эксплуатации особенно острый и глубокий характер»³⁹⁷. Эта была та формула, которая в 1920-е гг. была разработана Ванагом и Лященко и вошла в «Краткий курс». Непосредственные причины победы большевиков Го-

³⁹⁶ Гефтер М. Я. Империализм в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энцикл. 1964. С. 817, 822.

³⁹⁷ Всемирная история. Т.8. М. 1961. С. 17.

ликов выводил из неспособности Временного правительства решить вопросы о земле и мире и остановить нарастающую хозяйственную разруху.

Очевидно, что трактовки авторов разделов седьмого и восьмого томов «Всемирной истории» отличались большей взвешенностью, чем прямолинейная трактовка, предложенная Б. Б. Граве, и более аккуратно воспроизведенная А. Л. Сидоровым с опорой на тезис об экономической зрелости России для социализма. Отметим и тот момент, что авторы седьмого и восьмого томов «Всемирной истории» не только не критиковали, но даже и не упоминали тезис о России как «полукolonии», явно не считая его важной историографической проблемой.

Сессия Научного совета 1961 г. В сентябре 1961 г. в Ленинграде под руководством А. Л. Сидорова состоялась очередная сессия Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», материалы которой были опубликованы в сборнике «Об особенностях империализма в России» (1963). В предисловии редакторы подчеркнули, что «значительная группа исследователей пришла к выводу, что по своей экономической природе российский монополистический капитализм *принципиально не отличался от новейшего капиталистического империализма*, свойственного другим странам»³⁹⁸.

Отметим, что эта оценка могла быть по-разному истолкована, но в «школе Сидорова» она вела к критике тех историков, кто прямо или косвенно поддерживал тезис о России как «полукolonии» и делал акцент на национальных особенностях российского капитализма. Особое внимание авторы уделяли критике П. И. Лященко. Напомним, что в 1956 г. Б. Б. Граве вывела его из числа критикуемых авторов, и в записке 1957 г. работа Лященко оценивалась позитивно. Теперь авторы предисловия с полным основанием отнесли Лященко к числу самых авторитетных сторонников тезиса о «полукolonии» и расширительной трактовки ленинского термина «военно-феодалный империализм»: как характеристики не «надстройки», а «базиса» российского общества. Авторы предисловия заявили, что «на сессии была установлена прямая связь трактовки особенностей российского империализма, данная П. И. Лященко, с ошибочными положениями, привнесенными в науку Сталиным»³⁹⁹. В материалах сессии 1961 г., изданных в 1963 г., кри-

³⁹⁸ Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 4.

³⁹⁹ Там же. С. 8.

тика в адрес Сталина уже звучала вполне отчетливо, что отражало итоги работы XXII съезда КПСС, прошедшего осенью 1961 г. и подтвердившего курс на преодоление последствий культа личности Сталина.

Проблема «военно-феодалного империализма» была рассмотрена в докладе А. Л. Сидорова «В. И. Ленин о русском военно-феодалном империализме». Автор доклада показал, что Ленин использовал этот термин для характеристики «надстройки» (царизма), а Н. Н. Ванаг и П. И. Лященко – для характеристики «базиса» и общества в целом. По мнению Сидорова, такая трактовка преувеличивала национальную специфику российского империализма, в то время как он «по своей экономической природе принципиально ... не отличался от новейшего капиталистического империализма, свойственного другим странам»⁴⁰⁰. Важно подчеркнуть, что Сидоров, говоря о «русском империализме», имел в виду не просто один из укладов, а *доминирующий* уклад, определяющий характер экономики в целом. Напомним, что ранее Сидоров прямо писал, что в России система монополистического и финансового капитала стала «*основой* экономической жизни страны». В итоге получалось, что довоенная Россия по своему экономическому строю принципиально не отличалась от развитых западных стран: и там и там доминировал монополистический капитализм. В заключении доклада автор сделал именно такой вывод: «Капитализм в России в начале XX в. достиг среднего уровня развития и приобрел все черты монополистического капитализма – империализма»⁴⁰¹. Эта позиция соответствовала тезису Сидорова о том, что Россия экономически созрела для социализма.

В своем докладе Сидоров вышел далеко за пределы темы и по сути изложил свой взгляд на развитие советской историографии империализма. Он повторил свою критику в адрес М. Н. Покровского в вопросе о характере Русско-японской войны, отметив, что последняя проходила уже в эпоху империализма, утвердившегося в России после кризиса 1900–1903 гг. Сидоров неоправданно заявил, что Покровский на рубеже 1930-х гг. пересмотрел свои прежние взгляды и признал монополистический характер предвоенного русского капитализма, а также отказался от «положения, высказанного им на первой конференции историков-марксистов, что Россия прорвалась к социализму наперекор узкоэкономическим законам». Сидоров критиковал Ванага,

⁴⁰⁰ Сидоров А. Л. В. И. Ленин о русском военно-феодалном империализме // Об особенностях империализма в России. С. 25–27, 51.

⁴⁰¹ Там же. С. 51.

Ронина и Крицмана за преувеличение роли иностранного капитала в финансовой системе России и вслед за Б. Б. Граве повторил ошибку П. О. Горина, заявив, что они «фактически превращали Россию в полуколонию западного империализма» и «фактически отрицали предпосылки успешного строительства социализма». Далее Сидоров трактовал письмо, написанное Ванагом в редакцию журнала «Историк-марксист», как искреннее признание ученым своих ошибок, игнорируя ту абсолютно ненаучную ситуацию, которую создали прямые угрозы Сталина в адрес тех, чьи взгляды могут быть оценены как троцкизм. Фактически Сидоров с небольшими изменениями повторил основные положения своей статьи в сборнике 1939 г. с той лишь разницей, что теперь он критиковал не столько Покровского, сколько Сталина, приписывая ему и те ошибки, которые тот не делал. Так, Сидоров, говоря о том, почему Ванаг придал расширительный характер ленинскому термину «военно-феодальный империализм», обвинил в этом Сталина, который якобы дал Ванагу основу для такой трактовки.⁴⁰²

Проблеме «Россия как полуколония» также было уделено много внимания на сессии. В редакционном предисловии и в тексте сборника прямо говорилось, что тезис о России как полуколонии принижает степень зрелости российского капитализма, а, следовательно, и предпосылок для социалистической революции. Отмечалось, что он входит «в глубокое противоречие с большевистской оценкой причин участия царской России в мировой империалистической войне» и ленинской теорией пролетарской революции в целом⁴⁰³. Упоминание о причинах участия России в мировой войне отражало известный тезис Б. Б. Граве о том, что сторонники тезиса о России как «полуколонии» якобы отрицали самостоятельные цели участия России в этой войне. Вслед за Граве Сидоров и его сторонники дали тезису о «полуколонии» упрощенную трактовку и оценили его как принципиальную ошибку. Теперь главным носителем ошибки признавался Лященко. Основная ответственность по-прежнему возлагалась на Сталина. Однако никакой «прямой связи» или негативного влияния Сталина на позицию Лященко в этом вопросе участники сессии, несмотря на сделанное заявление, не установили. И не могли установить, поскольку Лященко использовал термины «полуколониальная» и даже «колониальная» зависимость России в книге «История рус-

⁴⁰² Сидоров А. Л. В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме // Об особенностях империализма в России. С. 17–18, 26.

⁴⁰³ Об особенностях империализма в России. С. 8–9, 421.

ского народного хозяйства», опубликованной в 1927 г. В ней он даже определял царизм как «самодержавно-феодально-колониальный режим»⁴⁰⁴. Сталин, как уже было сказано, до 1934 г. ни разу не употребил термин «полуколония» применительно к России и никогда не называл Россию «колонией». В книге «История народного хозяйства в СССР», изданной в 1939 г., и в последующих работах Лященко, конечно же, ссылаясь на Сталина по любому поводу, и это, можно сказать, «позитивно» повлияло на позицию историка: ориентируясь на Сталина, он более не называл Россию «колонией», а царизм «колониальным режимом», поскольку Сталин не использовал такие термины и говорил только о «полуколониальной» зависимости.

Важно подчеркнуть, что никто из участников сессии не отрицал *возрастания* экономической зависимости царской России от ведущих западных держав в начале XX века, особенно в предвоенный и военный периоды. В итоге сложилась странная ситуация: редакторы сборника, заявив о неприемлемости тезиса о «полуколониальной зависимости царской России», который Сталин напрямую связывал с эпохой мировой войны, так сформулировали «вывод, который вытекает из материалов дискуссии»:

– «общая тенденция нарастания зависимости *дореволюционной* России от западного империализма несомненна, но это была именно тенденция, а не завершённый процесс»;

– «в *ходе первой мировой войны* произошло дальнейшее усиление зависимости царского правительства»;

– «эта тенденция *особенно усилилась* после падения самодержавия»;

– «накануне Великой Октябрьской социалистической революции страна оказалась перед реальной угрозой *полного закабаления* и даже раздела сильнейшими империалистическими хищниками»⁴⁰⁵.

Иными словами, у авторов получалось: неправильно считать довоенную Россию «полуколонией», но правильно говорить о том, что к октябрю 1917 г. она уже стояла перед угрозой «полного закабаления» и даже раздела. Закономерен вопрос: а когда наступило «неполное закабаление»? А есть ли разница между понятиями «полуколония» и «неполное закабаление»? А где критерий, который устанавливает эту разницу? Ответов не было.

Как нам представляется, Сидоров понимал слабость своей позиции, тем более что в целом ряде докладов, сделанных на сессии, на конкретных при-

⁴⁰⁴ Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М.; Л.: 1927. 421, 474–475, 483.

⁴⁰⁵ Об особенностях империализма в России... С. 9.

мерах показывалась доминирующая роль иностранного капитала в различных отраслях промышленности предвоенной России. Авторы докладов не использовали термин «полуколония», но приведенные конкретные данные скорее подтверждали правомерность его использования *в том смысле*, в котором это делали Лященко и Сталин. Так, известный ленинградский историк В. С. Дякин убедительно показал, что особенностью развития российской электроэнергетики было «засилье в ней иностранных монополий»: в 1909 г. общая сумма инвестиций в отрасль составляла 70,85 млн р., из них на отечественный капитал приходилось лишь 2 млн р.⁴⁰⁶ Кубанский историк М. М. Дубовицкий рассказал, как английские фирмы захватили полный контроль над майкопской нефтью. На долю русских фирм в 1913–1915 гг. приходилось только 3 % майкопской добыче нефти⁴⁰⁷. Ростовский историк А. Г. Задера сообщил, что иностранный капитал поставил под контроль предприятия тяжелой промышленности на юге России: в области Войска Донского 76 % угля добывалось на предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу. Хозяева вывозили полученную прибыль, не вкладывая ее в техническое развитие предприятий и даже в обеспечение техники безопасности. Это вело к авариям и гибели рабочих в шахтах и на заводах⁴⁰⁸. В докладах И. И. Саладкова, Ц. Л. Фридмана и И. И. Глущенко преобладали аналогичные материалы по другим регионам и сферам экономики.

Валерий Бовыкин (1927–1998). Стремясь поставить все эти сообщения в правильный контекст, организаторы сессии включили в сборник с материалами сессии статью В. И. Бовыкина «О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России», которая заменила менее значимый доклад, сделанный им на сессии. Бовыкин, один из самых ярких и последовательных сторонников «школы Сидорова», подробно проанализировал все ленинские высказывания на эту тему и показал, что Ленин никогда не называл Россию «*полуколонией*»⁴⁰⁹. В то же время историк признал, что Ленин испытывал большие трудности при оценке места России среди других стран, и его оцен-

⁴⁰⁶ Дякин В. С. Иностранные капиталы в русской электроэнергетической промышленности в 1890–1900-х годах // Об особенностях империализма в России... С. 359–362.

⁴⁰⁷ Дубовицкий М. М. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубани // Об особенностях империализма в России... С. 372.

⁴⁰⁸ Задера А. Г. К вопросу об иностранных капиталах в тяжелой промышленности юга России в период империализма // Об особенностях империализма в России... С. 317–318.

⁴⁰⁹ Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России... С. 251–273.

ки менялись в зависимости от критериев, которые он использовал для той или иной классификации. По мнению Бовыкина, основным критерием, который Ленин применял для определения полуколонии, являлась степень политической самостоятельности: полуколония – это страна, у которой «в *определенной степени потеряна независимость*». Однако Бовыкин не предложил инструмента, который помог бы определить: о какой степени потери независимости идет речь? Когда экономическая зависимость превращается в политическую? Всегда ли политическая зависимость превращает страну в полуколонию? Понятно, что перед Бовыкиным стояла очень сложная задача, но без ее решения нельзя было критиковать тезис о «полуколонии». Сложность задачи подтверждает такой конкретный пример: если царское правительство уже в 1915 г. не могло самостоятельно вести войну с Германией и критически нуждалось в помощи со стороны Антанты, можно ли говорить о ее полной политической самостоятельности? А если нельзя, то значит ли это, что она должна быть оценена как «полуколония» в соответствии с ленинским критерием, вычлененным Бовыкиным в качестве основного?

Бовыкин не стал углубляться в проблему критерия, он просто заявил, что Ленин говорил только об *экономической* зависимости России, которая порождалась ее отсталостью⁴¹⁰. Однако Бовыкин был вынужден комментировать различные ленинские оценки, что создавало для него те же сложности, с которыми сталкивалась Б. Б. Граве. Так случилось и при трактовке Бовыкиным оценки Лениным Временного правительства как «приказчика» англо-французского капитала. Сам термин «приказчик» в отношении правительства страны и тот контекст, в котором он употреблялся, говорили о том, что Ленин имел в виду *политическую* зависимость Временного правительства от стран Антанты. Бовыкин представил дело так, что Ленин говорил лишь о «*дипломатической*» зависимости, которая не означала «потери государством политической самостоятельности»⁴¹¹. Возникает вопрос, а какая разница между дипломатической и политической зависимостью? Если Временное правительство посылает войска в политически самоубийственное июньское наступление, то какая это зависимость? Если А. Ф. Керенский, став премьером, обещает в декларации от 8 июля начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций, которые могли спасти его правительство от свержения, а затем отказывается от своей декларации, то какая это зависимость?

⁴¹⁰ Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России... 254–255.

⁴¹¹ Там же. С. 270–271.

Ленинградский историк Л. Е. Шепелев в своей рецензии на статью В. И. Бовыкина увидел ее основное значение в том, «что она *методологически* разбивает *концепцию* о полуколониальной зависимости России»⁴¹². К сожалению, нам не удалось найти эту методологию. Что касается *концепции* о полуколониальной зависимости России, то нельзя разбить то, с чем все были согласны. Неудачный термин был, неправильной концепции не было. Сталин и Лященко так же, как и все другие историки говорили о России как одной из великих держав – младшего, зависимого, но необходимого партнера по Антанте, активного игрока на мировой арене. Разница состояла лишь в том, что одни использовали термин «полуколония», а другие просто говорили о зависимости. В сухом остатке у Бовыкина получилось то же, что и у Граве. Оба историка были правы в том, что термин «полуколония» плохо подходил для оценки степени внешней зависимости предвоенной и военной России от ведущих стран Запада, поскольку был слишком публицистичным. Однако трактовка степени зависимости, которую давали Лященко и Сталин, была вполне обоснованной. Попытки найти ошибки в этом вопросе у Лященко или в «Кратком курсе» закончились ничем. Все свелось к критике термина без анализа того содержания, которое в него вкладывалось.

Итоги сессии Сидоров оперативно подвел в программной статье «Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке», опубликованной в последнем номере журнала «Вопросы истории» за 1961 г. Как видно из названия статьи автор охватил проблемы эпохи капитализма в целом, но главное внимание уделил эпохе монополистического капитализма и особо подчеркнул свой вывод: «Несмотря на некоторое своеобразие, в частности отличие формы, экономическая суть процесса монополизации в России была такой же, как и в передовых капиталистических странах»⁴¹³. И вновь историк, опираясь на сентябрьскую работу 1917 г., писал о том, что Ленин исходил из тезиса о зрелости России для социализма: «В. И. Ленин показал особенности империализма в *России*, раскрыл процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, охарактеризовал материальные предпосылки социалистической революции»⁴¹⁴.

⁴¹² Шепелев Л. Е. Об особенностях империализма в России // Вопросы истории. № 11. 1964. С. 131.

⁴¹³ Сидоров А. Л. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке // Вопросы истории. 1961. № 12. С. 50.

⁴¹⁴ Там же. С. 44.

После сессии 1961 г. советские историки перестали употреблять термин «полуколония» применительно к России и трактовали термин «военно-феодалный империализм» только как характеристику царизма, т. е. «надстройки», а не «базиса» российского общества. И в этом состоял положительный итог работы сессии. Были и минусы. Главный минус, по нашему мнению, состоял в том, что критика, которой Сидоров и его ученики подвергли Лященко и Покровского, на деле затрудняла правильную трактовку предпосылок и причин Октябрьской революции. «Школа Сидорова» преувеличила уровень развития ГМК в России военного времени и степень зрелости материальных предпосылок для социалистической революции, что уводило историков от понимания принципиальной важности стратегии *переходных шагов* как единственно возможного пути строительства социализма в условиях России. Она также уводила историков от понимания причин Октября как комплекса противоречий *разной природы*. Вместо этого «школа Сидорова» трактовала причины Октября как результат развития противоречий, присущих *высокоразвитому*, монополистическому капитализму. Этот тезис наиболее активно защищал К. Н. Тарновский.

«Советская историография российского империализма». Самой крупной работой историографического плана, написанной с позиций «школы Сидорова», стала книга К. Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (1964)⁴¹⁵. Историк предложил целостную картину развития советской историографии эпохи империализма, а в заключении наметил программу дальнейших исследований. Книга написана на высоком уровне, но свидетельствует, что автор все-таки не избежал проблем, характерных для «школы Сидорова». Речь идет о явном преувеличении степени развития российского капитализма и стремлении с этих позиций трактовать работы Ленина и критиковать тех историков, кто не разделял тезиса о «зрелости России для социализма». Уделим этой книге особое внимание как главной работе историографического характера, отразившей основные черты позиции «школы Сидорова». Отметим, что Тарновский строго следовал оценкам, которые содержались в докладе Сидорова, сделанном на сессии 1961 г.

В *первой главе* Тарновский подробно показал борьбу между двумя течениями, которые сформировались в советской историографии эпохи империализма в 1920-е гг. и были представлены, с одной стороны, сторонниками концепции

⁴¹⁵ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М.: Наука. 1964. С. 60.

«денационализации» российского финансового капитала, т. е. доминирования иностранного капитала в финансовой системе России, а с другой стороны, сторонниками «национальной школы», отрицавшей такое доминирование. Тарновский поддержал позицию «национальной школы», которую разделял его учитель А. Л. Сидоров, и критиковал М. Н. Покровского, Н. Н. Ванага, С. Л. Ронина, Л. Н. Крицмана и М. Б. Гольмана за «систему взглядов на характер русского империализма как *слабого, недоразвитого и полностью зависимого* от империалистических держав Западной Европы»⁴¹⁶. При этом Тарновский, так же как и Сидоров, не увидел того, что Ванаг и его коллеги, считая *национальный* финансовый капитал слабым перед лицом иностранного капитала, не делали вывода о слабости российского капитализма как базы для перехода России к социализму. Тарновский не учел тот факт, что Ванаг даже *преувеличивал* степень зрелости российского капитализма, выдвигая тезис о *господстве* финансового капитала в предвоенной России. Ронин не говорил о «господстве», но подчеркивал, что «один из основных элементов новейшего капитализма — монополистический банковский капитал — был у нас перед войной налицо»⁴¹⁷. Ни Ванаг, ни Ронин, ни Крицман в 1920-е гг. не называли Россию «полуколонией». О «полуколониальном положении» говорил только Гольман, понимая его также как Лященко. Никто из названных историков не ставил Россию в один ряд с действительно полуколониальными странами, такими как Персия, Китай и т. п. Возникает законный вопрос: неужели Тарновский этого не понимал? Получается, что нет, ибо он прямо говорил, что «выводы сторонников “денационализации” русского капитализма, относивших дореволюционную Россию к разряду стран *колониального или полуколониального типа*, вольно или невольно перекликались с утверждениями антипартийных группировок о незрелости России для успешного социалистического строительства»⁴¹⁸. Таким образом, Тарновский вслед за Граве и Сидоровым воспроизвел ошибку П. О. Горина и даже его политические обвинения в адрес Ванага. Ошибка Горина стала типичной для «школы Сидорова», представители которой считали, что *признание доминирования иностранного капитала в финансовой системе России ведет к принижению степени зрелости предпосылок для социалистической революции*. Мы показали суть ошибки во второй главе: главным было не то, кто сыграл основную роль в формирова-

⁴¹⁶ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 19–20.

⁴¹⁷ Ронин С. Л. Иностранный капитал и русские банки. К вопросу о финансовом капитале в России. М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 137.

⁴¹⁸ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 21.

нии высших форм капитализма в России (иностраннй или национальный капитал), а то, что такие формы были созданы и превратились в материальные предпосылки для национализации банков и крупнейших монополий. Готовность Тарновского повторить ошибку Горина удивительна для историографа такого класса. Он должен был учесть хотя бы тот факт, что редакторы авторитетного первого тома «История гражданской войны в СССР» совместили два тезиса: тезис о России как «*полуколонии* западноевропейских стран» и тезис о том, что уже до мировой войны монополистский капитализм «играл в экономике России *ведущую роль*»⁴¹⁹. Автором первого тезиса был Сталин, а автором последнего — Крицман, который повторил оценку Ванага. Тем самым редакторы тома наглядно показали, что из тезиса о ведущей роли иностранного капитала и России как «полуколонии» при его правильном (не буквальном) толковании нельзя вывести тезис об отсутствии предпосылок для социалистической революции.

Неубедительной смотрится и критика Тарновского в адрес Покровского. Вслед за Сидоровым он критиковал выступление Покровского на I Всесоюзной конференции историков-марксистов, когда тот отвергал чисто экономическую трактовку причин Октября и прямо ссыался на статью «О нашей революции», видя в Ленине своего союзника. Тарновский ни словом не обмолвился об этом важном аргументе Покровского и ... упрекнул историка в том, что тот разделял точку зрения меньшевиков. Покровский, писал Тарновский, «*утверждал, что в своей оценке экономического развития России периода империализма меньшевики были правы, что при “чисто экономическом объяснении, при апелляции исключительно к законам экономики, игнорируя все остальное, нельзя было предсказать того, что действительно случилось — что мы прорвемся к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко экономическим законам”*»⁴²⁰. На самом деле позиция Покровского была много тоньше. Вслед за Лениным он *критиковал* меньшевиков за шаблонное понимание марксизма, *соглашаясь* при этом, как и Ленин, с ними в том, что победу большевиков нельзя объяснить экономическими законами, т. е. нельзя рассматривать как результат зрелости российского капитализма.

Далее Тарновский повторил утверждение Сидорова, согласно которому на рубеже 1930-х гг. Покровский «*решительно пересмотрел* свои взгляды на характер русского империализма»⁴²¹. В итоге Тарновский пришел к выводу, что

⁴¹⁹ История гражданской войны в СССР... Том 1. С. 13.

⁴²⁰ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 21.

⁴²¹ Там же. С. 31.

после ряда дискуссий к этому рубежу в советской историографии «перестало вообще существовать разделение среди советских историков на сторонников “денационализации” российского капитализма и противников данной системы взглядов» и «утвердились ленинские оценки уровня капиталистического развития и места России в системе империалистических держав»⁴²². Под ленинскими оценками автор имел в виду ту трактовку, которую им давал Сидоров.

На наш взгляд, ситуация складывалась по-иному. На I Всесоюзной конференции историков-марксистов и при подведении ее итогов (1928–1929), Покровский и ряд других историков действительно не поддержали крайние формулировки сторонников концепции «денационализации» русского финансового капитала, и сам термин «денационализация» был признан неудачным. Однако большинство участников конференции остались на своих основных позициях. Это относилось и к Покровскому. Как было показано в первой главе, в последнем издании (1931) своей главной работы Покровский при характеристике экономики предвоенной России вообще не использовал термин «монополистический капитализм». И это не могло быть случайностью. Ванаг в книге 1930 г. также не отказался от своих взглядов, согласно которым *национальный* капитал был слабым в силу зависимости от иностранного капитала. У нас нет свидетельств того, что Ронин и Крицман изменили свои позиции в этом вопросе.

Ситуация действительно изменилась в конце 1931 г. после появления известного письма Сталина, где он назвал троцкизм «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии» и приписал сторонникам Троцкого неверие в возможность построения социализма в России. Письмо напугало всех, кто поддерживал Троцкого в прошедших внутрипартийных дискуссиях, хотя последние отнюдь не замыкались на вопросе о возможности построить социализм в крестьянской стране. Бывшие троцкисты стали каяться во всех грехах, главным образом выдуманных, чтобы снять с себя возможные обвинения. В частности, Ванаг, как было показано во второй главе, каялся в том, что его тезис о «ненациональной» системе финансового капитала «дает почву для протаскивания» троцкистского тезиса о невозможности строительства социализма в нашей стране, и подчеркивал, что *никогда не разделял этой точки зрения* ⁴²³. Как уже отмечалось, эти покаяния не имели ничего общего с добровольным пересмотром историком своей научной позиции по той простой причине, что Ванаг действитель-

⁴²² Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 52, 53.

⁴²³ Ванаг Н. Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1932 № 4–5. С. 357–358.

но никогда не отрицал существования материальных и организационных предпосылок для перехода России к социализму.

Во второй главе, посвященной анализу работ 1930-х—начала 1950-х гг., Тарновский говорил, что с середины 1930-х гг. изучение проблемы российского империализма «было значительно осложнено теоретическими положениями, сформулированными И. В. Сталиным», которые «находились в противоречии не только с оценками, утвердившимися в историко-экономической литературе начала 30-х гг., но и с собственными высказываниями И. В. Сталина, относящимися к более раннему времени»⁴²⁴.

Тарновский считал, что в 1920-е гг. Сталин, следуя указаниям Ленина, оценивал Россию как страну *среднеразвитого* капитализма, а в 1930-е выдвинул тезис о «полуколониальном положении» России, который автоматически вел к принижению уровня развития страны. Аргументируя свою позицию, Тарновский сослался на слова Сталина, сказанные в 1928 г. при обсуждении проекта Программы Коминтерна. Сталин, говоря о Польше, отнес ее к странам *«среднеразвитого капитализма»* и упомянул в таком качестве и царскую Россию⁴²⁵. Но Тарновский умалчал о том, как Сталин охарактеризовал эту группу стран в тексте Программы, принятой на VI конгрессе Коминтерна. Там говорилось, что страны со «средним уровнем» развития капитализма (Испания, Португалия, Польша, Венгрия, балканские страны и т. д.) обладают лишь *«известным минимумом материальных предпосылок, необходимых для социалистического строительства»*⁴²⁶. Ни одна из этих стран не была отнесена к числу стран, которые *вступили* в стадию монополистического капитализма. Иными словами, «средний уровень» – это страны домонополистического капитализма, но существующие в рамках мировой системы империализма. Так Сталин определял и уровень развития царской России. В Программе Коминтерна в разделах, посвященных Октябрьской революции, также нет тезиса о России как стране монополистического капитализма, но отмечается наличие в ней объективных предпосылок «не только для свержения помещиков и буржуазии, но и для построения полного социализма»⁴²⁷. Напомним, что тезис о возможности полного построения социализма был дан

⁴²⁴ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 56.

⁴²⁵ Сталин И. В. О Программе Коминтерна // Соч., т. 11. С. 155–156.

⁴²⁶ Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна. Выпуск 6. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 37.

⁴²⁷ Там же. С. 40.

Лениным с акцентом на существование политических условий для решения этой задачи. Сталин его использовал в связке с тезисом об «известном *минимуме* материальных предпосылок».

Все сказанное подтверждает ранее сделанный вывод: Сталин никогда не отрицал определенного *минимума* материальных предпосылок для построения социализма в России через серию переходных шагов, приняв в апреле 1917 г. новую ленинскую стратегию, но никогда не говорил и о зрелости России для социализма с экономической точки зрения. Никогда не назвал ее страной монополистического капитализма. И поэтому никакого пересмотра в 1930-е гг. его прежней позиции в этом вопросе не было.

Следует отметить, что Тарновский нередко неточно представлял, а затем и критиковал позицию Сталина. Он следовал традиции, заложенной Граве, и повторял ее ошибку: преследуя благую цель борьбы со сталинскими искажениями реальной истории революции, он выбирал ложные мишени. Характерен пример с оценкой первой крупной работы Сталина по проблемам ленинизма и истории революции, написанной в 1924 г. Историк так представил позицию Сталина: «В брошюре "Об основах ленинизма", говоря о закономерностях вызревания в России пролетарской революции, Сталин всю свою аргументацию сосредоточил вокруг вопроса о *зависимости России от западноевропейских держав*»⁴²⁸. На деле Сталин в этой работе при рассмотрении вопроса о причинах Октября сосредоточил все свое внимание на обосновании тезисов о России как «узловом пункте противоречий» и «слабом звене» в цепи империализма. При этом «слабость звена» Сталин прямо связал с внутренним, а не внешним фактором: с возможностью соединить борьбу рабочих против буржуазии с борьбой крестьян против помещиков. Акцент делался на нерешенность аграрного вопроса – главного в крестьянской стране. Проблема зависимости России от развитых стран занимала второстепенное место, но Тарковский настаивал на своем: «Ленин обосновывал необходимость двух этапов революции в России, опираясь на анализ *особенностей экономики* России периода империализма, Сталин говорил *лишь* о зависимости царизма от западного империализма»⁴²⁹.

Нельзя принять без оговорок и тезис Тарновского о том, что признание России «полуколонией» нанесло ущерб развитию советской историографии империализма. В этой связи Тарновский вслед за Сидоровым возложил на

⁴²⁸ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 63.

⁴²⁹ Там же.

Сталина очень сомнительную ответственность за то, что «в середине 30-х годов термин "военно-феодальный империализм" был истолкован как концентрированная характеристика особенностей монополистического капитализма в России»⁴³⁰. Историк признал, что Сталин ни разу не употреблял этот термин для характеристики особенностей монополистического капитализма в России, но затем заявил: «Если Ленин разграничивал империализм военно-феодальный и капиталистический, то Сталин фактически сливал или отождествлял их», что наиболее отчетливо выражено в известной сталинской формуле о царизме как средоточии «наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»⁴³¹. Это отождествление, по мнению историка, дало Н. Н. Ванагу методологию для трактовки термина «военно-феодальный империализм» как характеристики «базиса». Не будем гадать, как явно публицистическая оценка царизма, т. е. политической «надстройки», могла стать для Ванага методом для трактовки «базиса». Зафиксируем простой факт: Сталин, единожды упомянув этот термин в 1924 г. в ленинской трактовке, больше никогда к нему не возвращался. В «Кратком курсе» этот термин не использовался ни для характеристики «базиса», ни для характеристики «надстройки», что являлось важнейшим ориентиром для историков того времени. Иными словами, «Краткий курс» в принципе не ориентировал историков на использование этого термина. Напомним еще одно грустное обстоятельство: Ванаг дал расширительное толкование термина «военно-феодальный империализм» в 1934 г., а в 1936 г. он был арестован, а затем расстрелян. Судьба Ванага надолго отбила желание историков обращаться к его идеям. Так что никакого «ущерба» трактовка Ванага нанести советской историографии не могла. Потребовалось время, чтобы Лященко в 1948 г. вернулся к использованию этого термина для характеристики «базиса», но он, так же, как и Ванаг, постоянно делал вид, что трактует термин как «надстройку», т. е. Лященко не усмотрел в работах Сталина методологии, которая позволяла использовать этот термин для характеристики «базиса». Со своей стороны, постаревший Сталин не увидел в трактовке, предложенной Лященко, какой-либо крамолы и дал историку за его двухтомный капитальный труд Сталинскую премию.

Если предвзятость Тарновского в отношении историографических позиций Сталина можно как-то понять и простить, хотя любая предвзятость противоре-

⁴³⁰ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 68.

⁴³¹ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 75.

чит научным нормам, то сложнее оправдать односторонность трактовок, которую Тарновский допустил в отношении позиции Ленина. Эта односторонность была обусловлена убежденностью автора в том, что Ленин исходил из тезиса об экономической зрелости России для социализма в том его понимании, которое создала «школа Сидорова». Позицию историка хорошо передает следующая фраза: «И все высказывания В. И. Ленина, в которых он обосновывает необходимость и возможность победы пролетарской революции в России, содержат указания на *материальную подготовленность социализма....*»⁴³².

Достаточно обратиться к принципиальной резолюции «О текущем моменте», принятой по докладу Ленина на VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП, чтобы опровергнуть этот тезис Тарновского. Анализ резолюции, в которой Ленин обосновал новый стратегический курс партии большевиков, мы сделали в первой главе. Напомним только одну фразу из текста революции: «Пролетариат России, действующий *в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения*, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования»⁴³³.

Считая главной сентябрьскую позицию Ленина 1917 г., Тарновский искал дополнительные аргументы в других работах, и в этой связи обратил внимание на брошюру «Очередные задачи Советской власти», написанную в марте 1918 г. В первоначальном варианте брошюры Ленин, ставя задачу налаживания учета и контроля за производством и распределением продуктов, подчеркивал, что такие задачи могут быть решены «лишь при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом». Тарновский особо отметил эти слова как подтверждение своей позиции. Но далее Ленин писал: «Россия находится в таком положении, когда целый ряд из *первоначальных* предпосылок подобного перехода имеется налицо»⁴³⁴.

Не будем ссылаться на то, что все приведенные строки из первоначального варианта не вошли в итоговый вариант статьи. Возьмем их как данность и поставим вопрос: какой вывод вытекает из этих ленинских строк? По нашему мнению, только тот, что Ленин отмечал «ряд *первоначальных* предпосылок» для переходных шагов к социализму, в данном случае для органи-

⁴³² Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 59.

⁴³³ О текущем моменте // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М.: Госполитиздат. 1958. С. 257.

⁴³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 130–131.

зации рабочего контроля и учета. Но отнюдь не тот категоричный вывод, который делала «школа Сидорова»: Россия экономически созрела для социализма. В пользу нашей трактовки говорит и та задача, которую Ленин ставил в *опубликованном* варианте брошюры «Очередные задачи Советской власти»: остановить «красногвардейскую атаку» на капитал и сосредоточиться на шагах, которые направлены на развитие разных форм госкапитализма под контролем Советской власти⁴³⁵. Остановить атаку требовалось потому, что в России не было условий для непосредственного перехода к социализму.

Эта позиция пронизывает все речи и статьи, произнесенные и написанные Лениным весной 1918 г. На VII съезде РКП(б) Ленин, объясняя причины трудностей Советской власти, говорил: «Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть *готовые формы* капиталистических отношений, а советская власть – пролетарских готовых отношений не получает, если не брать *самых развитых форм* капитализма, которые в сущности охватили *небольшие верхушки* промышленности и совсем мало еще затронули земледелие»⁴³⁶. Таким образом сразу после взятия власти Ленин так оценил уровень развития капитализма в России: *самые развитые формы* капитализма охватили лишь *небольшие верхушки* промышленности. Тарновский этих слов не привел.

Весьма важной является майская статья «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности». Как уже сказано в первой главе, в ней Ленин напомнил о сентябрьской брошюре 1917 г., где он называл ГМК «преддверием» социализма, а теперь категорично заявил: «в *материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в “преддверии” социализма *не находимся*». В этой же статье Ленин написал: «в России *преобладает* сейчас как раз *мелкобуржуазный* капитализм, от которого *и* к государственному крупному капитализму *и* к социализму ведет одна *и та же* дорога»⁴³⁷. Тарновский не мог не знать этой работы, но он также не привел эту однозначную ленинскую оценку, потому что она отвергала присущее «школе Сидорова» прямое проецирование сентябрьской оценки Ленина сути ГМК на ситуацию в России. Тарновский был обязан сравнить оценки осени 1917 г. и весны 1918 г. и объяснить, чем обусловлена разница позиций.

⁴³⁵ Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 177–178.

⁴³⁶ VII экстренный съезд РКП(б). Март 1918. Стенографический отчет. М.: 1962. С. 10.

⁴³⁷ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 299, 301, 303.

Возникает вопрос: может быть Тарновскому мешали это сделать официальные партийные установки, которые он не мог нарушить? В данном конкретном случае такой проблемы не было. Напротив, автор скорее шел наперекор партийным установкам.

Новая Программа КПСС, принятая в 1961 г., в разделах, посвященных истории Октября, не содержала ни тезиса о «зрелости», ни тезиса о монополистическом характере российского капитализма в эпоху империализма. Программа повторяла трактовку «Краткого курса»: «Россия была наиболее *слабым звеном* в системе империализма и *узловым пунктом* всех его противоречий. Вместе с тем, в ней сложились и *необходимые условия* для победы социализма. *Рабочий класс* России отличался самой высокой в мире революционностью, организованностью и обладал большим опытом классовой борьбы. Во главе его стояла марксистско-ленинская *партия*, вооруженная передовой революционной теорией и закаленная в классовых битвах. Партия большевиков соединила в один *революционный поток* борьбу рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительную борьбу угнетенных народов России и направила эти силы на свержение капитализма»⁴³⁸.

Иными словами, как и в «Кратком курсе», понятие «необходимые условия» раскрывались без упоминаний о монополистическом характере российского капитализма с акцентом на революционный потенциал пролетариата и роль его партии, которая смогла соединить в единый поток борьбу за мир, землю и свободу от национального гнета с борьбой за социализм.

Отметим, что и Сидоров, и Тарновский всегда ссылались на Программу КПСС, но никогда не цитировали этот ключевой фрагмент, поскольку не смогли найти там подтверждение своей позиции.

С большими трудностями Тарновский встретился и при обращении к главному труду Ленина по теории империализма – книге «Империализм, как высшая стадия капитализма». Анализируя ее, Тарновский фактически пошел по пути Сидорова. Как известно, в этой теоретической работе Ленин нечасто упоминал о России, но сделал две принципиальные оценки.

Во-первых, Ленин определил Россию как «*страну наиболее отставшую* в экономическом отношении ..., в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапита-

⁴³⁸ Программа КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. С. 11.

листических»⁴³⁹. Тарновский в своей книге привел только вторую часть этой цитаты, т. е. без слов «наиболее отставшая в экономическом отношении»⁴⁴⁰. А это меняло смысл оценки: без первой части получалось, что новейший капитализм, хотя и оплетен докапиталистическими отношениями, тем не менее доминирует в экономике России, т. е. уже стал *основой* экономической жизни страны, как утверждал Сидоров. Слова «наиболее отставшая в экономическом отношении» исключали такую трактовку. Сидоров это понимал и, критикуя в 1938 г. концепцию Покровского, вообще опустил эту ключевую оценку, данную Лениным. Тарновский ее привел, но урезал.

Во-вторых, в этой книге Ленин выделял области сильного и слабого развития капитализма и поставил Россию в ряд со странами восточно-азиатского региона, говоря, что есть две области «слабого развития капитализма, российская и восточноазиатская»⁴⁴¹. Известно, что практически все восточно-азиатские страны того времени, в которых существовал капиталистический уклад, были колониями и полуколониями. В таком контексте трудно увидеть вывод об экономической зрелости России для социализма. Тарновский, как в свое время и Сидоров, просто не привел эту оценку.

Понятно, что оценки уровня развития российского капитализма, данные Лениным в сугубо теоретической работе, написанной в эмиграции вне непосредственного влияния каких-либо злободневных событий в России, являются более объективными, чем те, которые делал Ленин-политик в период острой борьбы за власть осенью 1917 г. Ясно и то, что каждый историк должен различать выводы теоретического и политического плана и соотносить оценки, которые дает политик, с той ситуацией, в которой он это делает. Тарновский не выполнил этих методологических требований. Он опустил ключевые оценки, сделанные Лениным летом 1916 г. в главной теоретической работе по империализму, равно как и оценки, сделанные в принципиальных работах весной 1918 г., и представил Ленина носителем только сентябрьской (1917) позиции.

Приведем еще один пример того, как Тарновский трактует позиции Ленина. Он интересен и как один из первых примеров использования историком концепции многоукладности. Признавая важность учета многоукладности российской экономики, Тарновский писал: «понятие *среднего* уровня развития капитализма Ленин раскрывал при помощи целой гаммы оттенков степени

⁴³⁹ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 378.

⁴⁴⁰ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 228.

⁴⁴¹ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 393.

развития различных *укладов* экономики России (высокая степень развития капитализма в промышленности и банковом деле, значительное – в земледелии при наличии прямо-таки архаичных форм в землевладении), выделяя капитализм и *империализм* в качестве *ведущего* уклада России начала XX в.». И далее историк делал вывод: «Все это, однако, не изменяло коренного положения о закономерности Октябрьской революции, о ее *порождении противоречиями высокоразвитого капитализма*»⁴⁴². Этот вывод был закреплен и таким утверждением Тарновского: «Ленин постоянно выделял *коренные* причины социалистической революции (противоречия высокоразвитого капитализма)»⁴⁴³. Историк говорил не о причинах социалистической революции на уровне теории, а конкретно о причинах такой революции в России.

Сделаем три кратких замечания по поводу сказанного:

– Ленин никогда не называл Россию страной *среднего* уровня развития капитализма. Так Россию оценил Сталин в 1928 г. в период работы над Программой Коминтерна. Ленин определял Россию как страну «средне-слабого» уровня развития капитализма, т. е. слабого, но не самого слабого⁴⁴⁴;

– Ленин никогда не называл *империализм* «ведущим укладом» в экономике России; он говорил, что самые развитые формы капитализма охватили «лишь *небольшие верхушки* промышленности»;

– Ленин никогда не говорил о том, что Октябрьская революция порождена противоречиями *высокоразвитого капитализма*. Его мартовские письма и резолюции, принятые VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП и VI съездом партии в июле 1917 г., исключают такую трактовку. Ленин прямо связывал возможность победы пролетариата в России с крестьянской революцией.

Таким образом, во всех своих определениях Тарновский завышал тот уровень развития капитализма в России, который давался Лениным, пытаясь таким образом подтвердить позицию «школы Сидорова» ссылками на авторитет Ленина.

Вторую главу своей книги Тарновский завершает критикой второго тома «Истории народного хозяйства СССР», написанного П. П. Лященко. Он справедливо говорит о том, что «данная Лященко обобщенная характеристика российского империализма целиком исходила из положений "Краткого

⁴⁴² Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 60.

⁴⁴³ Там же. С. 62.

⁴⁴⁴ Ленинский сборник. XI. М.; Л.: Госиздат. 1929. С. 397.

курса». «Россия, – писал он – (П. П. Лященко – В. К.), не являлась классической страной капиталистического империализма новейшего типа. Ее экономика находилась в *полуколониальной* зависимости от иностранного капитала, с одной стороны, и изобиловала большим количеством феодально-крепостнических пережитков, с другой. Поэтому монополистический капитализм в России носил *военно-феодальный* характер, был отсталым и зависимым»⁴⁴⁵. Тарновский не согласен со всеми основными аспектами позиции Лященко. Однако он уклоняется от конкретной критики как тезиса о полуколониальной зависимости, так и тезиса о военно-феодальном характере российского капитализма. Причина проста: то содержание, которое вкладывал Лященко в эти два термина, не поддавалось критике потому, что отвечало реальной ситуации. Тарновский смог упрекнуть Лященко только в том, что «ряд сторон проблемы монополистического капитализма в России П. И. Лященко осветить не смог», а также в том, что тот рассматривал синдикаты «как предел, дальше которого российские монополии в своем развитии не пошли». Упреки говорят сами за себя. Естественно, что в работе общего плана Лященко не мог осветить все проблемы монополистического капитализма в России. Что касается синдикатов, то бесспорный факт состоит в том, что к 1917 г. именно синдикаты составляли большинство российских монополий, и зарождение первых трестов и концернов не меняло ситуацию. Таким образом, упреки в адрес Лященко не носили концептуального характера. Они не разрушали его концепции. Иными словами, мы видим знакомую картину: попытки найти концептуальные ошибки у Лященко или в «Кратком курсе» закончились ничем. Все свелось к осуждению двух действительно неудачных терминов без анализа того содержания, которое в них вкладывалось.

Неспособность Тарновского показать концептуальные ошибки в работе Лященко, обусловленные использованием терминов «полуколония» и «военно-феодальный империализм», имела принципиальное значение, поскольку эти термины в первое послевоенное десятилетие повторялись, по компетентному свидетельству Тарновского, «почти во всех работах по истории российской промышленности»⁴⁴⁶. Тарновский осудил всех авторов за использование этих терминов, но не привел ни одного убедительного примера, который показал бы реальные ошибки, обусловленные этим использованием. Таких

⁴⁴⁵ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 75.

⁴⁴⁶ Там же. С. 87.

ошибок не было по той простой причине, что никто из историков не ставил Россию на один уровень с Ираном или Китаем, понимая условный характер термина «полуколония» в отношении России. Никто не говорил, что в России развивалась какая-то особая форма капитализма, принципиально отличная от той, что развивалась в Европе. Проблема состояла в том, чтобы наиболее удачно определить национальные особенности российского капитализма в предреволюционной России. Ванаг и Лященко определили эти особенности термином «военно-феодальный империализм». Термин был неудачным по двум причинам. Во-первых, потому, что Ленин действительно говорил только о «надстройке», и Ванагу и Лященко приходилось на каждом шагу оправдываться за расширительное толкование с тем, чтобы не вступать в конфликт с точкой зрения Ленина. Во-вторых, потому, что «базис» российского общества в начале XX в. был в целом капиталистическим, а термин «военно-феодальный империализм» вольно или невольно переключал внимание читателя на роль феодальных пережитков. Как уже отмечалось, Сталин новацию Ванага не поддержал и не включил термин в «Краткий курс». Тем не менее после явно сильной работы Лященко термин стали использовать многие историки. Повторим уже не раз сказанное: неудачные термины в классической работе Лященко были, неправильных концепций – не было.

В третьей главе своей книги Тарновский показал, как шло изучение эпохи империализма в России в период после XX съезда КПСС. Эта глава в основном свободна от тех недостатков, с которыми мы встретились во второй главе при анализе работ Ленина и Сталина, и показывает очень хорошее знание автором современной литературы. Тем не менее в ней содержится прежнее стремление автора подвести читателя к выводу, что конкретные результаты изучения процессов развития доказали высокий уровень развития российского капитализма накануне и в период войны, а также однотипность российского и западного монополистического капитализма и таким образом опрокинуть «установившиеся в 1940-х – начале 50-х гг. представления о высоте и степени монополизации народного хозяйства страны, о развитии государственно-монополистического капитализма в России»⁴⁴⁷. При этом автор широко использовал материалы и выводы, сделанные Сидоровым и его учениками на сессии Научного совета «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», прошедшей в Ленинграде в сентябре 1961 г. Ранее мы рассмотрели основные доклады, представленные на

⁴⁴⁷ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 192.

этой сессии, и сделали свои замечания. Не будем их повторять. Отметим лишь, что вновь и вновь автор возвращается к критике тезисов о России как «полукolonии» и «военно-феодальному» характеру российского империализма, понимая их буквально и избегая анализа содержания, которое в эти понятия вкладывал Лященко.

Однако конец книги получился неожиданным. Тарновский, анализируя новейшую литературу и материалы ленинградской сессии 1961 г., на которой звучали разные голоса, пришел к пониманию необходимости модифицировать тезис о том, что российский капитализм принципиально не отличался западного капитализма. Дело в том, что на сессии, хотя внешне доминировала точка зрения Сидорова, и именно его ученики сделали основные доклады, во многих выступлениях звучали оценки и приводился материал, который противоречил концепции Сидорова. Все громче звучали голоса историков-аграрников, которые в 1960 г. провели свою очень важную сессию и с тех пор активно проводили мысли о невозможности оценивать уровень развития российского капитализма с опорой только на промышленность и банковский сектор. Тарновский внимательно изучил материалы обеих сессий и... сделал сильный ход. Он заявил о необходимости разграничить два понятия: особенности *экономики России* периода империализма, с одной стороны, и особенности *российского империализма как одного из укладов*, с другой⁴⁴⁸. На эту мысль Тарновского натолкнула фраза историка Е. Д. Черменского: «Крепостнические пережитки не были особенностью российского империализма», «в экономических признаках империализма в России не было ничего феодального»⁴⁴⁹. Важную эвристическую роль сыграла и концепция «многоукладности», которая стала утверждаться в исторической науке на рубеже 1960-х гг. и способствовала осознанию того факта, что экономика России представляет собой совокупность укладов с разным уровнем развития. На сессии звучала и мысль о том, что империализм является надстройкой над «старым» капитализмом, результатом его развития. Об этом говорил и писал М. Я. Гефтер⁴⁵⁰, с которым Тарновский тесно сотрудничал. Разграничив два указанных понятия, Тарновский получил возможность сохранить вывод о высоком уровне развития монополистического капитализма *как уклада* в экономике России и признать существо-

⁴⁴⁸ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 229.

⁴⁴⁹ Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М.: Учпедгиз, 1959. С. 18, 19.

⁴⁵⁰ В частности, в упомянутой статье «Империализм в России», опубликованной в 1964 г. в 5 т. «Советской исторической энциклопедии».

вание слаборазвитых домонополистических укладов как капиталистического, так и докапиталистического характера.

С сожалением отметим, что Тарновский попытался представить дело так, как будто именно Лященко и его сторонники не проводили такого разграничения, и увидел в этом их принципиальную ошибку: «В смешении особенностей *экономики* России периода империализма и особенностей *российского империализма* мы и видим главную ошибку сторонников расширительного истолкования понятия “военно-феодальный империализм”»⁴⁵¹. Невозможно согласиться с такой трактовкой, поскольку именно Лященко признавал существование в «*общей экономике России*» как структур ГМК, так и отсталых аграрных форм. Свою концепцию Лященко построил на ленинской фразе о том, что в России «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня» сочетались с «самым передовым промышленным и финансовым капитализмом». Вот как он оценивал ситуацию в экономике предвоенной капиталистической России: «в *общей экономике* России сохранялись пережитки средневекового деспотизма, господство крепостнического землевладельческого класса и *отсталые формы аграрной экономики*»⁴⁵². И именно поэтому он называл российский монополистический капитализм «военно-феодальным».

А вот «школа Сидорова» и прежде всего сам Сидоров не проводили указанных разграничений и говорили о зрелости для социализма экономики России как целого. По Сидорову Россия в целом вступила в стадию монополистического капитализма. Он нигде не предложил другой трактовки, потому что любая другая трактовка ставила под сомнения и тезис об экономической зрелости России для социализма и тезис об одинаковой природе новейшего капитализма в России и на Западе.

Тарновский не осознавал разрушительных последствий своего предложения для «школы Сидорова». Он просто увидел красивый выход из того затруднительного положения, в котором оказалась концепция Сидорова, и предложил использовать концепцию «многоукладности». Выступив против смешения двух понятий (особенностей империализма в России как части капиталистического уклада и особенностей экономики России периода империализма), Тарновский писал: «Не трудно видеть, что второе понятие более широкое, чем первое. Раскрыть его можно, опираясь на положения В. И. Ленина о *многоукладности* российской экономики, о сочетании капи-

⁴⁵¹ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 228.

⁴⁵² Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. 3-е изд. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1952. С. 220.

тализма как ведущего, *определяющего уклада* с пережитками феодализма и даже патриархальщины, а в пределах капиталистического уклада – о сочетании мелких кустарных промыслов с крупной промышленностью, высококонцентрированной и объединенной монополистическими организациями. Что же касается особенностей российского империализма, то это понятие более узкое, оно не покрывает даже всего капиталистического уклада»⁴⁵³.

В контексте концепции «многоукладности» Тарновский сделал еще одно важное предложение: поставил вопрос о необходимости изучения «подпочвы» монополистического капитализма, т. е. всех стадий и условий развития капитализма в России⁴⁵⁴.

К чести Тарновского отметим, что он не приписал себе заслугу в постановке всех этих вопросов и написал, что «постановка указанных вопросов *рядом участников* сессии отразила закономерный поворот внимания исследователей от чисто «империалистической» проблематики и вопросов взаимоотношений капиталистических монополий с политической надстройкой к более широкой, комплексной проблеме, *проблеме типа капиталистической эволюции России*»⁴⁵⁵.

Затем он поставил еще одну новаторскую задачу. Заинтересовавшись проблемой «многоукладности», Тарновский обратился к работам историков-востоковедов, которые первыми стали активно использовать «многоукладность» как метод исследования экономики развивающихся стран. В начале 1964 г. Тарновский написал рецензию на книгу востоковеда А. И. Левковского «Особенности развития капитализма в Индии». (М., 1963)⁴⁵⁶. Процессы становления капитализма в Индии напоминали процессы развития капитализма в царской России. Тарновский повел речь об общих чертах развития капитализма в царской России и в современных странах так называемого «третьего мира», бывших колоний и полуколоний: «Этими общими моментами являются форсирование капиталистического развития методами широкого государственного вмешательства в экономику, более или менее значительное развитие государственного хозяйства, государственно-капиталистического сектора, наконец, достаточно сильный приток иностранных капиталовложений в народное хозяйство указанной группы стран». Отталкиваясь от этой общности, историк ставит

⁴⁵³ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 226–227.

⁴⁵⁴ Там же. С. 232–233.

⁴⁵⁵ Там же. С. 233.

⁴⁵⁶ Тарновский К. Н. О социологическом изучении капиталистического способа производства // Вопросы истории. 1964. № 1. С. 120–132.

вопрос: не предвосхитила ли Россия особенностями своего развития некоторые из этих общих закономерностей? И предлагает заняться его изучением⁴⁵⁷.

Вот таким неожиданным был итог книги, которая начиналась под знаком формулы Сидорова: российский капитализм принципиально не отличался западного капитализма, хотя и был более отсталым. Закончилось исследование призывом посмотреть на царскую Россию как модель для стран «третьего мира». Своими предложениями Тарновский начал процесс подрыва позиции «школы Сидорова», хотя субъективно не ставил такой цели.

Уже к концу 1960-х гг. «школа Сидорова» в ее классическом варианте перестала существовать. Это было связано не столько со смертью Сидорова в 1966 г., сколько с осознанием невозможности объяснить Октябрьскую революцию и все последовавшие проблемы строительства социализма в России на основе тезиса: «Россия экономически созрела для социализма». Пересмотр позиций шел в рамках концепции «многоукладности». Много лет спустя П. В. Волобуев так объяснил причины пересмотра: «Нам стало ясно, что нельзя выводить Октябрьскую революцию напрямую из зрелости русского капитализма, *как мы это делали раньше*. ... Многоукладность интересовала прежде всего как фактор, порождавший ту сумму социальных противоречий, без которых нельзя понять остроту и масштабы общественно-политического кризиса, растянувшегося в России почти на 20 лет и породившего революции 1905–1907 и 1917 годов»⁴⁵⁸.

Пересмотр учениками позиции учителя не стал поводом для отрицания заслуг Сидорова. Об уважении к его памяти свидетельствовал сборник статей и воспоминаний, изданный в 1970 г. под названием «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции»⁴⁵⁹. В 1973 г. вышла книга «Экономическое положение России в годы первой мировой войны», в основе которой лежал расширенный текст докторской диссертации Сидорова, в которой было много интересного материала⁴⁶⁰.

Впрочем, та критика, которой представители школы подвергали своих оппонентов, породила и некоторые язвительные замечания в ее адрес. Вот фрагмент из воспоминаний историка П. Н. Зырянова, «младшего современника», как он себя отрекомендовал: «Возвращаюсь, однако, к “школе Сидо-

⁴⁵⁷ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма... С. 238–239.

⁴⁵⁸ Волобуев П. В. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: 2000. С. 36.

⁴⁵⁹ Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1970.

⁴⁶⁰ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973.

рова”. Несмотря на яркость этого явления (это – не шутка, это действительно так), несмотря на то, что коллективными усилиями была создана красочная картина “передового промышленного и финансового капитализма” по уровню своего загнивания ничуть не уступавшего развитым странам Запада, успехи этого направления исследований, если приглядеться, оказались не столь уж велики. ... Словом, оказалось справедливым многое из того, за что Сидоров критиковал Лященко, ... “школе Сидорова” мы обязаны не только *мифотворчеством* о передовом и загнивающем российском империализме, но и значительными положительными достижениями»⁴⁶¹.

Конечно, термин «мифотворчество» является перебором, равно как и попытка приписать школе увлеченность тезисом о «загнивающем» российском капитализме. Сторонники школы делали акцент на быстрое и успешное развитие российской промышленности, отмечая факты торможения, связанные, например, с «топливным голодом». Но слова Зырянова о том, что в итоге «оказалось справедливым многое из того, за что Сидоров критиковал Лященко», правильно передают тот упрек, который можно сделать «школе Сидорова»: раскритиковав Ванага и Лященко, Сидоров и Тарновский на несколько лет утвердили в качестве историографической доминанты тезис об однотипности российского и западноевропейского капитализма в эпоху империализма, а также тезис о противоречиях *высокоразвитого* капитализма как главных *причинах* Октября. Не следует преувеличивать негативное значение этой доминанты, поскольку и Гефтер, и Анфилов, и Волобуев, и целый ряд других историков фактически не поддерживали радикальных оценок Сидорова, хотя и не выступали против них.

Главная заслуга «школы Сидорова» состояла в том, что ее сторонники провели огромную работу по изучению процессов становления монополистического и государственно-монополистического капитализма в России и показали невозможность игнорировать созданные этими процессами организационно-технические, экономические и социально-политические предпосылки, без которых была бы невозможна ленинская стратегия переходных шагов к социализму. «Школа Сидорова» стала естественным этапом, который подготовил *новый этап* в изучении советскими историками предпосылок и причин Русской революции в целом и ее октябрьского финала в особенности. Объективно задача нового этапа состояла в том, чтобы найти такую трактовку предпосылок и причин, которая строилась бы на основе, свободной как от преувеличения, так и принижения степени зрелости России для перехода к социализму.

⁴⁶¹ Зырянов П. Н. «Школа Сидорова»: воспоминания младшего современника // Acta Slavica Iaponica. Vol. 13. Sapporo, 1995. С. 260.

Глава 4. «НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ»: 1968–1974 гг.

Как было показано в предыдущей главе, задачи нового этапа историографии эпохи империализма сформулировал К. Н. Тарновский в своей книге в 1964 г., а к концу 1960-х гг. уже сложилась неформальная группа историков, которые эти задачи решали. Группа получила название «новое направление» и, если верить П. Н. Зырянову, название предложил И. Ф. Гиндин⁴⁶². Признанным главой группы стал П. В. Волобуев, занявший в 1969 г. пост директора Института истории СССР АН СССР. Важную роль в осмыслении и интерпретации процессов развития историографии играл К. Н. Тарновский. Волобуев впоследствии роль «своеобразных генераторов новых идей» отводил К. Н. Тарновскому и И. Ф. Гиндину⁴⁶³, однако на наш взгляд, главным «генератором» наиболее радикальных идей был М. Я. Гефтер.

Речь шла о создании новой концепции, в основе которой лежал ленинский тезис о том, что Россия начала XX в. представляла собой страну с многоукладной экономикой, и при оценке общего уровня и характера развития страны надо учитывать удельный вес, роль и перспективы развития каждого из существовавших в ней укладов. Ленин не использовал термин «многоукладность», но не раз формулировал эту идею. На рубеже XX в. Ленин и многие другие историки и экономисты самых разных взглядов, прекрасно понимали, что в пореформенной России в аграрной сфере существовали *докапиталистические* отношения, отличные от тех, что утвердились в промышленности. Порой для их характеристики использовался термин *уклад*. Так, Ленин в работе «Развитие капитализма в России» (1899) писал, что «строй экономических отношений в “общинной” деревне отнюдь не представляет из себя особого *уклада* (“народного производства” и т. п.), а обыкновенный мелкобуржуазный *уклад*»⁴⁶⁴.

Однако концептуальный взгляд на экономику России как систему различных социально-экономических укладов был сформулирован Лениным только весной 1918 г., когда в статье «О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности». Ленин охарактеризовал все уклады, которые существовали в Советской России, и на этой основе определил главную задачу: идти к социа-

⁴⁶² Зырянов П. Н. «Школа Сидорова»: воспоминания... С. 263.

⁴⁶³ Севостьянов Г. Н. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи / отв. ред. П. В. Волобуев. М.: 2000. С. 35.

⁴⁶⁴ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 165.

лизму через различные формы госкапитализма⁴⁶⁵. Поскольку Ленин говорил об экономике Советской России, то концепция укладов не сразу была использована применительно к экономике царской России.

Процесс становления новой концепции оказался трудным, поскольку возникла необходимость точного определения *социально-экономической сущности* каждого из укладов и социально-экономического строя в России в целом. И практически сразу стало ясно, что «новое направление» несло с собой как положительные, так и отрицательные моменты. Положительные моменты заключались в отказе от прямолинейного тезиса Сидорова об *однотипности* капитализма в России и в странах Запада в эпоху империализма и от столь же прямолинейного тезиса о *зрелости* экономики России для социалистической революции. Отрицательные моменты состояли в том, что ряд историков, отказываясь от концепции А. Л. Сидорова, впали в другую крайность. В отличие от Н. Н. Ванага и П. И. Лященко, которые, хотя и использовали термин «военно-феодальный империализм», всегда подчеркивали *поступательный процесс* развития капитализма в России, А. М. Анфимов, М. Я. Гефтер, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский выдвинули тезис о «консервации» феодальных пережитков, о том, что в условиях России социально-экономическое развитие по пути капитализма *не могло преодолеть многоукладности* российской экономики. М. Я. Гефтер выдвинул тезис о «кризисе системы», зашедшей в тупик. Таким образом, после критики концепции «военно-феодального империализма» за преувеличение национальной специфики России, была создана концепция, которая еще более преувеличивала эту специфику. Целый ряд историков, готовых принять концепцию «многоукладности» как метод анализа российской действительности, не были готовы принять тот вариант концепции «многоукладности», который предложили сторонники «нового направления» с его тезисом о «консервации». Необходимо отметить, что никакой идейной «крамолы» во взглядах историков «нового направления» не было. Напротив, даже самый радикальный тезис о «консервации» феодальных пережитков был лишь экстравагантной формой обоснования вывода о конкретно-исторической необходимости Октября как революции, обеспечившей выход из тупика. Однако М. Я. Гефтер обострил ситуацию, выдвинув тезис о необходимости «нового прочтения» Ленина и всей исторической концепции марксизма, который был воспринят в идеологических структурах ЦК КПСС как призыв к ревизии основ марксизма.

⁴⁶⁵ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296.

Неоднозначные новации в области *социально-экономической* истории совпали с попытками преодолеть упрощенные оценки ряда важных сюжетов *социально-политической истории* Русской революции. Речь шла о трактовке степени зрелости рабочего класса России накануне и в ходе Февральской революции, роли партии большевиков в ее проведении, истории принятия партией новой стратегии в апреле 1917 г. и др. Эти попытки вызвали наибольшие опасения у консервативной части историков и идеологов в ЦК КПСС. Поскольку они также были связаны с именем П. В. Волобуева, постольку именно на него был направлен основной удар, который питался и личностными факторами и карьерными интересами. В итоге в научную критику ряда положений «нового направления» вмешались совсем ненаучные мотивы. Все это сплелось в тугой клубок и привело к *административному* разгрому «нового направления». Разгром нанес вред исторической науке в целом, затормозив творческий поиск многих ученых

Сессия историков-аграрников 1960 года. Формирование «нового направления» подспудно шло уже с рубежа 1960-х г. усилиями историков-аграрников. Весьма важной в этом плане стала состоявшаяся в мае 1960 г. сессия Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», посвященная аграрной истории России в период империализма. Материалы сессии были изданы в сборнике «Особенности аграрного строя России в период империализма»⁴⁶⁶. На сессии столкнулись две точки зрения: тех, кто считал капиталистические отношения так или иначе преобладающими в аграрной сфере, и тех, кто это отрицал и говорил о большом объеме и живучести феодальных пережитков.

Центральным стал доклад **С. М. Дубровского** «К вопросу об уровне развития капитализма в России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма», в котором подчеркивался процесс утверждения капиталистических отношений в сельском хозяйстве, говорилось о *преобладании* этого процесса в аграрной сфере в целом и в крупном *землевладении*, где сохранились самые существенные пережитки прошлого. По подсчетам историка, к 1917 г. капиталистическое землевладение охватывало уже 33 % всех земель, а крепостнические «латифундии», в которых преобладали отработки – 27 %. Дубровский полагал, что в целом развитие шло по «прусскому пути», но этот путь еще не победил, что оставляло в повестке дня вопрос о буржуаз-

⁴⁶⁶ Особенности аграрного строя России в период империализма / С. М. Дубровский, М. А. Рубач, А. М. Анфилов и др. М.: Из-во АН СССР, 1962.

но-демократической революции. В то же время автор подчеркивал, что достигнутый уровень развития аграрного капитализма создавал предпосылки для перерастания демократической революции в социалистическую. В основе концепции перерастания лежал тезис о двух социальных войнах, нараставших в деревне в довоенной России⁴⁶⁷. В целом Дубровский следовал своей концепции, изложенной в книге 1925 г. Она легла в основу его новой книги, изданной в 1963 г. под названием «Столыпинская земельная реформа»⁴⁶⁸. Позиция Дубровского получила поддержку ряда историков.

Андрей Анфимов (1916–1995). Иную точку зрения на сессии защищал историк А. М. Анфимов. Он прошел войну, остался на службе в армии и поздно вошел в науку, но практически сразу же внес в историографию новую струю, которая не отвечала основным положениям «школы Сидорова», хотя вначале это, может быть, никем не осознавалось. Вопреки тезису Сидорова о принципиальном единстве российского и западноевропейского капитализма, его ученик делал акцент на особенностях российского капитализма, отмечая низкий уровень его развития в деревне. Уже накануне сессии Анфимов опубликовал статью, в которой говорил, что вплоть до Первой мировой войны «в земледельческом строе Европейской России полукрепостнические порядки еще *превалировали* над капиталистическими». Аргументом служили указания на распространенность таких примитивных форм аренды как отработки, которые традиционно в литературе оценивались как пережитки крепостничества. Более того, автор, указывая на политическую власть крепостников-помещиков, полагал, что она обеспечивала «*господство* полукрепостнических аграрных отношений во всей стране, *препятствуя* смене их капиталистическими»⁴⁶⁹. Эта оценка могла быть по-разному истолкована, в том числе и как отрицание поступательного развития капитализма в аграрной сфере царской России. И действительно, такая трактовка вскоре появилась, но в этой статье автор отмечал, что в начале XX в. часть помещичьих хозяйств шла по пути капиталистического развития.

На сессии 1960 г. в докладе «В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века» Анфимов также говорил о том, что капиталистический способ производства *не был преобладающим* в сельском хозяй-

⁴⁶⁷ Дубровский С. М. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма (две социальные войны) // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 5–44.

⁴⁶⁸ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М.: Из-во АН СССР, 1963.

⁴⁶⁹ Анфимов Л. М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Ист. записки. 1959. Т. 65. С. 119–120, 159.

стве предреволюционной России и подчеркивал весомость крепостнических пережитков⁴⁷⁰. Автор пошел традиционным путем: он искал соответствующие оценки в работах Ленина. «В. И. Ленин, – говорил Анфимов, – не считал, что аграрный капитализм, победив в смысле направления развития, *уже стал преобладающим* способом производства в сельском хозяйстве России в целом, хотя в ряде районов он, безусловно, уже достиг этого»⁴⁷¹.

Свой тезис историк подтвердил двумя ленинскими оценками:

1) «в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки» (1908)⁴⁷²;

2) «В России, несомненно, уже упрочилось и неуклонно развивается столь же капиталистическое устройство земледелия. И помещичье, и крестьянское хозяйство *эволюционируют* именно в этом направлении. Но чисто капиталистические отношения *придавлены еще* у нас в громадных размерах отношениями крепостническими» (1912)⁴⁷³.

Проанализировав целый ряд других ленинских оценок, сделанных *после* первой русской революции, Анфимов показал, что среди них нет ни одной, где Ленин прямо говорил бы о преобладании капиталистических отношений в аграрной сфере предвоенной России. Автор отметил, что до революции 1905 г. Ленин в борьбе с народниками подчеркивал процесс развития капитализма в деревне и расслоения крестьянства, но после опыта совместной борьбы всех слоев крестьянства против помещиков в 1905–1906 гг. и после появления радикальной программы «трудовиков» в Государственной думе первого созыва, Ленин стал делать акцент на незавершенности этого процесса, связывая с этим возможность новой и весьма радикальной аграрной революции.

Анфимов вполне приемлемо ответил на вопрос, какой же уклад доминировал в дореволюционной деревне, взяв в качестве критерия объемы сельскохозяйственной продукции: «накануне Первой мировой войны хозяйства кулаков производили 1900 млн пудов зерна, тогда как на долю хозяйств бедноты и середняков приходилось 2500 млн пудов. Другими словами, преобладающую роль в сельскохозяйственном производстве продолжали играть так называемые *потребительские и простые товарные хозяйства*»⁴⁷⁴.

⁴⁷⁰ Доклад опубликован: Анфимов А. М. В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века // Вопросы истории. 1960. № 4. С. 140–153.

⁴⁷¹ Там же. С. 152.

⁴⁷² Ленин В. И. По торной дорожке // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 32.

⁴⁷³ Ленин В. И. Сущность аграрного вопроса в России // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 307.

⁴⁷⁴ Анфимов А. М. В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России... С.150.

Однако такой ответ не снимал вопроса о роли капиталистических отношений в сельском хозяйстве, поскольку мелкотоварные производители не существовали в безвоздушном пространстве, а вступали как минимум в торговые отношения, продавая свое зерно на рынке скупщикам, т. е. капиталистическим предпринимателям. Широкое распространение получили купля-продажа и аренда земли, наем временной рабочей силы на полевые работы, уход части членов крестьянских семей на заработки в город и другие подобные действия. Они «окуtywали» трудовые крестьянские хозяйства капиталистическими отношениями.

Все это делало сложным вопрос оценки характера социально-экономических отношений в деревне. Он сразу же перерастал в более широкий вопрос: как в целом оценить экономику царской России в начале XX в.? Вопрос возникал в связи с тем, что аграрный сектор давал большую часть национального дохода дореволюционной России, и с ним была связана большая часть населения. Накануне мировой войны национальный доход от сельского хозяйства (4,6 млрд р.) вдвое превышал доход от промышленности (2,3 млрд р.)⁴⁷⁵.

По сложившейся традиции советские историки оценивали Россию как страну, которая после реформы 1961 г. перешла от феодализма к капитализму. Пережитки феодализма по умолчанию рассматривались как некий отстающий элемент в рамках развивающейся капиталистической системы. Логика размышлений Анфимова ставила под вопрос эту позицию, ибо он делал упор на том, что через полвека после отмены крепостного права в аграрном секторе *доминировали* докапиталистические отношения, среди которых важное место занимали полукрепостнические.

Напомним, что в том же 1960 г. М. Я. Гефтер в седьмом томе «Всемирной истории» также подошел к этой проблеме и дал на нее такой ответ: «Крайняя неравномерность развития отдельных частей *общероссийской капиталистической системы* усилилась с переходом к империализму. В России особенно велик был разрыв между немногими высокоразвитыми отраслями промышленности и остальными ее отраслями. Рядом с крупными индустриальными районами продолжали сохраняться огромные территории, на которых *только совершался переход* от патриархально-феодалных отношений и полунатурального хозяйства к капитализму в его домонополистических формах»⁴⁷⁶. Ответ Гефтера грешит неопределенностью. С одной сторо-

⁴⁷⁵ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б. Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1982. С. 3.

⁴⁷⁶ Всемирная история. В 10-ти томах. Т.7. М. 1960. С. 314.

ны, он говорил об общероссийской капиталистической системе, как бы включая в нее все иные уклады. С другой стороны, упоминание об огромных территориях, которые находились в стадии перехода к капитализму от патриархально-феодалных отношений, ставило вопрос о правильности их включения в капиталистическую систему. Гефтер не уточнил свою позицию.

Анфимов также не сделал этого. Он перевел проблему в плоскость анализа позиции крестьян накануне и в период Русской революции: «В общем, диалектика изменения аграрных отношений в 1917 г. была такова, что, с одной стороны, аграрный капитализм еще не был настолько развит, чтобы крестьянство от требования национализации повернуло к требованию раздела, и оно боролось прежде всего за землю. Но, с другой стороны, аграрный капитализм пустил уже настолько глубокие корни, чтобы сделать возможным союз рабочего класса с деревенской беднотой в социалистической революции»⁴⁷⁷. Этой оценкой Анфимов повторял то, что говорил Дубровский, и было принято большинством советских историков. Вслед за Лениным они вкладывали в программу крестьян требование *национализации* земли, хотя, как всем было известно, крестьяне требовали запрета частной собственности на землю и ее купли-продажи, что эсеры более точно трактовали как требование *социализации* земли.

Далее Анфимов правильно поставил и решил вопрос о движущих силах Октября: «В момент свершения Великой Октябрьской социалистической революции крестьянство, заинтересованное в доведении прежде всего до конца буржуазных аграрных преобразований, шло за большевиками в значительной мере еще как *целое*». Он отметил, что раскол крестьянства произошел лишь летом 1918 г., в эпоху комбедов, когда поддержка беднейшего крестьянства позволила большевикам удержать власть. Эти идеи не были новацией, однако важно отметить, что историк, принадлежавший к «школе Сидорова», выдвинул положение, которое противоречило тезису о том, что Октябрь был результатом противоречий высокоразвитого капитализма. «В. И. Ленин, – писал Анфимов, – считал, что социалистическая революция явится результатом развития противоречий *различного рода*»⁴⁷⁸.

Доклад Анфимова на сессии вызвал критику со стороны ряда историков (С. М. Дубровский, Л. А. Селивановская, М. А. Рубач, А. В. Шапкарин), которые полагали, что в сельском хозяйстве России капиталистические отно-

⁴⁷⁷ Анфимов А. М. В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России... С.153.

⁴⁷⁸ Там же. С. 152.

шения в целом преобладали. Они занимали традиционную позицию: после отмены крепостного права буржуазно-капиталистические отношения определяли социально-экономический строй России в целом и в таком контексте доминировали в аграрной сфере как составной части экономики страны.

Анфимову такой общий взгляд казался недостаточным, и он написал ряд монографий, в которых анализировал характер социально-экономических отношений в различных видах крестьянского и помещичьего хозяйств.

Первой стала монография «Земельная аренда в России в начале XX в.» (1961) В ней Анфимов выдвинул тезис о том, что основная часть земли *помещиков* сдавалась в аренду крестьянам и становилась инструментом *полукрепостнической* эксплуатации⁴⁷⁹. Тезис стал одним из главных аргументов отрицания капиталистического характера отношений в российской деревне. Однако собранный материал вынудил автора сделать такие выводы:

1. Только немногим более трети крестьян (37 % на *начало* XX в.) арендовали землю в стране в целом, хотя разброс по регионам был большим.

2. Преобладала не аренда земли крестьянами у помещиков, а *внутринадельная* аренда, т. е. аренда крестьянами крестьянской земли.

3. Примерно *половину* *всей* земли арендовали *зажиточные* крестьяне.

4. Преобладала аренда в *денежной* форме⁴⁸⁰.

Автор привел более или менее представительные данные по ряду губерний и уездов, в том числе по уездам в Тульской и Орловской губерниях. Оказалось: «чем крупнее хозяйства, тем большая часть их арендует землю, достигая в высшей группе 95 % всех хозяйств, и тем больше каждое из них снимает земли»⁴⁸¹. Такая аренда свидетельствовала о развитии «торгово-капиталистического хозяйства» в среде зажиточного крестьянства. Автор признал, что «*капиталистическая* крестьянская аренда» преобладала на юге Украины, Северном Кавказе и в Степном Заволжье. Однако заявил, что в большинстве других районов преобладала «*продовольственная* крестьянская аренда» (т. е. аренда земли с целью получения продовольствия для собственного потребления) и отказался рассматривать продовольственную аренду как капиталистическую. На этой основе историк сделал вывод о «преобладании докапиталистических черт в земельной аренде»⁴⁸².

⁴⁷⁹ Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX в. М.: АН СССР, 1961. С. 3.

⁴⁸⁰ Там же. С. 43, 55, 190–191.

⁴⁸¹ Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX в. М.: АН СССР, 1961. С. 55.

⁴⁸² Там же. С. 191.

Вывод можно считать верным, если взять за критерий *число* крестьян-арендаторов, не использовавших наемный труд на арендуемой земле. Если же взять за критерий количество арендуемой земли, то вывод перестает быть убедительным поскольку, по оценке самого автора, половина земли арендовалось зажиточным крестьянством. Такая аренда скорее носила капиталистический характер, поскольку земля арендовалась с целью получения прибыли, на ней зачастую использовался наемный труд, хотя нехватка статистических данных не позволяет показать в каких масштабах. Вывод становится совсем неверным, если смотреть на аренду строго с точки зрения формационной теории. Анфимов, ссылаясь на Ленина, называл аренду помещичьей земли крестьянами в продовольственных целях не капиталистической, а «кабально-крепостнической». Историк говорил, что «факты подтверждают абсолютную правильность указания В. И. Ленина на то, что в массе своей арендная плата была в России больше преобразованной *феодальной, чем капиталистической ренты*»⁴⁸³. Автор делал особый акцент на роль отработок, считая их прямым пережитком крепостничества. Эта позиция была традиционной для советской историографии и опиралась на тот факт, что многие помещики сдавали землю крестьянам в аренду при условии, что те отработают арендную плату на поле помещика своим инвентарем и рабочим скотом. Такие формы аренды очень напоминали барщину и именно так воспринимались крестьянством. Однако возникает вопрос: насколько правильной была такая оценка с точки зрения формационной теории? Теория говорила, что после отмены крепостного права все крестьяне стали лично свободными, и любая форма аренды носила капиталистический характер, поскольку владелец земли получал доход от сдачи в аренду своей собственности свободному арендатору. Этот доход никак не мог быть феодальной рентой, поскольку отсутствовала *внеэкономическая* зависимость крестьян от помещика. Земля, соединенная с наемной рабочей силой, стала капиталом, «самовозрастающей стоимостью». Формы и условия аренды носили вторичный характер и не могли изменить ее экономической сути, свободной от каких-либо черт крепостничества. Ситуация, в которой при острой нехватке земли крестьяне были вынуждены арендовать землю на тяжелых условиях, по своему экономическому содержанию не отличалась от той ситуации, когда хозяева фабрик при избытке рабочей силы диктовали свои условия найма. Другое дело, что помещичье землевладение и такие примитивные формы аренды, как отработки, испольщина *вос-*

⁴⁸³ Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX в... С. 190, 191.

принимались крестьянством как пережитки крепостнического прошлого, и они действительно генетически были связаны с этим прошлым. Позиция крестьян была *объективным* фактом большой важности, ибо она порождала причины аграрной революции. Тем не менее вопрос оставался: дает ли основание крестьянское *восприятие* отработок оценивать хозяйства помещиков, использовавших примитивные формы аренды, как *некапиталистические*?

Анфимов в самом начале своей работы правильно показал различие между феодализмом и капитализмом в этом отношении⁴⁸⁴, но далее упорно отрицал капиталистический характер аренды земли крестьянами у помещиков в продовольственных целях. Историк смотрел на эту ситуацию с точки зрения крестьян, а не с точки зрения теории. Однако и при таком подходе автор признавал, что доля отработок при аренде помещичьей земли не доминировала и постоянно падала. В 1967 г. Анфимов в своей статье об отработках в «Исторической энциклопедии» привел известные данные дореволюционного статистика Н. Ф. Анненского, использованные Лениным в книге «Развитие капитализма в России», согласно которым по приблизительным данным уже в 80-х гг. XIX в. из 43 губерний Европейской России в 19 губерниях преобладала капиталистическая аренда, отработки *преобладали* только в 17 губерниях, в 7 губерниях была смешанная система. Автор отметил, что соотношение систем аренды для позднейшего времени «*остается невыясненным*», но подчеркнул, что в начале XX в., особенно в период столыпинской земельной реформы, «*изживание отработок продолжалось*»⁴⁸⁵.

Своей книгой об аренде Анфимов хотел показать живучесть пережитков старого строя и важную роль полукрепостнического уклада. Однако на деле материалы книги свидетельствовали о поступательном ходе капиталистического развития. Даже если признать отработки «полукрепостническим» укладом, этот уклад не доминировал и изживался. Доминировало (по числу работников, объему производимой продукции, количеству земли) мелкотоварное крестьянское трудовое хозяйство, в котором шел процесс социальной дифференциации, и которое было «окутано» капиталистическими отношениями. И спор о том, доминировали ли капиталистические отношения в аграрной сфере, объективно должен был стать спором о том, как трактовать роль трудового крестьянского хозяйства в общей системе капиталистической экономики России. Анфимов такой вопрос не рассматривал.

⁴⁸⁴ Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX в... С. 13.

⁴⁸⁵ Отработки в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 689–690.

В книге «Российская деревня в годы Первой мировой войны» (1962) Анфимов продолжил свои усилия по обоснованию тезиса, что сельское хозяйство предреволюционной России *еще не стало капиталистическим*. Ключевой для оценки уровня развития капитализма в сельском хозяйстве Анфимов считал первую часть знаменитой ленинской фразы: «самое отсталое *землевладение*, самая дикая деревня – самый передовой промышленный и финансовый капитализм»⁴⁸⁶. Это ленинское положение, писал Анфимов, «дает *ключ* к пониманию того, что представляли собой производственные отношения в деревне по сравнению с производственными отношениями в городе, каков был *характер* аграрного строя в России на высшей стадии развития капитализма»⁴⁸⁷. Иными словами, по мнению автора, характер аграрного строя в России выражали слова «самое отсталое *землевладение*, самая дикая деревня».

Почему историк выделил явно публицистическую фразу Ленина и превратил ее в основу своей позиции? Дело в том, что эта фраза позволяла Анфимову подкрепить авторитетом Ленина свою трактовку «полукрепостнических отношений» в аграрном секторе. В новой книге он оценил их как «*те же* крепостнические отношения, модифицированные капитализмом, но сохранившие свое значение в такой степени, что тормозили, *сковывали* развитие аграрного капитализма». Историк подчеркивал, что, по его мнению, под полукрепостническими отношениями нельзя понимать отношения, равнозначные «полубуржуазным»⁴⁸⁸. Такая позиция по сути являлась отрицанием способности российского капитализма преобразовать крепостнические отношения в буржуазные.

Однако Анфимов не говорил об этом прямо. Напротив, в книге 1962 г. историк писал, что в годы войны «произошло заметное усиление роли капиталистических помещичьих хозяйств в ущерб крепостническим латифундиям, что было главным проявлением *дальнейшего развития капитализма* в помещичьем земледелии». Автор писал и о медленной капиталистической эволюции помещичьих латифундий и некотором ослаблении «полукрепостнической» эксплуатации крестьян⁴⁸⁹. В то же время в заключении автор со ссылкой на Ленина писал, что буржуазная перестройка деревни *должна была* потерпеть и потерпела «*неминуемый позорный провал*». Вот как выглядела

⁴⁸⁶ Ленин В. И. Политические заметки // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 417.

⁴⁸⁷ Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 26.

⁴⁸⁸ Там же. С. 30–31.

⁴⁸⁹ Там же. С. 366, 368.

итоговая позиция Анфимова: «Глубоко прав был В. И. Ленин, заранее предсказывавший, что предпринятая царизмом после революции 1905–1907 гг. *буржуазная перестройка* деревни потерпит *неминуемый позорный провал*. В действительности так и произошло. Сохранив гнет крепостнических латифундий и обогатив только горстку крестьянской буржуазии, Столыпинская реформа еще более разорила основную массу крестьянства. Эта реформа, как указывал Ленин, *не могла привести и не привела к созданию в российской деревне сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений*»⁴⁹⁰. Историк ссылаясь на слова Ленина, содержащиеся в проекте резолюции о современном моменте, подготовленном для VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (январь 1912 г): «Аграрная политика царизма, с которой связали свои контрреволюционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так и контрреволюционный либерализм, не только *не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений* в деревне, но не избавила крестьянское население от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную потерю производительных сил»⁴⁹¹.

Однако из приведенной цитаты видно, что Ленин говорил только о провале реформы Столыпина в ее социально-политическом аспекте: она не замирила крестьян. Слова Ленина нельзя трактовать в том плане, что он говорил в принципе о провале «буржуазной перестройки деревни» как процесса развития капитализма в аграрной сфере.

По сути материал второй книги Анфимова так же, как и первой, показывал, что в аграрной сфере шел процесс развития капитализма, хотя и отягощенный полукрепостническими пережитками. Этот эволюционный путь развития был прерван тяготами мировой войны, которая и создала глубокую революционную ситуацию. Тем не менее тезис о «*крепостническом*», а не «*полубуржуазном*» характере «полукрепостнических» отношений был Анфимовым сформулирован неслучайно. Он открывал дорогу для появления тезиса о «консервации», о неспособности российского капитализма преобразовать феодальные пережитки в российской деревне. Таким образом, во второй книге Анфимов занял еще более жесткую позицию, полностью отказавшись учиты-

⁴⁹⁰ Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны... С. 365.

⁴⁹¹ Ленин В. И. Проект резолюции о современном моменте и задачах партии. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП 5–17 (18–30) января 1912 г. // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 124.

вать тот факт, что никаких отношений крепостнического или полукрепостнического (по своей природе) типа в строгом смысле этого слова в предвоенной России не могло существовать. Последний феодальный пережиток, который можно было назвать «крепостническим» или «полукрепостническим» (выкупные платежи за землю) был отменен в 1906 г. Во второй книге Анфимов также не поставил вопрос о характере той среды, в которой действовал самый многочисленный уклад в российской деревне – мелкотоварное трудовое крестьянское хозяйство. Но без ответа на этот вопрос спор о том, преобладали капиталистические отношения в российской деревне или нет, был лишен смысла.

Следует отметить, что в 1964 г. историк-аграрник Е. А. Луцкий, проанализировав работы Анфимова, выразил сожаление по поводу того, что тому не удалось показать, как влияло развитие монополистического капитализма на аграрные отношения. Луцкий считал, что «в империалистическую эпоху развитие капитализма не обязательно ускоряло вытеснение полукрепостнических форм эксплуатации в сельском хозяйстве». Более того, по его мнению, в новых условиях пережитки крепостничества меняли свой характер и становились «результатом установления империализма – загнивающего капитализма, превращающего любые реакционные формы экономики и политики в орудие извлечения максимальной прибыли». Он предлагал проследить, как полукрепостническая эксплуатация мелких крестьян, «батраков с наделом», служила интересам монополистического капитала⁴⁹². Иными словами, он сформулировал тезис, согласно которому монополистический капитал был заинтересован в сохранении полукрепостнических пережитков в деревне, что объективно означало торможение процесса развития капитализма в аграрной сфере. Как мы увидим дальше, А. М. Анфимов учел это предложение.

В 1969 г. вышла новая книга А. М. Анфимова «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX–начало XX века)», написанная на основе докторской диссертации, защищенной в 1966 г. В ней автор показал, что и в *крупном помещичьем* хозяйстве переплетались и сосуществовали как капиталистические, так и докапиталистические черты, и сделал вывод, что вторые к началу мировой войны *преобладали над первыми*, опять-таки ссылаясь на отработки. В то же время историк признал, что пока еще нет данных для «строго обоснованного научного решения важного вопроса о преоблада-

⁴⁹² Луцкий Е. А. Новые исследования по аграрному вопросу в период империализма // Вопросы истории. 1964. № 2. С.134–135.

ющих системах ведения помещичьего хозяйства как по отдельным районам, так и по стране в целом»⁴⁹³.

Повторим свою позицию: вывод о преобладании докапиталистических черт в ведении *помещичьего* хозяйства можно принять, если иметь в виду характер работы большинства крестьян, которые на арендованной у помещика земле не применяли наемный труд. Однако его нельзя принять, если иметь в виду исходный фактор в возникновении арендных отношений и говорить о целях сдачи земли в аренду землевладельцем: собственник земли сдавал ее свободному работнику для получения прибыли. Следовательно, суть аренды была капиталистической. Анфимов был не согласен с такой позицией. В этой книге автор уже вполне определенно проводил идеи о том, что крепостнические отношения не просто тормозили, а фактически останавливали процесс развития капитализма в рамках помещичьих латифундий отработочного типа. Он говорил и о сращивании финансового капитала с крупным помещичьим землевладением, что также способствовало «консервации» докапиталистических укладов. Отметим, что эти идеи на год раньше прозвучали в написанных Анфимовым разделах весьма авторитетного академического труда – шестом томе многотомной академической «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», который вышел в 1968 г. Этот академический труд имел намного больший научный резонанс, чем книга Анфимова, и стал своего рода вехой, положившей конец господству «школы Сидорова».

«История СССР с древнейших времен до наших дней». В шестом томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» описывалась история России в эпоху империализма. Ответственным редактором тома являлся А. Л. Сидоров, его заместителем был К. Н. Тарновский, который взял на себя нелегкий труд довести работу до конца после смерти Сидорова в 1966 г. В написании глав и разделов принимали участие А. М. Анфимов, П. В. Волобуев, И. Ф. Гиндин и другие соратники Сидорова.

«Введение» в шестой том было составлено от имени редакционной коллегии и представляло собой мозаику весьма противоречивых положений. С одной стороны, оно содержало два основных положения «школы Сидорова». Во-первых, авторы подчеркивали, что «российский монополистический капитализм по своей экономической природе принципиально не отличался от империализма западноевропейских стран». Во-вторых, они говорили о том,

⁴⁹³ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1969. С. 20.

что в годы мировой войны в связи с возникновением «системы военного государственного-монополистического капитализма» в России сложились «материально-организационные предпосылки победы социалистической революции. ... *Социализм созрел экономически*». Утверждалось, что «в этом отношении Ленин не делал различий между Россией, страной *среднего* уровня капитализма, и экономически более развитыми странами»⁴⁹⁴. Таким образом, апрельская (1917) позиция Ленина, закрепленная в резолюциях VII Всероссийской конференции РСДРП, полностью игнорировалась. Акцент по-прежнему делался на позицию, изложенную в сентябре 1917 г. в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

С другой стороны, этим положениям предшествовал тезис, что «в социально-экономическом и политическом развитии России в начале XX в. противоречиво *совмещались* основные особенности развития стран как Запада, так и Востока»⁴⁹⁵. Поскольку страны Востока того времени представляли собой преимущественно полуколонии и колонии, постольку указание на присутствие в России основных особенностей развития стран Востока прямо противоречило и тезису о принципиальной схожести российского капитализма с монополистическим капитализмом западноевропейских стран и тезису о зрелости предпосылок социализма в России.

Как могли появиться такие противоречивые положения в тексте? Скорее всего, после смерти Сидорова текст «Введения» был написан в основном К. Н. Тарновским и отразил его стремление, обозначенное в заключении к книге 1964 г., представить переход к новой концепции как развитие, а не отрицание основных положений «школы Сидорова».

Тем не менее отказ от концепции Сидорова явно доминировал. Авторы «Введения» подчеркивали, что «уровень развития капитализма в России был весьма разный по районам и отраслям народного хозяйства, а кроме того в стране сохранились значительные остатки *докапиталистических* укладов, прямых пережитков *феодально-крепостнической* эпохи, тормозивших движение страны по пути прогресса. Главными из этих пережитков были помещичьи латифундии и отработочная система хозяйства». Далее авторы подчеркнули *противоречивое* воздействие монополистического капитализма на другие уклады: «Финансовый капитал взаимодействовал не только с крупнокапиталистическим производством, но также с до- и раннекапиталистиче-

⁴⁹⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1968. Т. 6. С. 9–10.

⁴⁹⁵ Там же. С. 9.

скими укладами, способствуя в некоторых случаях их разрушению, а в других *прямой консервации*. В России начала XX в. вторая тенденция *преобладала над первой*⁴⁹⁶. Тезис о «преобладании» второй тенденции также противоречил как выводу Сидорова о принципиальной схожести российского капитализма с монополистическим капитализмом западноевропейских стран, так и его выводу о зрелости предпосылок для социализма в России. Тезис о «консервации» был явным отзвуком позиции Анфимова, который считал, что «полукрепостнические» отношения нельзя считать «полубуржуазными».

Введение содержало и положение о том, что «Россия была *своеобразной моделью тогдашнего мира*».⁴⁹⁷ Такая формула окончательно разрушала концепцию «школы Сидорова». Идея, лежавшая в основе формулы, была высказана К. Н. Тарновским в книге 1964 г., но авторство самой формулы определить трудно, поскольку в 1967 г. близкое определение прозвучало на юбилейной конференции из уст академика П. Н. Федосеева: дореволюционная Россия – «живая модель всего тогдашнего разнородного мира».⁴⁹⁸

Авторы «Введения» вспомнили и о термине «военно-феодальный империализм»: «Одну из важных особенностей исторического развития России начала XX в. Ленин видел в том, что здесь наряду с “новейше-капиталистическим империализмом” сохранился и даже *преобладал* старый, “военно-феодальный империализм”. Его носителем был царизм, опиравшийся во внутренней, внешней и особенно колониальной политике не столько на могущество капитала, сколько на военную силу и армию чиновников...»⁴⁹⁹.

В главах шестого тома также преобладали мотивы, плохо совместимые с тезисом о принципиальной схожести российского капитализма с монополистическим капитализмом западноевропейских стран. Вот ряд таких оценок:

«Будучи *наряду с Францией* страной *среднеразвитого* крупнокапиталистического производства, Россия *резко отличалась* от нее по *типу* индустриального развития и *характеру* социально-экономической структуры»⁵⁰⁰.

«И если Россия вступила в стадию монополистического капитализма *одновременно* с индустриально развитыми странами Запада, то это объясняется *специфическими особенностями* капиталистической эволюции страны.

⁴⁹⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1968. Т. 6. С. 8–11.

⁴⁹⁷ Там же. С. 13.

⁴⁹⁸ Федосеев П. Н. Об интернациональном значении опыта Великого Октября // Вопросы истории КПСС. 1967. № 7. С. 7.

⁴⁹⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней... С. 10.

⁵⁰⁰ Там же. С. 333.

Именно они были определены Лениным как “насаждение капитализма сверху” и выражались в особой экономической политике правительства, в системе государственных мер, направленных на форсированное развитие тяжелых отраслей промышленности и транспорта»⁵⁰¹.

«Аграрный капитализм в России, будучи *однотипным* с германским, победившим еще в условиях “свободного” капитализма, не пришел еще к своему торжеству и в эпоху новейшего монополистического капитализма и развивался в *тесном переплетении с неимоверно живучими остатками крепостничества*»⁵⁰².

«Российская империя представляла собой конгломерат территорий с самыми различными уровнями развития капитализма в сельском хозяйстве от высокоразвитого капитализма прусского типа до патриархально-феодалного полукочевого хозяйства»⁵⁰³.

Авторами противоречивых оценок были А. М. Анфимов, П. В. Волобуев, И. Ф. Гиндин. Показав специфику развития российского капитализма, они уже прямо выдвинули тезис, что в условиях России «социально-экономическое развитие по пути капитализма *не могло преодолеть многоукладности* российской экономики»⁵⁰⁴. Этот тезис не был случайным. *Он сопрягался с рядом других оценок, выявлявших сущность «нового направления»*. Новые тенденции наиболее отчетливо проявились в общей характеристике предвоенной российской экономики, сформулированной авторами: «Период 1907–1914 гг. характеризуется, с одной стороны, интенсивным процессом *складывания* системы монополистического капитализма, с другой стороны, именно в это время отчетливо выявляется тенденция к *сращиванию* финансового капитала с латифундialьным помещичьим землевладением, с торгово-ростовщическими формами эксплуатации, его приобщением к до- и раннекапиталистическим формам эксплуатации. Вместе с царизмом таким образом империализм *консервировал* наиболее отсталые, варварские формы эксплуатации трудящихся масс страны»⁵⁰⁵.

Положения о «сращивании» и «консервации» аргументировались явно неубедительно. Покажем это на примере тех аргументов, которые приводил А. М. Анфимов. «Сельское хозяйство, – писал историк, – все более втягива-

⁵⁰¹ История СССР с древнейших времен до наших дней... С. 334.

⁵⁰² Там же. С. 306.

⁵⁰³ Там же. С. 306.

⁵⁰⁴ Там же. С. 338.

⁵⁰⁵ Там же. С. 804–805.

лось в орбиту влияния крупного капитала. Известна роль крупного капитала, в том числе иностранного, в монополизации сбыта продукции сибирских маслодельных артелей. Отечественные и зарубежные торговые фирмы скупали также продукцию вологодских маслодельных кооперативов. Особенно большую роль играл крупный капитал частных фирм и коммерческих банков в хлебной торговле. Таким образом, крупный капитал, *подчинив себе сельское хозяйство в области реализации его продукции, консервировал* существовавшие отсталые формы производства и сам становился *тормозом* капиталистических преобразований и прогресса». А далее автор без всякой паузы сделал вывод, что «после революции 1905–1907 гг. развитие капитализма в сельском хозяйстве *шло быстро*, во всяком случае, *быстрее*, чем в период известного «оскудения» в конце XIX в.»⁵⁰⁶.

Читателю остается только гадать, во-первых: как совместить вывод об ускорении темпов капиталистического развития в сельском хозяйстве в эпоху Столыпина с тезисом о неспособности капитализма преодолеть многоукладность? Во-вторых: почему скупка масла у сибирских маслодельных артелей иностранными фирмами, которые экспортировали его в Европу, тормозило развитие капитализма в Сибири, где не было никаких помещичьих латифундий и никак нельзя было консервировать «крепостнические пережитки»? Тот же вопрос возникал и в отношении маслодельных кооперативов в Вологодской губернии, которые также объединяли только крестьянские хозяйства, включая и хозяйства капиталистического типа. Новые экспортные возможности повышали их доходность и втягивали все большее число крестьян в капиталистические отношения с крупными фирмами. И такую роль кооперативы играли по всей стране. Автор сам приводит известные данные о том, что с 1900 по 1915 г. число сельских (крестьянских) кооперативов выросло почти в 18 раз. В большинстве случаев этот рост отражал развитие капиталистических отношений. Как правило, с кооперативами работали крупные торговые фирмы, которые наживались на торгово-закупочных операциях, но не о какой «консервации» каких-либо феодальных пережитков в ходе таких операция речи не шло. Высокая роль банков в торговле хлебом вела к тем же последствиям, поскольку накануне мировой войны 78,4 % товарного хлеба давали крестьянские хозяйства⁵⁰⁷. Нет никаких оснований говорить, что тор-

⁵⁰⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. 6. С. 303.

⁵⁰⁷ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма... С. 216.

говля хлебом консервировала феодальные пережитки. Итак, тезис о «консервации», прямо сформулированный в столь авторитетном коллективном труде, оставался чисто умозрительным. Тем не менее, он был сформулирован и одобрен редакцией, закрепив отход авторов тома от концепции Сидорова.

Этот отход был закреплён и в Заключении. Вместо тезиса о том, что «Россия экономически созрела для капитализма», который был во Введении, в Заключении содержалась вполне аккуратная формулировка: «Война ускорила созревание материально-организационных предпосылок для социалистических преобразований экономики: происходил дальнейший рост высших форм российского монополистического капитализма, сложилась система государственно-монополистического регулирования»⁵⁰⁸. Это вполне соответствовало позиции П. В. Волобуева о том, что минимум материальных предпосылок для Октября был, но не более того.

Таким образом, шестой том многотомника, ответственным редактором которого формально оставался покойный Сидоров, уже не содержал его концепции. Вернее, наряду с его концепцией там была изложена абсолютно противоположенная. Закономерен вопрос: почему бывшие ученики Сидорова столь быстро отказались от концепции своего учителя? Вероятно, свою роль сыграл тот факт, что П. В. Волобуев с самого начала (с 1956 г.) спорил с Сидоровым и на деле не принимал прямолинейный тезис о «зрелости» России для социализма. И. Ф. Гиндин также занимал особую позицию. Но самыми важными, по нашему мнению, являлись результаты изучения аграрной истории, проведенного А. М. Анфимовым. Они явно расходились с концепцией «школы Сидорова», и после смерти Сидорова ученики и соратники внесли коррективы в последнюю совместную со своим учителем работу. Важной была и роль М. Я. Гефтера. Он не был соавтором шестого тома, но ряд своих идей озвучил ранее в седьмом томе «Всемирной истории» и в статье в «Советской исторической энциклопедии». Эта статья прямо перекликалась с позицией авторов шестого тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». По нашему мнению, Гефтер оказал самое существенное влияние на формирование идейной позиции сторонников «нового направления».

Конференция в Свердловске (1969). Все основные идеи «нового направления» в трактовке проблем социально-экономической истории России эпохи империализма были сформулированы в докладах, сделанных на Всесоюзной

⁵⁰⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. 6. С. 806.

конференции на тему «В. И. Ленин о социально-экономической структуре России (к проблеме многоукладности)», которая прошла в мае 1969 г. в Свердловске. Ее материалы были опубликованы в 1972 г. и заслуживают подробного анализа как своего рода главное кредо «нового направления». На конференции состоялось плодотворное обсуждение проблемы многоукладности во всех ее аспектах, начиная от определения содержания самого термина «уклад» и кончая вопросом о механизмах взаимодействия разных укладов в социально-экономической системе царской России начала XX в. Однако обсуждение не привело к полному единству мнений. Напротив, оно показало серьезные разногласия в понимании концепции «многоукладности». Не все были согласны с той ее трактовкой, которую предлагали сторонники «нового направления».

С докладом "В. И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России выступил **И. Ф. Гиндин** ⁵⁰⁹. Он отметил, что сама по себе многоукладность «не являлась специфической особенностью России, будучи присуща всем странам позднего капиталистического развития», но по сравнению с «классическим» капитализмом Запада русский капитализм «отличался поистине сказочной пестротой хозяйственно-экономических форм и социальных отношений»⁵¹⁰. Отметим, что этой фразой Гиндин фактически дезавуировал позицию Сидорова, который постоянно критиковал Лященко за тезис о «неклассическом» российском капитализме.

Гиндин поддержал идею Анфимова о том, что после Первой русской революции Ленин стал уделять больше внимания пережиткам крепостничества, которые оказывали тормозящее воздействие на характер развития капитализма в деревне. Историк выступил и против преувеличения степени расслоения крестьянства на два антагонистических класса, поддержав тезис о том, что в 1917 г. против помещичьего землевладения крестьянство выступало *в целом*. Гиндин показал, что в России предпосылки и причины социалистической революции переплетались с предпосылками и причинами буржуазно-демократической революции. Тем самым Гиндин фактически оспорил тезис Тарновского, который выводил Октябрь из противоречий, порожденных новейшим капитализмом⁵¹¹.

⁵⁰⁹ Доклад И. Ф. Гиндина в расширенном варианте был опубликован как статья «В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России» в сб. «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970. С. 230–318.

⁵¹⁰ Там же. С. 245.

⁵¹¹ Там же. С. 316–318.

К. Н. Тарновский в своем докладе обошел этот вопрос. Он предпочитал не говорить о каких-либо ошибках «школы Сидорова» и трактовал развитие историографии не как процесс пересмотра положений этой школы, а как процесс ее эволюции, расширения тематики и т. п. Доклад Тарновского был презентацией основных идей его докторской диссертации, которую он защитил в следующем 1970 г., но которая надолго застряла в ВАКе и в итоге не была утверждена. Поскольку такой итог был связан и с причинами ненаучного характера, постольку нам представляется более уместным провести критический анализ доклада, сделанного Тарновским на конференции, а не текста диссертации, чтобы наша критика диссертации не стала аргументом для оправдания несправедливого решения ВАК. Несмотря на наше несогласие с рядом принципиальных положений концепции Тарновского, он был достоин присуждения степени доктора наук, поскольку поставил и рассмотрел все крупные проблемы историографии эпохи империализма.

Свой доклад Тарновский начал с анализа тех взглядов, которые, по мнению автора, доминировали в советской историографии эпохи империализма к концу 1940-х гг. «*Общепризнанная*, – писал Тарновский в опубликованном тексте, – в конце 40-х годов система представлений по социально-экономической истории империалистической России характеризовалась *тремя* основными положениями. Согласно *первому* российский империализм находился в полуколониальной зависимости от империализма более развитых стран, носил специфический, военно-феодальный характер. *Второе положение* сводилось к тезису о победе капитализма в аграрном строе страны и совершившемся на рубеже XIX и XX столетий *окончательном расколе крестьянства* на классы буржуазного общества. Соответственно – и в этом состояло *третье положение* системы представлений – при характеристике динамики революционного процесса в России явно недостаточное внимание уделялось выдвинутой В. И. Лениным проблеме соединения борьбы за социализм с борьбой за демократию»⁵¹². На наш взгляд, все три положения Тарновского не могут быть приняты без замечаний.

О неоправданности упрощенной трактовки терминов «полуколония» и «военно-феодальный империализм», представленной в *первом* положении

⁵¹² Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 14.

Тарновского, мы уже не раз говорили. Такая трактовка, в частности, принижает уровень работ П. И. Лященко как ведущего историка того периода и сторонника этих терминов. Напомним, что Лященко никогда не понимал их примитивно и не делал ошибочных выводов на этой основе. Тарновский должен был об этом сказать. Однако он, напротив, заявил, что новые исследования роли иностранного капитала сопровождались «принципиальной критикой концепции полуколониальной зависимости России от западноевропейских держав», но не привел ни одного примера такой «критики концепции»⁵¹³. По нашему мнению, критика, которой этот тезис подвергли Б. Б. Граве и В. И. Бовыкин, носила ущербный характер, основанный на игнорировании того содержания, которое Лященко и Сталин вкладывали в эти термины.

И, действительно, что можно было «принципиально» возразить Лященко по поводу такой трактовки тезиса о России как «полукolonии», если не считать самого термина: «Участие царской России в военном империалистическом *разделе мира* характеризовалось тем, что западноевропейские империалистические державы, эксплуатируя Россию как *полукolonию* для получения от неё дешёвого сырья и для прибыльного вложения капитала, в то же время рассматривали её как резерв военной силы, необходимой им во *взаимной* империалистической борьбе». А далее автор добавляет, что «поэтому западный империалистический финансовый капитал не только охотно развивал свои промышленные инвестиции в России, но и предоставлял многомиллионные займы царизму для подавления революции, для вооружения армии, для восстановления флота, как это было в 1906–1909 гг., когда Франция предоставила царизму 3,9 млрд. фр.»⁵¹⁴.

Можно ли назвать какую-нибудь другую «полукolonиальную» страну той эпохи, которой предлагали огромные займы на перевооружение армии и развитие промышленности и привлекали к разделу мира. Повторим: Тарновский как историограф был обязан объективно представить позицию историков 1940-х гг. по этому вопросу, а не сводить ее к термину.

Еще более серьезный упрек можно сделать автору доклада по поводу второго положения – тезиса о «*победе* капитализма в аграрном строе страны

⁵¹³ Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе... С. 18.

⁵¹⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. 3-е изд. Т. II... С. 224–225.

и окончательном расколе крестьянства на классы буржуазного общества», который якобы доминировал в литературе 1940-х гг. Такой тезис не мог доминировать уже по той причине, что его не было в «Кратком курсе», ибо историки той поры сверяли свои оценки с этой канонической книгой. В «Кратком курсе» говорилось, что в дореволюционной России шел *процесс* расслоения крестьянства, но не говорилось, что оно окончательно раскололось. Вот позиция авторов «Краткого курса»: «Крестьянство, самый многочисленный класс дореволюционной России, распадалось, расслаивалось». Вот оценка ситуации, относившаяся к эпохе реформ Столыпина: «Расслоение крестьянства усилилось». Не говорилось и о *победе* капитализма в деревне. Авторы дали такую оценку уровня развития России: «Россия, несмотря на развитие в ней капитализма, была страной аграрной, отсталой в экономическом отношении, страной мелкобуржуазной, то есть такой, в которой *преобладало* еще мелкособственническое, малопроизводительное *единоличное крестьянское хозяйство*»⁵¹⁵. Как видим, в этих оценках нет ничего похожего на тезис о *победе* капитализма в аграрном строе страны и *окончательном расколе* крестьянства на классы буржуазного общества на рубеже XIX и XX столетий.

Возможно, что эта коллизия возникла под влиянием А. М. Анфимова, который в своих книгах критиковал историков 1920-х гг. за преувеличение степени расслоения российского крестьянства⁵¹⁶. Споры на эту тему звучали и на научной сессии историков-аграрников 1960 г., где ряд участников говорили о *доминировании* капиталистических отношений в деревне и один из них (А. В. Шапкарин) довольно резко говорил о *расколе* крестьянства в России на буржуазию и сельский пролетариат уже к концу XIX в. Однако позиции историков 1920-х гг. и споры рубежа 1960-х гг. при любой трактовке их содержания не могут служить аргументом при определении позиции историков 1940-х гг., тем более что специальных крупных работ историков-аграрников в этот период не было: «в послевоенное время советские историки и экономисты не издали ни одной книги по истории сельского хозяйства и крестьянства рассматриваемого периода» – писал в 1962 г. Анфимов⁵¹⁷. По сути Тарновский должен был взять ключевую работу Лященко (второй

⁵¹⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 7, 94.

⁵¹⁶ Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны... С. 28–30.

⁵¹⁷ Там же. С. 10.

том его «Истории народного хозяйства СССР», получившей Сталинскую премию в 1949 г.) и показать его позицию, которую вполне можно было бы считать доминирующей в историографии 1940-х гг. Однако Тарновский этого не сделал, поскольку Лященко не писал ни о «победе» капитализма в деревне, ни об «окончательном расколе» крестьянства.

Нельзя согласиться и с *третьим* положением автора (о «недостаточном внимании» историков 1940-х гг. к проблеме соединения борьбы за социализм с борьбой за демократию в условиях Русской революции). Тезис об Октябре как результате соединения борьбы за демократию с борьбой за социализм доминировал в советской историографии, начиная с работ Рожкова и Покровского, и был отражен в сталинском тезисе о «едином потоке» – центральном в «Кратком курсе» при трактовке причин победы большевиков. Там говорилось о способности партии большевиков «умело соединить в один *общий революционный поток* такие различные революционные движения, как общедемократическое движение за мир, крестьянско-демократическое движение за захват помещичьих земель, национально-освободительное движение угнетенных народов за национальное равноправие и социалистическое движение пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата»⁵¹⁸. Этот тезис повторялся во всех заметных работах по истории революции, написанных в 1930-е–1940-е, а также в последующие годы.

Возникает вопрос: как Тарновский мог критиковать историков 1940-х гг. за недооценку проблемы соединения борьбы за демократию с борьбой за социализм, если он сам всегда защищал тезис, который не отражал важности такого соединения? Напомним, что Тарновский был самым последовательным сторонником тезиса об Октябре как революции, порожденной главным образом противоречиями «высокоразвитого капитализма».

Размышляя о причинах столь явных неточностей, допущенных Тарновским при оценке историографии 1940-х гг., трудно избежать вывода о том, что они отражали присущее «школе Сидорова» стремление рассматривать себя как течение, которое выполняло важную миссию: боролось с ошибками историографии «сталинского периода». Это порождало стремление преувеличить ошибки предшественников. Однако критические удары они наносили не по тем целям, что ярко показала уже статья Б. Б. Граве, которая первой бросилась в атаку на «сталинскую» историографию. Правильные цели в те

⁵¹⁸ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс... С. 204.

годы избрали Э. Н. Бурджалов и те историки, которые разрушали концепцию «двух вождей» и восстанавливали реальную историю партии большевиков и революции, извращенную в «Кратком курсе».

Вернемся к докладу Тарновского. В последующих разделах доклада он вновь подтвердил верность вывода Сидорова о том, что «российский монополистический капитализм не имел принципиальных отличий от империализма более развитых экономически государств Западной Европы и Америки»⁵¹⁹. Однако далее автор практически дезавуировал этот вывод и показал, что в ходе изучения монополистического капитализма в России историки выявили существенные особенности процесса его развития.

Среди особенностей процесса *развития* были выделены следующие: нарушение классической последовательности складывания системы крупнокапиталистического производства; активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны; образование в России крупнейшего государственно-капиталистического сектора; насаждение капитализма «сверху» как принципиальной особенности складывания системы крупнопромышленного производства; «искусственный рост» крупной промышленности; привлечение иностранного капитала государством и частными банками⁵²⁰.

Говоря об особенностях *взаимодействия* монополистического уклада с другими укладами, Тарновский со ссылкой на Ленина подчеркнул, что монополистический капитализм не мог не испытывать на себе «влияние остальных, в том числе и докапиталистических, социально-экономических укладов; что, таким образом, некоторые специфические черты российского империализма определяются особенностями экономики в целом»⁵²¹.

По нашему мнению, все эти правильные положения, приведенные Тарновским, противоречили тезису о принципиальном сходстве монополистического капитализма в России и на Западе.

Противоречие углублялось в ходе анализа автором работ историков-аграрников. По мнению Тарновского они доказали, что каждый шаг вперед по пути капитализма в помещичьих латифундиях сопровождался *усилением полукрепостнической* эксплуатации крестьян, расширением кабалы и отрабо-

⁵¹⁹ Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе... С. 15.

⁵²⁰ Там же. С. 16.

⁵²¹ Там же.

ток. Историк также отметил, что русские коммерческие банки, не ломая сложившуюся в помещичьих хозяйствах систему эксплуатации, оказались *заинтересованными в их поддержке и сохранении*⁵²².

В итоге Тарновский повторил вывод, прозвучавший на страницах шестого тома «Истории СССР с древнейших времен» о том, что воздействие капиталистического империализма на до- и раннекапиталистические уклады приводит не только к разрушению, но и к *консервации* этих последних⁵²³. Автор сам не обосновывал эти положения, ссылаясь на работы историков-аграрников. Напомним, что попытка А. М. Анфимова обосновать этот тезис в шестом томе «Истории СССР с древнейших времен...», с нашей точки зрения, была неудачной. Особенно слабой она смотрелась на фоне реформ Столыпина, которые резко ускорили процесс капиталистического преобразования российской деревне во всех типах хозяйств. Абсолютно голословным являлся и тезис, что «каждый шаг вперед по пути капитализма в помещичьих латифундиях сопровождался *усилением полукрепостнической* эксплуатации крестьян, расширением кабалы и отработок». Появление такого тезиса непонятно, так как Анфимов, крупнейший авторитет по проблеме, таких резких выводов не делал.

С тем, чтобы увязать сделанные выводы с тезисом Сидорова, Тарновский использовал идею Е. Д. Черменского о разделении понятий «экономика России» и «российский монополистический капитализм» и сформулировал следующее положение: «Империализм – лишь часть капиталистического уклада; громадные остатки феодально-крепостнических отношений, основу которых составляет крупнейшее латифундиальное землевладение, не являются особенностью *империализма* в России – они составляют особенность *экономики* России периода империализма»⁵²⁴. Однако это положение смотрелось явно слабым на фоне приведенных ранее особенностей становления монополистического капитализма в России и справедливых заявлений, что российский империализм не мог не испытывать на себе влияния той особой среды, в которой проходило его формирование, и тех особых методов, которые вызвали его к жизни.

В заключение Тарновский озвучил и тезис, что Россия начала XX в. была «моделью мира», поскольку воплощала в себе типичные черты и противо-

⁵²² Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе... С. 19–20.

⁵²³ Там же. С. 38.

⁵²⁴ Там же. С. 17.

речия, которые были свойственны, как высокоразвитым странам Запада, так и отсталым странам Востока. Этот тезис еще более усугублял противоречивость концепции, построенной автором, поскольку типичные черты Востока сильно отличались от типичных черт Запада, и автор не показал, как они могли непротиворечиво сочетаться в условиях России.

Противоречивая позиция Тарновского подрывала ценность доклада, но не перечеркивала ее. В своем докладе Тарновский обосновал необходимость использования концепции многоукладности при анализе социально-экономического строя дореволюционной России и набросал целую программу работы в этом направлении. Наряду с отмеченными ошибками при трактовке историографии 1940-х гг., автор провел в целом качественный анализ современной литературы. Вся беда автора заключалась в упорном нежелании отказаться от тезиса Сидорова о принципиальной однотипности монополистического капитализма в России и на Западе и связанным с ним тезисом об экономической зрелости России для социализма. Отметим, что в это время другие ученики Сидорова уже не повторяли эти тезисы.

Владимир Адамов (1914–1985). Весьма остро проблему многоукладности рассматривал в своем докладе на конференции в Свердловске известный уральский историк В. В. Адамов, который уже в 1950-е гг. в своих работах подчеркивал своеобразие горнозаводской промышленности Урала и связанной с ней социально-экономической структурой этого региона. Он полагал, что капиталистические тенденции мало влияли на эту традиционную структуру, возникая и развиваясь во многом параллельно с ней. Историк отмечал традиционную замкнутость горнозаводских предприятий и называл такой тип хозяйства *промышленной вотчиной*. Адамов считал, что в процессе эволюции этот *полукрепостнический уклад выигрывал борьбу* у капиталистического уклада, приспособлявая его к своим особенностям, а не наоборот: «Капиталистическая перестройка горнозаводской промышленности происходила здесь лишь в меру приспособления всего громоздкого организма горнозаводских вотчин к новым условиям»⁵²⁵. Этот вывод Адамов сделал в своей монографии, опубликованной в 1966 г., и он был созвучен тем идеям, которые высказывали Анфимов и Гефтер при трактовке аграрной истории России эпохи империализма. Московские историки обратили внимание на работы уральского коллеги, и конференция по проблеме многоукладности неслучайно со-

⁵²⁵ Адамов В. В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. М.: Наука, 1966. С. 163.

стоялась в Свердловске. Адамов представил доклад «Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала», в котором повторил основные положения своей монографии и усилил свой вывод о *тупиковом характере* эволюции горнозаводской промышленности Урала, выводя из нее необходимость социалистической революции и национализации промышленности⁵²⁶. Нельзя не отметить, что Адамов никак не доказал свой тезис о *тупиковом характере* эволюции горнозаводской промышленности Урала. Это было только предположение.

В предисловии к изданному сборнику докладов конференции Адамов дал *общую* оценку экономики предвоенной России: «Крупный капитал в России, хотя и обладал массой привилегий, все же не сложился в силу, способную преобразовать весь ее строй. Экономика страны *до самой революции* носила *переходный характер*»⁵²⁷.

Этот тезис имел принципиальное значение, поскольку его можно было трактовать как указание на незавершенность процесса перехода России от феодализма к капитализму, как отрицание доминирующего положения капиталистических отношений в России в целом.

Михаил Гефтер. Наиболее радикальную позицию в вопросе о многоукладности на конференции сформулировал М. Я. Гефтер в докладе «Многоукладность – характеристика целого». Он не просто подчеркнул живучесть и *доминирующую роль* докапиталистических укладов в аграрной России, но и более определенно, чем предшественники, говорил о неспособности капитализма в условиях самодержавной России преобразовать и подчинить докапиталистические уклады. По мнению историка, происходили обратные процессы: «старое оказалось способным *ассимилировать новое, превратить его в источник для себя*»; крепостнический уклад максимально «загрязнял» аграрный капитализм изнутри и «в существенной мере *подчинил его себе*»⁵²⁸.

Эти выводы смотрелись неожиданно и противоречиво на фоне исходных положений доклада Гефтера, которые гласили, что «бесспорным представляется, что в 1861 году произошел формационный перелом» и «преобладающей

⁵²⁶ Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 224.

⁵²⁷ Предисловие // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 10.

⁵²⁸ Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск. 1972. С. 91.

чертой» пореформенной эпохи было «разложение крепостного строя, но уже в рамках капитализма». Однако далее автор говорил о том, что «решающую особенность аграрного строя земледельческого центра страны» составляла «специфическая, в такой мере только России присущая система “латифундия – надел”». Историк определял эту систему как «крепостнический уклад», включавший в себя «не только крупное помещичье хозяйство, но и патриархальное хозяйство “кабальных арендаторов”». Таким образом, Гефтер без всяких оговорок считал, что в условиях предвоенной России можно говорить о существовании «крепостнического уклада», т. е. даже не «полукрепостнического». Здесь мы видим его близость к позиции Анфимова, который говорил, что под «полукрепостническими» отношениями нельзя понимать отношения, равнозначные «полубуржуазным». Гефтер полагал, система «латифундия – надел» своим существованием «создала порочный круг, выйти из которого к “свободному” капитализму чисто эволюционным путем оказалось невозможным»⁵²⁹.

Аргументов в пользу такого вывода историк не представил, а вот аргументы против такого вывода были очевидны. Как мы уже отмечали, вопрос о потребительской крестьянской аренде в ее самой примитивной форме (отработки) подробно исследовал Анфимов, который отметил тенденцию сокращения отработок и подтвердил точку зрения дореволюционных аграрников, что уже в начале XX в. только около трети крестьян арендовали землю, а в предвоенной России преобладала внутриобщинная аренда, и минимум половину арендованной земли забирали зажиточные крестьяне. В таких условиях «крепостническая» система «латифундия – надел» никак не могла определять характер развития деревни. Роль этой системы постоянно падала. Сокращалось и ее хозяйственное значение в связи с ростом производства хлебов на юге страны. На Дону, Кубани и юге Украины миллионы коренных и иногородних безземельных крестьян арендовали землю у зажиточных казаков и других собственников, не принадлежавших к числу крупных помещиков. И эту аренду никак нельзя было вписать в систему «латифундия – надел». Так что, «порочного круга» не получалось: шел постоянный поступательный процесс развития капиталистических отношений в деревне, ускоренный реформами Столыпина.

Однако Гефтер на вопрос об удельном весе «крепостнического уклада» ответил так: «Если капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы, то крепостнический уклад является фактически все-

⁵²⁹ Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого... С. 87–89.

российским». Далее шел тезис о том, что устойчивость крепостнического уклада обеспечивает двойная поддержка – всероссийского *капиталистического* уклада и абсолютизма⁵³⁰. Эти тезисы весьма спорны. Нельзя согласиться с тезисом, что «капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы». Капиталистические отношения существовали повсеместно, что подтверждается уже простым фактом использования наемного труда в деревне во всех губерниях России, как помещиками, так и сельской буржуазией, а также повсеместной арендой земли, продажей зерна и других продуктов сельского хозяйства. Нельзя согласиться и с тем, что капиталистический уклад обеспечивал *устойчивость* «крепостнического уклада» в деревне. Гефтер имел в виду роль частных банков в покупке и продаже земли помещиков. В своей энциклопедической статье о российском империализме (1964) он так писал об этом: «Специфическая черта паразитизма финансового капитала в России – прямое участие его в *полукрепостнической* эксплуатации. Показателем этого был возрастающий переход под контроль банков частной, главным образом дворянской земельной собственности (к 1915 г. из 50 млн дес., заложенных в Дворянском банке и акционерных банках, 24 млн дес. приходилось на долю последних)»⁵³¹.

Однако для частных банков это была обычная спекуляция землей, которая никак не поддерживала устойчивость «крепостнического уклада»: брали земли в залог, выдавали ссуду, но не в убыток себе, а под хорошие проценты, покупали землю у помещиков и дорого продавали ее другим лицам или Крестьянскому банку. Крестьянский банк на льготных условиях передавал эту землю крестьянству. В период реформ Столыпина Крестьянский банк предоставлял кредит на 55 лет, первоначальный взнос крестьян стал минимальным (10 % от стоимости), порой символическим (для организации хуторов). Крестьянский банк осуществлял заведомо убыточные операции с землей, но это было политикой государства. Оно выделяло Крестьянскому банку землю и деньги, которые собирало с населения в форме прямых и косвенных налогов. Таким способом решалась проблема насаждения фермерства, которое в перспективе должно было укоренить принцип нерушимости частной собственности в сознании крестьян. Иными словами, Крестьянский банк также не

⁵³⁰ Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого... С. 91.

⁵³¹ Гефтер М. Я. Империализм в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия. 1964. С. 820.

поддерживал устойчивость «крепостнического уклада». Правительство делало другое: позволяло дворянам дорого продавать свою землю и получать крупные кредиты под залог земли, и те помещики, которые вкладывали эти деньги в производство, развивали свое хозяйство по капиталистическому пути, а те, кто их проживали, просто теряли землю. Кстати отметим, что Гефтер не пользовался явно ущербным термином «сращивание» финансового капитала с помещичьими латифундиями, занимая более гибкую позицию.

Пожалуй, самым спорным стал тезис Гефтера о том, что развитие капитализма в условиях России привело к «кризису системы»: «В том-то и состоял *кризис системы*, уже явным образом обнаруживающийся в России предвоенных лет: не исчерпание ресурсов развития капитализма (напротив, он быстро рос в эти годы), а *невозможность* преодолеть старые и новые диспропорции с помощью даже такого роста»⁵³². Автор говорил не о кризисе самодержавия, а о неразрешимом кризисе многоукладного общества, который носил тупиковый характер.

Гефтер стремился показать, что он защищал точку зрения, которую высказывал Ленин в докладе «Современная Россия и рабочее движение», сделанном в Кракове для местных социалистов в апреле 1913 г. Приведенная историком цитата гласит: «Реформистских возможностей в современной России нет»⁵³³. Гефтер так ее трактует: «А это значило, что *прусский путь* как путь общественного (т. е. и экономического, и социального, и культурного) прогресса *оказывался утопией* именно тогда, когда внутри сельского хозяйства прусская струя стала и сильнее и массивнее»⁵³⁴.

Мы не можем принять такой аргумент. Ленин говорил о *политической* ситуации в России, и прежде всего о неспособности кадетов провести какие-либо либеральные реформы через Думу в условиях, когда октябристы поддерживали правительство. О тупиковости или утопичности «прусского пути» как пути социально-экономического развития Ленин не сказал ни слова. Напомним, что Ленин боялся окончательного утверждения в России «прусского пути» в условиях длительного мирного времени, а Рожков и Покровский, равно как и многие другие историки, прямо связывали срыв мирной эволюции аграрных отношений с началом мировой войны. Необходимо учесть и политический характер выступления Ленина, который стремился доказать слушателям, что Россия

⁵³² Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого... С. 90, 91, 98.

⁵³³ Ленин В. И. Современная Россия и рабочее движение // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 57.

⁵³⁴ Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого... С. 97.

приближается к новой революции. Если бы Ленин в 1913 г. действительно считал тупиковым «пруссский путь» в России, он обязательно написал бы об этом в 1916 г. в своей главной теоретической работе по империализму.

Свой доклад Гефтер завершил тезисом о России начала XX в. как «модели мира». Этот тезис не смотрелся противоречивым в рамках концепции Гефтера, поскольку историк ни разу не воспроизвел тезис Сидорова об однотипности капитализма в России и на Западе. Не было в его докладе и тезиса о том, что «социализм созрел в России экономически».

Выражая свое несогласие с ключевыми идеями Гефтера («порочный круг», «кризис системы») отметим, что на конференции в Свердловске он высказал, пусть спорные, но интересные суждения, которые имели ценность уже потому, что стимулировали дискуссию по важным и нерешенным проблемам. Гефтер подтвердил свою репутацию историка, склонного к анализу крупных методологических проблем.

Свердловская конференция получила позитивный отзыв (опубликованный без подписи, как редакционный материал) в январском номере журнала «Вопросы истории» за 1970 г.⁵³⁵ Тем не менее, она обострила те научные споры, которые аграрники начали еще на майской сессии 1960 г.

Иван Ковальченко (1923–1995). В третьем номере журнала «Вопросы истории» за 1970 г. авторитетный московский историк И. Д. Ковальченко приветствовал «стремление рассмотреть характер аграрного строя во всей его сложности и противоречивости» и выступил против позиции Адамова, Гефтера и Анфимова⁵³⁶. По устоявшейся традиции Ковальченко обратился к работам Ленина и высказал три связанных тезиса:

1) В. И. Ленин всегда исходил из того, что аграрный строй той или иной страны, являющийся лишь одной из составных частей единого социально-экономического организма, не может представлять собой *нечто качественно отличное* от социально-экономического строя промышленности;

2) В. И. Ленин неустанно разоблачал теорию «некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе». В своих работах он постоянно подчеркивал «замечательную одинаковость законов эволюции» промышленности и земледелия в эпоху капитализма⁵³⁷;

⁵³⁵ Научные сессии // Вопросы истории. 1970 № 1. С. 148–151.

⁵³⁶ Ковальченко И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России... С. 31.

⁵³⁷ Там же. С. 32. См. также: Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 135, 227.

3) Ленин подчеркивал «*буржуазную природу и направленность развития всех общественно-экономических укладов в эпоху капитализма*» и «*тесную связь низших и высших форм капитализма*»⁵³⁸.

По мнению Ковальченко, сельское хозяйство в России начала XX в. было по своей сути капиталистическим, хотя капиталистические отношения в деревне отставали в своем развитии от промышленности и различались как «*низшие и высшие формы*» развития капитализма. При этом *крестьянское хозяйство* по своему характеру выступало как *низшая форма аграрного капитализма*. Этот довольно спорный вывод Ковальченко подкрепил тезисом о том, что в деревне доминировало мелкотоварное производство, и так ответил на вопрос о его сущности: «*мелкое товарное производство обретает характер буржуазного, во-первых, при победе капитализма в промышленности и, во-вторых, при превращении крестьянина или кустика в самостоятельного товаропроизводителя, в свободного собственника средства производства*»⁵³⁹. Обратим внимание на некоторое «лукавство» этого аргумента: автор говорит не о капиталистическом, а *буржуазном* характере мелкого товарного производства. А это не одно и то же. По нашему мнению, мелкотоварное трудовое хозяйство само по себе не является формой капитализма, если в нем не используется *наемный труд*, но его можно считать буржуазным, поскольку на рынке встречаются свободные товаропроизводители. Тем не менее в целом мы согласны с позицией автора: поскольку мелкотоварное трудовое хозяйство существует в рамках капиталистической системы, постольку оно неизбежно вступает в те или иные капиталистические отношения в той среде, в которой оно существует. В таком контексте можно говорить о доминировании капиталистических отношений в деревне как части общей системы капиталистических отношений.

Ковальченко обратился к сложному вопросу о природе отработок, который Анфимов и Гефтер однозначно считали «крепостническим укладом», не делая никаких оговорок. Ковальченко дал иной ответ на этот вопрос: «По своей объективно-экономической сущности отработочная система была *однотипной с капиталистической*»; отработочная система – это низшая, неразвитая форма земледельческого капитализма. Однако *новое экономическое содержание* укладывалось здесь еще в *старые формы* и сочеталось с кре-

⁵³⁸ Ковальченко И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России... С. 35.

⁵³⁹ Там же. С. 35.

постническими чертами»⁵⁴⁰. По нашему мнению, это правильная позиция. Историк нашел и подходящее высказывание Ленина, в котором говорилось, что отработочная система есть соединение барщины с капитализмом, «старого режима" и "современного" хозяйства, системы эксплуатации посредством наделения землей и системы эксплуатации посредством отделения от земли»⁵⁴¹. Он привел и такую ленинскую оценку: «отработочная система переходит в капиталистическую и настолько сливается с нею, что становится почти невозможным отделить одну от другой и различить их»⁵⁴².

Ковальченко не стал скрывать тот факт, что во многих оценках Ленина присутствовала определенная двойственность. Тем не менее, он явно не поддерживал позицию тех участников свердловской конференции, которые отрицали доминирование капиталистических отношений в аграрной сфере. В то же время его статья не содержала никакой персональной критики.

Сравнение работы Ковальченко с работами Анфимова и Адамова еще раз показывает, что ссылки на Ленина – не лучший способ решить проблему, потому что при помощи подобранных цитат можно обосновать любую точку зрения. Но если уж ставить задачу определить позицию Ленина, то способ может быть только один: четко разделять оценки Ленина-теоретика и Ленина-политика, точно учитывать ту ситуацию, в которой эти оценки делались. По нашему мнению, Ленин-теоретик понимал, что вся русская деревня охвачена процессом капиталистического развития, и в ней нет никаких чисто «крепостнических» укладов, потому что нет «внеэкономического» принуждения. Этот тезис он обосновал еще в работе «Развитие капитализма в России»⁵⁴³. Ленин-политик после 1905 г. всячески подчеркивал пережитки феодализма, обосновывая этим возможность и необходимость новой крестьянской революции для полного устранения частной собственности на землю. Такая крестьянская революция становилась важнейшей составной частью и условием победы пролетарской революции в России.

Статья Ковальченко была частью чисто научного спора, который возник в связи с явным несогласием ряда историков-аграрников с тем, как сторонни-

⁵⁴⁰ Ковальченко И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России... С. 42.

⁵⁴¹ Ленин В. И. Ответ на критику нашего проекта программы // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 222.

⁵⁴² Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 191.

⁵⁴³ Там же. С. 185.

ки «нового направления» трактовали сущность аграрного строя в предвоенной России. Однако вскоре к чисто научному спору добавились проблемы идеологического порядка. Они возникли после публикации в 1969 г. сборника статей «Историческая наука и некоторые проблемы современности» под редакцией М. Я. Гефтера.

«Историческая наука и некоторые проблемы современности». В сборнике говорилось о необходимости «нового прочтения» марксистской теории истории и работ Маркса и Ленина⁵⁴⁴. Уже сама такая постановка вопроса возбудила опасения в руководстве идеологическими отделами ЦК КПСС как попытка ревизии официальной позиции с неясными последствиями. Такие же опасения вызывал и тезис Гефтера о «сжатии ядра» марксистской теории. На наш взгляд, эти новации Гефтера выглядели слишком претенциозными. Споры о том, как понимать те или иные высказывания Ленина, шли среди историков постоянно, и никто при этом не претендовал на «новое прочтение» как некую особую ступень в понимании ленинских текстов. Тезис о «сжатии ядра» марксистской теории был откровенно слабым и компрометировал всю позицию Гефтера. Более того, поскольку Гефтер в своем докладе со ссылкой на Ленина попытался обосновать тезис, что «пережитки крепостничества и патриархальщины в огромной мере приспособливают к себе складывающиеся в недрах крестьянства буржуазные отношения», а далее прямо заявил, что «в исторической ретроспективе следовало бы назвать этот тип капитализма российским», он подставил под удар и всех сторонников концепции «многоукладности» и «нового направления»⁵⁴⁵. Теперь они предстали как сторонники тезиса об особом пути развития капитализма в России по отношению к развитым капиталистическим странам. И степень этой «особости» оставалась неопределенной. Несколько противоречивых положений, содержащихся в статьях других авторов, позволявших по-разному трактовать эти положения, сделали критику всего сборника несложной задачей.

Однако критика не последовала немедленно. Лишь в феврале 1971 г. на заседании Бюро отделения истории АН СССР академик И. И. Минц и член-корреспондент АН СССР М. П. Ким в докладах, посвященных концепции социалистической революции, уделили внимание критике статей, содержащихся в сборнике. К ним присоединились и другие участники заседания. По ходу

⁵⁴⁴ Историческая наука и некоторые проблемы современности. М.: Наука, 1969.

⁵⁴⁵ 50 Гефтер М. Я. Страница из истории марксизма начала XX в. // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М.: Наука, 1969. С. 21.

обсуждения становилось ясным, что многие критики были раздражены прежде всего амбициозными претензиями некоторых авторов. Об этом прямо сказал А. О. Чубарьян: «Многие материалы представлены так, что создается впечатление, будто это – открытие его авторов, будто в сборнике ставятся такие вопросы, которых никто ранее не ставил. Но ведь многие из тех проблем, о которых говорится, были поставлены раньше, между тем в сборнике почти нет ссылок на то, как и где уже раскрывались поставленные проблемы». Каких-либо репрессивных акций формально не последовало. Вердикт гласил, что «пересмотр каких-либо положений и выводов должны проводиться аргументировано»⁵⁴⁶. Однако еще в 1968 г., до выхода сборника и до критики в его адрес, при разделении Института истории АН СССР на два института (истории СССР и всеобщей истории) ранее созданный Гефтером сектор методологии был расформирован. Его сотрудники оказались в разных институтах, поскольку сектор объединял как историков России, так и историков зарубежных стран. Известно, что планы разделения института существовали давно, и по мнению современных исследователей, не были связаны с какими-то происками консерваторов из числа партийных идеологов: «решающими оказались именно организационные, а не политические факторы решения»⁵⁴⁷.

Сборники 1970 года. Гораздо больше критических эмоций вызвало третье крупное событие тех лет: выход в свет в 1970 г. сборников «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия», которые сразу стали объектами для критики. Причина проста: авторы сборников выступили против преувеличений уровня зрелости российского рабочего класса как гегемона революции, а также против преувеличения роли большевиков в свержении самодержавия. Партийные идеологи воспринимали такого рода попытки пересмотра прежней традиции с куда большими опасениями, чем споры по проблемам многоукладности. Последние имели тот очевидный плюс, что доказывали необходимость Октябрьской революции, и менее очевидный минус, заключающийся в акценте на национальных особенностях Русской революции, что вело к сужению международного значения опыта Октября. Впрочем, минус компенсировался тезисом о царской России как «модели мира», что позволяло по-новому раскрыть интернациональное значение этого опыта. Сборники 1970 г. с точки зрения консервативных идеоло-

⁵⁴⁶ См.: В Шурбованый Г. П. В Отделении истории АН СССР. Обсуждение некоторых проблем методологии истории // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 164, 166.

⁵⁴⁷ Пивоваров Н., Тихонов В. «Штатов – избылье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // Российская история. 2020. № 3. С. 174.

гов в ЦК КПСС плюсов не имели. Ответственность за сборники нес П. В. Волобуев как автор и как директор Института истории СССР, под эгидой которого они вышли. Поначалу никакой критической реакции на сборники не было. Осенью 1970 г. П. В. Волобуев был избран членом-корреспондентом АН СССР при поддержке секретаря ЦК КПСС М. А. Сулова – главного идеолога тех лет, и видного историка академика И. И. Минца. Однако затем со стороны ряда историков-консерваторов пошли письма в ЦК, в которых говорилось о поддержке Волобуевым ревизионизма и отходе от ленинизма⁵⁴⁸. Научные разногласия смешались с интригами и т. п. По свидетельству ленинградского историка И. П. Лейберова, который был дружен с Волобуевым, критика Волобуева в 1971–1972 г. шла главным образом со стороны консервативных историков партии. И тогда по просьбе Волобуева ряд видных ленинградских историков партии написали письмо в ЦК в защиту Волобуева, опровергая обвинения в его адрес. В результате в марте 1972 г. состоялось обсуждении двух упомянутых сборников на объединенном заседании секций дооктябрьского и советского периодов Ученого совета Института истории СССР, в котором участвовали десятки историков со всей страны. Из выступавших 42 историков 32 выступили в поддержку Волобуева⁵⁴⁹. Тем не менее, вскоре после этого состоялось специальное заседание Бюро отделения истории АН СССР, которое пришло к весьма резким выводам⁵⁵⁰. Авторам книги «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» было указано на «ошибочные положения и неряшливые формулировки по вопросам о гегемонии пролетариата и его союзниках, о соотношении задач социалистической и буржуазно-демократической революций на различных исторических этапах, о факторах, определяющих уровень сознательности пролетариата, о предпосылках социалистической революции в национальных районах и др.». Наибольшую критику вызвала статья Ю. И. Кирьянова «Об облике рабочего класса России», автор которой выступал против преувеличения уровня сознательности и организованности пролетариата и предлагал различать такие понятия как «революционность» и «сознательность» рабочих в России нака-

⁵⁴⁸ См. об этом: Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. С.38–39, 121.

⁵⁴⁹ Лейберов М. П. Как мы защищали П. В. Волобуева //Историк и революция. СПб.: ДБ, 1999. С. 27–31.

⁵⁵⁰ Постановление Бюро отделения истории АН СССР «Об итогах обсуждения в Институте истории СССР изданных в 1970 году сборников "Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония" и "Свержение самодержавия" // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 141–145.

нуне и в период революции⁵⁵¹. При критике сборника «Свержение самодержавия» основной удар был нанесен по П. В. Волобуеву как автору. Его критиковали за тезис о том, что после Февральской революции пролетариат «естественно, не был готов к роли вождя новой революции»⁵⁵². Упрекали за «неправильное» понимание ленинских слов о том, что в Октябре большевики брали власть вместе со всем крестьянством. Бюро отделения истории АН СССР рекомендовало дирекции Института истории СССР принять меры по устранению допущенных ошибок. Тем не менее, Волобуева с поста директора тогда не сняли. Отметим, что о «многоукладности» в постановлении не говорилось ни слова. Однако теперь вся группа сторонников «нового направления» была взята под подозрение как носители ошибочных взглядов.

Диссертация Тарновского. Одной из первых жертв критики в адрес Волобуева и его сторонников стал К. Н. Тарновский, который в 1970 г. успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки», проанализировав литературу середины 50-х-начала 60-х гг. Фактически речь шла о периоде становления и господства «школы Сидорова». Однако диссертация не была утверждена ВАКом. Ее текст опубликовал П. В. Волобуев в 1990 г. уже после преждевременной смерти автора в возрасте 65 лет⁵⁵³. Нет сомнений, что по своему научному уровню диссертация удовлетворяла требованиям, которые предъявлялись к докторским диссертациям. По свидетельству Волобуева отказ Тарновскому в искомой степени стал результатом совместного давления консервативного крыла историков и высших партийных структур того времени. Волобуев называл главным виновником давления тогдашнего заведующего отделом науки ЦК КПСС доктора исторических наук С. П. Трапезникова, который сам занимался аграрной историей и не разделял взгляды «нового направления» в трактовке аграрной истории⁵⁵⁴. Не будем ставить под сомнение эту версию и не будем опираться на нее, поскольку у нас нет достоверных материалов, которые могли бы ее подтвердить или опровергнуть.

Обратимся к тексту диссертации и ответим на вопрос, были ли в ней положения, которые могли вызывать обоснованную научную критику со сторо-

⁵⁵¹ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.: Наука. 1970. С. 107–108.

⁵⁵² Свержение самодержавия. М.: Наука, 1970. С. 55.

⁵⁵³ Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России, начало XX в.: советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990.

⁵⁵⁴ Там же. С. 3.

ны коллег. По нашему мнению, такие положения там были, поскольку текст диссертации пронизан тем основным противоречием, которое мы показали при анализе шестого тома «Истории СССР с древнейших времен...» и доклада, сделанного Тарновским в Свердловске. Это неудивительно, поскольку Тарновский был фактическим редактором шестого тома, который вышел в 1968 г., т. е. в период, когда историк завершал работу над диссертацией. Доклад, сделанный им на конференции в Свердловске в 1969 г., вполне может рассматриваться как своего рода краткий конспект диссертации. Ранее мы уже изложили свои замечания к шестому тому и докладу, не будем их повторять. Остановимся только на главном противоречии и покажем, как оно отражено в опубликованном тексте диссертации.

Для этого достаточно обратиться к ее заключительному разделу. В нем автор на двух страницах свел воедино основные положения, которые характеризовали достижения советской историографии эпохи империализма, и с которыми был согласен. Вот эти положения:

– вывод о том, что «*российский монополистический капитал не имел принципиальных отличий от монополистического капитализма более развитых в экономическом отношении стран Западной Европы*». Автор подчеркнул, что этот вывод был основан «на открытии монополистических объединений высшего типа, изучении системы ГМК и *разграничении* военно-феодалного и капиталистического империализма»;

– вывод «о *зрелости* материально-организационных предпосылок для осуществления социалистических преобразований после победы пролетарской революции»;

– вывод о том, что вызревание этой революции было вызвано «прежде всего обострением противоречий *высокоразвитого* капитализма»;

– тезис «о России начала XX столетия как своеобразной модели тогдашнего мира, как средоточия противоречий новой империалистической эпохи», основанный на положении о том, что «в социально-экономической структуре России противоречиво совмещались *основные особенности* структур, как развитых капиталистических стран Запада, так и государств колониального и полуколониального Востока»⁵⁵⁵.

⁵⁵⁵ Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России, начало XX в.: советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990. С. 279–280. Отметим, что термин «капиталистический империализм» употреблялся «школой Сидорова» как аналог термина «монополистический капитализм» для того, чтобы подчеркнуть, что речь не идет об империализме как функции внешней политики.

На наш взгляд, тезис о России как «модели мира» трудно совместить с тезисом об однотипности монополистического капитализма в России и развитых стран Запада, равно как и с тезисом о зрелости России для социализма и тезисом об Октябре как продукте высокоразвитого капитализма. Тарновский не предложил концепции, которая бы непротиворечиво сочетала эти тезисы. Попытка Тарновского разрешить все противоречия путем «разграничения» экономики России как целого и «капиталистического империализма» как особого уклада наталкивалась, по меньшей мере, на два важных вопроса.

Первым возникал вопрос, как в России мог сложиться *такой же* монополистический капитализм как в странах развитого капитализма, если он складывался в иной социально-экономической и политической среде? Разная среда всегда давала разный результат развития. Напомним, что в докладе в Свердловске Тарновский сам признавал, что империализм в России «в той или иной мере испытывает на себе влияние остальных, в том числе и *докапиталистических, социально-экономических укладов*; что, таким образом, некоторые специфические черты российского империализма определяются особенностями *экономики в целом*»⁵⁵⁶.

Второй вопрос – это проблема соотношения части и целого. Как известно, в развитых странах монополистический капитализм был не просто одним из укладов: он определял характер экономики *в целом*. Ленин и все другие теоретики империализма говорили о монополистическом или финансовом капитализме как о новой *стадии* развития капитализма *в целом*, а не просто о появлении там нового уклада. Тарновский попытался снять это противоречие при помощи тезиса о том, что в условиях России монополистический капитализм также занимал *господствующее* положение. В этой связи он писал, что «социально-экономическая структура России рассматривается не как сумма общественных укладов, а как результат их взаимодействия в условиях *сложившегося* и *господствующего* капиталистического империализма»⁵⁵⁷. Однако тезис о господстве надо было доказывать. И это было совсем непросто, потому что Тарновский, обратившись к аграрной сфере, писал, что одним из достижений историографии 1960-х гг. стал *пересмотр* «общепринятого в литературе конца 1940-х–начала 1950-х годов положения о безусловном господстве капитализма

⁵⁵⁶ Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе... С. 16.

⁵⁵⁷ Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России, начало XX в... С. 280.

в аграрном строе страны»⁵⁵⁸. Как известно, аграрная сфера охватывала минимум две трети населения и давала долю национального дохода, которая вдвое превышала долю промышленности. Если в этой главной сфере не господствовал даже *домонополистический* капитализм, то, как в экономике в целом мог господствовать монополистический уклад? Но даже если согласиться с тезисом о господстве монополистического капитализма в России с учетом возможности разной трактовки самого термина «господство», то противоречивость концепции все равно сохранялась, потому что Тарновский приводил и поддерживал вывод историков-аграрников о специфическом воздействии финансового капитала на другие уклады. Автор говорил, что в России в эпоху империализма «крупный капитал не только разрушал докапиталистические отношения, но в то же время и *консервировал* их, приобщаясь к самым грубым формам *докапиталистической* и раннекапиталистической эксплуатации»⁵⁵⁹. И это все писалось в рамках тезиса о принципиальной схожести российского и западного монополистического капитализма. Все эти выводы собраны у автора вместе буквально на двух страницах заключения.

Складывается впечатление, что Тарновский не видел глубину противоречий, заложенных в его концепцию. Это можно объяснить только страстным желанием доказать, что «школа Сидорова» шла в правильном направлении, и ее основные тезисы не были отвергнуты самим фактом обращения учеников Сидорова к концепции «многоукладности» и к тезису о России как модели мира. Отметим, что в этом отношении позиция Тарновского сильно отличалась от позиции других видных сторонников «нового направления». Ни Гефтер, ни Гиндин, ни Волобуев, ни Анфимов не приводили в своих работах тезиса Сидорова о принципиальной схожести новейшего капитализма в России и на Западе, который и создавал основное противоречие в концепции Тарновского. Не было в их работах и тезиса о «зрелости», и тезиса об Октябре как продукте высокоразвитого социализма. Гефтер и Анфимов прямо отрицали оба этих тезиса.

Замечания, высказанные нами по поводу главной проблемы в диссертации Тарновского, отнюдь не преследует цель принизить вклад этого талантливого ученого, крупнейшего советского историографа эпохи империализма. Он находился в творческом поиске и имел право на ошибки, которые неизбежны в ходе такого поиска. Да и мотивы, которыми руководствовался уче-

⁵⁵⁸ Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России, начало XX в... С. 26.

⁵⁵⁹ Там же. С. 280.

ный, заслуживают понимания и уважения. Верность учителю – не самое плохое качество ученика. Следует также отметить, что наши замечания сами по себе не отвечают на вопрос о том, на каком основании была отклонена диссертация столь крупного ученого. Для ответа на этот вопрос необходим анализ тех отзывов, которые дали рецензенты, избранные ВАКом. У нас не было такой возможности.

По нашему мнению, Тарновский и концепция «многоукладности» стали невольными жертвами той борьбы, которая развернулась между П. В. Волобуевым и консервативным крылом историков по *социально-политическим* аспектам истории революции. Волобуеву не могли простить оценок, сделанных в отношении руководящей роли пролетариата и партии большевиков накануне и в период революции. Это было главным, а поддержка Волобуевым концепции «многоукладности» поставила под удар и ее. Этому в немалой степени поспособствовала позиция М. Я. Гефтера, который напугал партийных идеологов призывами к «новому прочтению» Ленина. Борьба затянулась до марта 1974 г., когда П. В. Волобуев был снят с поста директора Института истории СССР как «не справившийся с работой директора», без каких-либо обвинений идеологического характера⁵⁶⁰. Позже был распущен и сектор империализма, работавший в институте. Есть разные версии причин роспуска. Согласно одной, решение было связано с книгой С. В. Тютюкина «Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России, 1914–1917 гг.». В ней автор уделил большое внимание меньшевикам и выступал за более объективную оценку их деятельности. В журнале «Вопросы истории КПСС» (№ 5 за 1974 г.) вышла рецензия историков Е. Д. Черменского и Е. Ф. Ерыкалова, в которой автора книги критиковали за преувеличение влияния мелкобуржуазных партий. Было бы упрощением рассматривать эту рецензию только как выполнение идеологического заказа, поступившего, допустим, со стороны С. П. Трапезникова. Насколько нам известно, ленинградский историк Е. Ф. Ерыкалов был искренне не согласен с рядом позиций С. В. Тютюкина. Однако нет сомнений в том, что партийные органы опасались новаций в трактовке вопросов партийной истории и реагировали на такие рецензии соответствующим образом.

⁵⁶⁰ Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. С. 121.

Понятно, что речь не шла о репрессиях эпохи 1930-х гг. С. В. Тютюкин продолжал работать в Институте Истории СССР и в 1983 г. успешно защитил докторскую диссертацию. Продолжал успешно работать и К. Н. Тарновский, который регулярно печатался и при любом удобном случае воспроизводил свои историографические идеи, но в более аккуратном виде. Так они были изложены в книге «24 декабря 1900», посвященной созданию ленинской «Искры» (1977)⁵⁶¹. В конце 1970-х гг. он вошел в авторский коллектив престижного трехтомного труда «Исторический опыт трех российских революций», который готовил Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Во втором томе, посвященном Февральской революции 1917 г. Тарновский написал ключевую главу, в которой раскрыл социально-экономические предпосылки Второй русской революции⁵⁶². Тема «Искры» стала темой новой докторской диссертации, защищенной автором в 1981 г. и утвержденной ВАКом. В 1983 г. Тарновский издал расширенный вариант книги под названием «Революционное дело (Ленинская "Искра" в борьбе за создание марксистской партии в России)» и в ней также воспроизвел свою историографическую концепцию⁵⁶³. В 1985 г. вышел в свет пятый том «Очерков истории исторической науки в СССР», в котором Тарновский был редактором и автором текстов в ключевом разделе по периоду империализма. Все его работы получили положительные отзывы. Однако все эти события не могли не отразиться на здоровье К. Н. Тарновского и обернулись преждевременной его смертью⁵⁶⁴. Похожей была судьба и уральского историка В. В. Адамова.

Административный разгром «нового направления», естественно, не снял тех проблем, которые были поставлены в научных спорах по основным положениям этого историографического течения. Эти проблемы продолжали дебатироваться, но дебаты чаще всего носили неравноправный характер: оппоненты критиковали сторонников «нового направления», которые были лишены возможности им отвечать в полной мере.

⁵⁶¹ Тарновский К. Н. 24 декабря 1900. М.: Молодая гвардия, 1977.

⁵⁶² Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М.: Политиздат, 1986. С. 15–76.

⁵⁶³ Тарновский К. Н. Революционное дело (Ленинская "Искра" в борьбе за создание марксистской партии в России). М.: Мысль, 1983.

⁵⁶⁴ Очень теплый и глубокий очерк о жизни и творчестве К. Н. Тарновского написали его друзья и коллеги историки В. А. Емец, В. В. Шелохаев. См.: Емец В. А., Шелохаев В. В. Константин Николаевич Тарновский (1921–1987) // Историки России: Послевоенное поколение. М.: АИРО-XX, 2000. С. 199–220.

Глава 5. СПОРЫ И ИТОГИ: 1974–1991 гг.

Административный разгром «нового направления» не привел к отказу от концепции «многоукладности». Эта концепция прочно утвердилась в исторической науке и особенно активно использовалась при анализе экономики стран «третьего мира». Однако применительно к истории России эпохи империализма многие историки предпочитали не употреблять этот термин, чтобы их не причисляли к сторонникам «нового направления». Тем не менее обсуждение всех проблем, поднятых в 1960-е гг., продолжалось и в 1970-е и в 1980-е. Наиболее активно шли дискуссии по проблемам аграрной истории, и в этих дискуссиях доминировали две фигуры – И. Д. Ковальченко и А. М. Анфимов. С новыми идеями выступил К. Н. Тарновский. В методологическом плане важную роль в те годы сыграл очень авторитетный историк академик Н. М. Дружинин, специалист по истории России XIX века.

Николай Дружинин (1886–1986). В том же 1974 г., когда П. В. Волобуев был снят с поста директора Института истории СССР АН СССР, а критика сторонников «нового направления» достигла высшей точки, академик Н. М. Дружинин писал о правомерности применения концепции «многоукладности» к истории России, подкрепляя свою позицию ссылкой на авторитет Ленина: «кардинальный вывод о многоукладности социально-экономической структуры капиталистической России был на большом фактическом материале обоснован В. И. Лениным еще в конце XIX в.». Дружинин был прав, так как, как было сказано ранее, Ленин отмечал существование разных укладов в экономике России в своей работе «Развитие капитализма в России». Историк также подчеркивал, что многоукладность является общей чертой в развитии мирового процесса, но в России «в силу своеобразия ее природных, демографических и исторических условий она оказалась более живучей и более ярко выраженной, чем в Западной Европе, не исключая Пруссии начала XX в.»⁵⁶⁵.

Позиция Дружинина показывает, что критика «нового направления» не означала критики концепции «многоукладности» как таковой. Критиковалась та ее трактовка, которую предложили сторонники «нового направления». Напомним, что суть трактовки выражалась тезисом о «консервации» феодальных пережитков, неспособности капитализма в условиях России преодо-

⁵⁶⁵ Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М.: Наука, 1987. С. 348.

леть докапиталистические уклады. И в этой связи на первое место вновь выходил ключевой вопрос: как оценивать социально-экономический строй в российской деревне в условиях, когда страна в результате отмены крепостного права вступила в эпоху господства буржуазных отношений. Как известно, вопрос был одним из основных в споре Ленина с народниками в конце XIX в. Подводя итоги второй главы книги «Развитие капитализма в России», называвшейся «Разложение крестьянства», Ленин дал такой ответ:

«1) Общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено современное русское крестьянство, есть *товарное хозяйство*. Даже в центральной земледельческой полосе (которая наиболее отстала в этом отношении сравнительно с юго-восточными окраинами или с промышленными губерниями) крестьянин *вполне подчинен рынку*, от которого он зависит и в личном потреблении, и в своем хозяйстве, не говоря даже о податях.

2) Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам наличность всех тех *противоречий*, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму...»⁵⁶⁶.

Иными словами, Ленин подчеркивал процесс развития капиталистических отношений в деревне, оценивал «строй экономических отношений» в деревне как «мелкобуржуазный уклад», который *вполне подчинен рынку*, что превращало его в элемент общей капиталистической системы.

Советские историки не раз обращались к этому вопросу в довоенный и послевоенные периоды. Особый интерес для нас представляет та дискуссия, которая возникла на рубеже 1950-х гг. в журнале «Вопросы истории». Ее главным участником был упомянутый академик Н. М. Дружинин, который и предложил методологию, ставшую общепринятой в советской историографии. Суть состояла в признании определяющего значения той *общей среды*, в которой проходит развитие всех отдельных форм исторического процесса. В 1949 г. в статье, опубликованной в № 11 журнала «Вопросы истории», Дружинин писал, что «всякая периодизация общеисторического процесса должна охватывать собой *всю полноту* социально-экономической, политической и культурной жизни, по крайней мере, в основных, ведущих явлениях каждого исторического этапа. Было бы ошибкой, если бы, устанавливая хронологические грани, мы следили исключительно за изменениями хозяйственной жиз-

⁵⁶⁶ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 164.

ни: такая периодизация была бы чисто экономической, она не включала бы в себя других сторон исторического процесса, не раскрывала бы обратного воздействия – надстройки на базис, которое всегда учитывалось и подчёркивалось классиками марксизма». Отметим, что это методологическое требование хорошо показывает принципиальный недостаток «школы Сидорова», которая делала вывод об экономической зрелости России для социализма, исходя из существования в ключевых отраслях промышленности России форм монополистического капитализма. Рожков, Покровский и Ленин делали акцент на понятии «культура» как наиболее общем показателе.

«С другой стороны, – продолжал Н. М. Дружинин, – всякая периодизация является делением конкретного исторического материала и как всякое логическое деление должна исходить из единого принципа; такой принцип должен быть существенным и по возможности всеохватывающим, т. е. учитывающим все стороны исторической жизни». Для Н. М. Дружинина таким принципом был *формационный*, связанный с коренными характеристиками способа производства (базиса и надстройки). Историк не сомневался в доминировании капиталистических отношений в России после отмены крепостного права и подкреплял свою позицию ссылкой на Ленина: «В России в 1861 г. тоже произошёл переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой – замена крепостничества капитализмом, при котором деление на классы осталось, остались различные следы и пережитки крепостного права, но в основном деление на классы получило иную форму»⁵⁶⁷.

В то же время Дружинин писал: «Устанавливая хронологические вехи исторического процесса, мы не должны преувеличивать их значение: они помогают нам понять закономерный ход исторических событий и последовательную смену общественных отношений, но они не могут претендовать на полную адекватность изучаемой действительности».

Именно поэтому Дружинин выделял разные периоды в истории развития капитализма в России. По мнению историка, «ведущим явлением *первого* периода капиталистической эпохи (1861–1882 гг.) была замена принудительного труда *свободным трудом в промышленности и сельском хозяйстве*». «Однако пережитки феодальной эпохи сохраняются в этот период не только в виде помещичьих латифундий, самодержавной власти и остатков внеэкономического принуждения, но и в обнажённом виде временнообязанных отношений, т. е. чистейшей *феодальной* эксплуатации».

⁵⁶⁷ Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 71.

Второй период в истории капиталистической формации наступил, по мнению Н. М. Дружинина, после того, как в 1883 г. «правительственным законом окончательно ликвидируется принудительный труд путём обязательного выкупа оставшихся крепостных повинностей». Историк определил этот период как период «домонополистического зрелого капитализма», имея в виду тот факт, что принудительный труд был полностью заменен свободным трудом и в сельском хозяйстве.

Третий период истории капитализма, с 1901 г. по 1917 г., он определил как «победившую и господствующую капиталистическую формацию, в которой сохраняются пережитки феодального строя» и закрепил этот период термином «военно-феодальный империализм», который вошел в послевоенную литературу в результате усилий П. И. Лященко, несмотря на то, что Сталин не включил этот термин в текст «Краткого курса». При этом Н. М. Дружинин называл социально-экономический строй России после первой революции периодом «монополистического капитализма»⁵⁶⁸. Таким образом, он принял ту точку зрения, которую защищал Н. Н. Ванаг и поддержал, хотя и без энтузиазма М. Н. Покровский, вопреки мнению А. Л. Сидорова, который относил утверждение «нового капитализма» к началу XX в.

Н. М. Дружинин, признавая многоукладный характер российского общества, подчеркивал господство капиталистической формации как основной среды, в которой существуют разные уклады, а также поступательный ход развития капитализма в России. И в этом отношении концепция Н. М. Дружинина была не совместима с тезисом о неспособности капитализма преобразовать докапиталистические уклады, который составлял суть позиции «нового направления» в аграрном вопросе.

Иван Ковальченко. Опираясь на методологию Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко предложил свой подход, специально ориентированный на изучение аграрного строя России. Его ученица и коллега Н. Б. Селунская подчеркивала *системный* характер этого подхода, нацеленность на анализ аграрного строя России в целом, отдельных компонентов. И действительно, историк исследовал каждый из элементов системы аграрных отношений (крестьянское и помещичье хозяйства, аренда и др.), рассматривая их и «как функционирующие микросистемы и как подсистемы системы аграрных отношений, имеющие свою структуру, которая однако во многом определя-

⁵⁶⁸ Дружинин Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 91, 93, 100, 101, 102, 106.

лась – через системное качество – *характером макросистемы* и его воздействием на все элементы системы и наоборот»⁵⁶⁹. Иными словами, признавалось, что в рамках капиталистической макросистемы могли существовать и некапиталистические микросистемы, которые, однако, определялись характером макросистемы, но в то же время оказывали свое влияние и на нее.

Ковальченко продолжил научный спор со сторонниками «нового направления», не делая в их адрес никаких обвинений. Важное значение имела статья «Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX–начале XX века» (1973). В ней историк подошел к проблеме определения сути аграрного строя в России, анализируя становление товарных рынков на землю, средства производства, рабочую силу и продукцию земледелия. Историк показал, что в начале XX в. эти товарные рынки сливались в единый аграрный капиталистический рынок и сделал вывод, что аграрный строй в Европейской России в конце XIX–начале XX в. «являлся по своему объективно экономическому содержанию ... и ... социально-классовой структуре *буржуазно-капиталистическим*».

Стоит особо отметить определение «*буржуазно-капиталистический*». Это очень гибкое понятие, которое позволяет учесть тот факт, что в российской деревне большинство крестьянских хозяйств не использовали наемный труд и поэтому не были капиталистическими, но они были буржуазными, поскольку они вступали в рыночные отношения как юридически свободные участники процесса производства и обмена. Автор подчеркивал нарастание *капиталистического* характера буржуазных отношений во всех секторах сельского хозяйства, видя в этом результат действия общих закономерностей капиталистического развития: «Все типы и виды хозяйств, поскольку они были связаны с рынком, *всё в большей мере* оказывались под воздействием господствующих на нем объективно экономических, *товарно-капиталистических* по сути закономерностей»⁵⁷⁰.

Ковальченко усилил свои позиции цитатой из работы Ленина «Землеустройство и деревенская беднота» (1913), в которой говорилось: «Но если абсолютно бесспорно, что развитие капитализма и пролетаризация деревни *неизбежно идут вперед* и в России, как во всем мире, то величайшей ошибкой было бы ограничиться этой истиной. *Капитализм бывает разный: помещичий, полу-*

⁵⁶⁹ Селунская Н. Б. Методологические проблемы изучения аграрного строя пореформенной России в трудах И. Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: 1997. С. 60–61.

⁵⁷⁰ Ковальченко И. Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX–начале XX века // История СССР 1973. № 2. С 59. 60.

феодалный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы, — а также капитализм свободных фермеров, наиболее демократический, менее мучительный для массы, с наименьшими остатками привилегий»⁵⁷¹. Важность цитаты состояла в том, что Ленин говорил о помещичьем и полуфеодалном укладах как о капиталистических. Это лишало А. М. Анфимова и его сторонников возможности опереться на авторитет Ленина в данном вопросе. Такую же возможность они теряли и в отношении тезиса о «консервации» пережитков, поскольку Ленин ясно говорил, что в России «развитие капитализма и пролетаризация деревни *неизбежно* идут вперед».

Ковальченко использовал авторитет Ленина, чтобы сформулировать свой главный методологический принцип о необходимости четкого разграничения *содержания* и *форм* аграрного строя, имея в виду, что *все* формы имеют объективное капиталистическое содержание. Он отметил, что Анфимов, говоря об «отработках», делал акцент на форме, а не на содержании⁵⁷². Критические замечания Ковальченко высказал в адрес К. Н. Тарновского за поддержку тезиса о «консервации» и особенно в адрес М. Я. Гефтера за тезис о существовании «крепостнического уклада», отметив, что эти тезисы не доказаны конкретно-историческим материалом. Статья Ковальченко была положена в основу заключительной главы фундаментального труда «Всероссийский аграрный рынок. XVIII–начало XX века. Опыт количественного анализа» (1974), опубликованного в соавторстве с Л. В. Миловым⁵⁷³. В этой книге историк подробно изложил методологию, методику и результаты своего исследования.

В 1982 г. Ковальченко в соавторстве с Н. Б. Селунской и Б. М. Литваком опубликовал книгу «Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма», в которой проанализировал тенденции развития *помещичьего хозяйства*, отметив, что его роль в системе аграрных отношений была значительной, несмотря на малый удельный вес в сельскохозяйственном производстве, поскольку оно оказывало существенное влияние на крестьянское хозяйство⁵⁷⁴. На основе анализа больших объемов статистических данных авторы пришли к выводу, что «отработочная система помещичьего хо-

⁵⁷¹ Ленин В. И. Землеустройство и деревенская беднота // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 6.

⁵⁷² Ковальченко И. Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX–начале XX века... С. 61–62.

⁵⁷³ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII–начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974.

⁵⁷⁴ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1982. С. 4.

зяйства как *самостоятельная форма* его организации полностью себя *изжила*». Хотя отработки «сохранялись в той или иной мере во всех районах», они «не определяли сути внутреннего строя помещичьего хозяйства». Этот строй к концу капиталистической эпохи «был, безусловно, буржуазно-капиталистическим»⁵⁷⁵. Такой результат сильно ослаблял позиции тех историков-аграрников, кто делал акцент на весомость отработок и видел в этом важный аргумент против тезиса о примате капиталистических отношений в аграрной сфере.

В 1988 г. Ковальченко со своими коллегами и учениками подготовил новую книгу «Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма», в которой авторы, опираясь на те же методы, доказали подчиненность *крестьянского* хозяйства рынку, рассматривая этот факт как аргумент в пользу тезиса о доминировании капиталистических отношений в аграрной сфере⁵⁷⁶. В тоже время авторы не утверждали, что трудовое крестьянское хозяйство было капиталистическим.

Сравнение тенденций развития крестьянского и помещичьего хозяйств привело Ковальченко к выводу, что в предреволюционной России «наиболее широкой и благоприятной основой для буржуазной аграрной эволюции было крестьянское хозяйство, занимавшее доминирующее положение в сельскохозяйственном производстве. Помещичье же хозяйство не только не обладало надлежащим весом, но и не имело производственно-технического и экономического превосходства над крестьянским»⁵⁷⁷. Дело было в том, что большинство помещичьих хозяйств сами не имели достаточного количества рабочего скота и инвентаря для обработки своей земли, поскольку привыкли сдавать землю в аренду крестьянам, которые обрабатывали ее собственным рабочим скотом и инвентарем.

Ковальченко, показывая процесс капиталистической эволюции в аграрной сфере, в то же время подчеркивал, что он не устранял всех противоречий и не снимал с повестки дня аграрную революцию, поскольку процесс формирования единого капиталистического рынка не завершился из-за отставания *земельного рынка*. Речь шла о том, что царизм всеми мерами поддерживал дворянское зем-

⁵⁷⁵ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма... С. 217–218.

⁵⁷⁶ Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма М.: Издательство МГУ, 1988.

⁵⁷⁷ Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России (опыт многомерного типологического анализа) // Аграрная эволюция России и США в XIX–начале XX века. М.: Наука, 1991. С. 18–19.

левладение. После подавления первой русской революции дворяне перестали массово продавать землю, как это делалось в 1906–1907 гг. В результате сохранилась ситуация, когда весьма внушительные помещичьи землевладения существовали на фоне обостряющейся земельной нужды крестьян, создавая потенциал крестьянской революции. Автор считал, что его преодоление было возможно *только революционным путем*. Об этом он писал в статье 1973 г.⁵⁷⁸ Позже историк развил эту тему, внося в нее новый элемент. В докладе, присланном на международный научный симпозиум, который проходил в Ленинграде в 1990 г., Ковальченко обосновывал необходимость Октябрьской революции из-за «сращивания полуфеодальной и буржуазной собственности» в России начала XX в. В результате «сращивания» возникла ситуация, когда стала очевидной невозможность ликвидации помещичьего землевладения «без покушения на частную собственность в целом». Противоречие между «настоятельной необходимостью ликвидации помещичьего землевладения, основного феодального пережитка и тормоза всего социально-экономического прогресса, и невозможностью решения этой задачи в буржуазных условиях» автор доклада считал «важнейшей, можно даже сказать, основной исторической предпосылкой социалистической революции в России». Тезис о «сращивании полуфеодальной и буржуазной собственности» побудил Ковальченко сформулировать тезис о *неизбежности* перерастания демократической революции в России в социалистическую. Итоговый вывод гласил: «Социалистическая революция в России была *неизбежностью*, порожденной особенностями ее исторического, прежде всего *аграрного*, развития»⁵⁷⁹.

Тезис о неизбежности нам представляется слишком жестким. По сути Ковальченко, хотя и по иным основаниям, повторял тезис Троцкого, который также утверждал, что только большевики могли радикально решить аграрный вопрос. Критикуя Троцкого, мы отметили, что эсеры в 1917 г. могли в любой момент принять аграрный закон, который нарушал принцип частной собственности, но в целом оставил бы Русскую революцию в буржуазно-демократических рамках, поскольку вектор развития революции определялся теми, кому принадлежала государственная власть. Напомним, что в Польше в 1919 г. сейм под давлением крестьян и в условиях готовившейся войны с Со-

⁵⁷⁸ Ковальченко И. Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX–начале XX века... С. 70.

⁵⁷⁹ Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб.: Наука, 1992. С. 253, 261, 262.

ветской Россией за территорию Украины и Белоруссии, принял «Основы земельной реформы», которые предусматривали принудительный раздел крупных имений среди крестьян. Однако затем реформа была свернута, хотя часть земли крестьяне получили. Разрядив частичными мерами аграрный вопрос, польская буржуазия сохранила власть и вектор буржуазного развития, причем сделала это во многом и руками польских социалистов. В России ситуация развивалась по-другому потому, что эсеры не решились разорвать коалицию с кадетами и осуществить свою собственную аграрную программу. К власти пришли большевики, которые отстаивали вектор социалистического развития и поэтому выступали за ликвидацию частной собственности на землю, видя в этом важнейший шаг к социализму.

Точка зрения Ковальченко, отрицавшего возможность мирной эволюции в аграрном секторе России, опиралась на результаты особого имитационного прогноза. Историк и его ученики поставили себе задачу выяснить, «какой могла бы быть социальная структура деревни в начале 20-х гг. сравнительно с 1912 г., если бы в это время в аграрном развитии сохранились условия 1900–1912 гг., т. е. если бы для реализации столыпинской реформы было больше мирного времени». Идея построения такого прогноза возникла в связи с тем, что в ходе столыпинских реформ вместо ожидаемого роста удельного веса зажиточных слоев в деревне, на фоне быстрого роста населения шел процесс их уменьшения: если к 1900 г. число крестьянских дворов с четырьмя и более лошадьми составляло 9 %, то в 1912 г. только 6,4 %. По расчетам историка получалось, что доля зажиточных дворов в начале 1920-х гг. составила бы 5,5 %, т. е. оказалась меньшей, чем в 1912 г. Иными словами, в деревне сложилась устойчивая тенденция, когда постоянно росло число бедноты, т. е. готовых союзников пролетариата («наличествовала широкая социальная *основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством*») и уменьшалось число зажиточных крестьян как потенциальных союзников обуржуазившихся помещиков. «В целом, — делал вывод автор, — рассматриваемый прогноз показывает несостоятельность суждений тех, кто полагает, что Столыпинская реформа при иных условиях ее проведения могла бы обеспечить аграрный прогресс и тем самым предотвратить Октябрьскую революцию»⁵⁸⁰.

Важно подчеркнуть, что тезис о «сращивании собственности», выдвинутый Ковальченко, лишь внешне был похож на тезис, который выдвигали сто-

⁵⁸⁰ Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб.: Наука, 1992. С. 252, 259, 260.

ронники «нового направления». Ковальченко имел в виду тот факт, что половина всей земли помещиков была заложена в частных банках, а другая половина – в Дворянском банке, и ни одно буржуазное правительство не могло согласиться на «черный» передел, который наносил сильный удар по банковской системе и подрывал принцип неприкосновенности частной собственности в масштабах всей финансовой системы страны. А для Гефтера и его сторонников тезис о «сращивании» был частью тезиса о «консервации», о неспособности капитализма преобразовать некапиталистические уклады, которые, по их мнению, доминировали в аграрной сфере.

Подводя итог анализу позиции Ковальченко, сделаем такой вывод: даже если не соглашаться с ним в том, что все элементы аграрного строя Европейской России в начале XX в. уже носили *буржуазно-капиталистический* характер (т. е. сделать акцент на том, что трудовое крестьянское хозяйство, которое хотя и было окутано рыночными капиталистическими отношениями, но по своему внутреннему строю было семейным и в этом смысле некапиталистическим), проделанный им анализ развития помещичьего и крестьянского хозяйств убедительно доказывал, что в аграрной сфере не было никакой непреодолимой «консервации» полукрепостнических укладов: шел постоянный процесс развития капитализма, ускоренный реформами Столыпина. Иными словами, Ковальченко убедительно разбил главное (самое характерное и уязвимое) звено в концепции сторонников «нового направления».

Андрей Анфимов. Важен вопрос: как работы Ковальченко повлияли на позиции тех историков-аграрников, которые примыкали к «новому направлению»? В этой связи особый интерес представляют работы А. М. Анфимова, который продолжил изучение аграрной истории после административного разгрома «нового направления» и уже в 1980 г. выпустил новую книгу под названием «Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904». В предисловии он признал справедливость главной методологической позиции, из которой исходил Ковальченко, и заявил, что «не подлежит сомнению тот факт, что общий характер аграрного строя определялся объективно историческими закономерностями. А последние суть закономерности господствовавшего капиталистического строя». В этой связи автор счел уместным «указать на ошибочность высказанного нами в 1959 г. тезиса о *повсеместном преобладании* полукрепостнических отношений в российской деревне»⁵⁸¹.

⁵⁸¹ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука, 1980. С. 7.

Ранее мы отмечали очевидную неаккуратность этого тезиса, который сам автор опровергал в книге 1962 г., указывая на преобладание капиталистических отношений в южных и западных районах страны. Однако Анфимов, открыто признав одну явную ошибку, не упомянул об ошибочности главного элемента аграрной концепции «нового направления» — тезиса о «консервации» феодальных пережитков. Историк просто написал, что в предлагаемой читателю работе всем материалом вполне доказывается «господство капиталистического уклада, пронизывавшего все поры экономической жизни деревни и *преобразовывавшего* на свой лад *даже самые отсталые формы* деревенского быта»⁵⁸². Это был отказ от ключевого тезиса о неспособности российского капитализма преобразовать все докапиталистические уклады — отказ без открытого признания ошибки.

В то же время Анфимов критически оценил итоги прошедших дискуссий и отметил, что «несмотря на бесспорные успехи нескольких поколений советских историков-аграрников в изучении российской деревни в разных аспектах ее сложной истории, к настоящему моменту *неясных вопросов едва ли осталось меньше, если не стало больше*». Он так обозначил основной вопрос, по которому был готов продолжать полемику: «не приходится считать решенным вопрос о степени развития товарно-капиталистических форм производства у разных категорий хозяйств». Касаясь проблемы оценки крестьянских хозяйств, он отметил: «Оказался предметом спора вопрос о товарном характере хозяйств, продающих не излишки производства, а необходимый продукт». Напомним, что Ковальченко главным аргументом в пользу тезиса о доминировании капиталистических отношений в аграрной сфере считал вовлеченность крестьян в рыночные отношения и рассматривал всех крестьян, продававших хлеб, как товаропроизводителей. Анфимов оспорил эту позицию, указав, что многие крестьяне осенью продавали часть *необходимого* продукта, а весной зачастую брали зерно в долг. Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой выбора точки зрения. Анфимов смотрел на ситуацию изнутри крестьянского хозяйства, а Ковальченко с точки зрения системы производственных отношений и фиксировал тот факт, что крестьянин продал свой продукт, т. е. сделал его товаром, и продал, подчиняясь законам рынка.

Касаясь проблемы отработок, Анфимов так сформулировал проблему спора: «Возникло разное понимание *характера* отработочной системы ведения помещичьего хозяйства, что требует более глубокого изучения разных видов

⁵⁸² Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904... С. 7.

отработок по районам, и формы зависимости крестьян от соседних землевладельцев»⁵⁸³. Таким образом, и в этом вопросе он открыто не оценил как ошибку свой тезис о «полукрепостническом» (а не полубуржуазном) характере отработочной системы. Отметим, что эту оценку не следует трактовать как чисто «вкусовое» фиксирование одной и той же ситуации по аналогии с известным выражением о стакане, который «наполовину пуст» или «наполовину полон». В концепции Анфимова отрицание «полубуржуазного» характера отработочной системы было связано с тезисом о «консервации», о неспособности капитализма преобразовать полукрепостнические уклады в капиталистические.

Точное изложение позиции Анфимова, сформулированной в его новой книге 1980 г., имеет значение в связи с тем, что в 1997 г., т.е. уже в «эпоху Ельцина» с присущими ей особенностями в развитии исторической науки, журнал «Вопросы истории» опубликовал фрагменты рукописи Анфимова под названием «Неоконченные споры», сопроводив публикацию предисловием. В нем говорилось, что «в книге, изданной в 1980 г., Анфимов был *вынужден* написать, что признает ошибочными свои *основные* выводы о характере аграрного строя России (сводящиеся к господству в нем *докапиталистических* отношений). Тем самым он сохранил возможность продолжить научную деятельность и издать еще две книги. Рукопись, фрагменты из которой публикуются ниже, – свидетельство того, что ее автор продолжал борьбу за свои убеждения»⁵⁸⁴.

На наш взгляд, позиция Анфимова в этом предисловии изложена неточно. Как мы видели, историк признал ошибочным только свое действительно явно ошибочное заявление о «*повсеместном преобладании* полукрепостнических отношений в российской деревне», но ни слова не сказал об отказе от тезиса о господстве «*докапиталистических* отношений». И в книге 1980 г. и в опубликованных записках 1997 г. Анфимов продолжал рассматривать трудовое крестьянское хозяйство как «докапиталистическое» и на этой основе говорил о *примате докапиталистических отношений* в русской деревне.

В книге 1980 г. автор убедительно показал, что в рассматриваемый период времени (до первой революции) крестьянство мучительно и долго расставалось с пережитками крепостного права после его отмены. Автор охотно приводил ленинские цитаты, в которых говорилось о *средневековом характере* крестьянского землевладения, подтверждая ими свою позицию⁵⁸⁵.

⁵⁸³ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904... С. 3.

⁵⁸⁴ Анфимов А. М. Из архива историка. Неоконченные споры // Вопросы истории 1997. № 5. С. 49.

⁵⁸⁵ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 67.

В частности, он использовал работу Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908) и ссылаясь на фразу о том, что «надельное землевладение крестьян – чисто средневековое. Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами»⁵⁸⁶.

Однако весь материал книги Анфимова свидетельствовал, что в период с 1801 по 1904 г., т. е. в период после убийства Александра II и до начала Первой русской революции, процесс капиталистического развития шел во всех сферах крестьянского хозяйства, включая землевладение, землепользование, материальную базу и производство.

В сфере *землевладения* о развитии капитализма говорил нарастающий процесс концентрации земли у зажиточных крестьян в рамках общины и рост частного крестьянского землевладения. Последнему способствовал Крестьянский банк, открытый в 1882 г. Вначале банк совершал только посреднические операции, а затем стал сам продавать помещичью землю крестьянам на приемлемых условиях: ссуда на долгий срок (до 50 лет) из 6,5 % годовых, первоначальный взнос около 25 %. Большую часть земли (74,4 % от всех покупок по 1905 г.) покупали товарищества, которые объединяли крестьян, способных выплачивать проценты. На 1 января 1905 г. частное крестьянское землевладение составило уже 24,6 млн десятин, а к 1915 г. выросло еще на 10,2 млн десятин. В итоге, сообщает Анфимов, на долю крестьян 47 губерний Европейской России в 1905 г. приходилось 16 %, а в 1915 г. уже 25,4 % из всей площади частного землевладения (97,7 млн десятин). Автор особо подчеркнул, что две трети купчей земли находилась в руках богатых крестьян, владевших участками свыше 50 десятин, а 3,6 млн десятин принадлежали крестьянам, ставшим крупными земельными собственниками, «чумазыми лендлордами», имевшими свыше 500 дес. земли. Включив крестьян, имевших свыше 50 дес. купчей земли, в число частных собственников нетрудового типа, использовавших наемный труд, автор показал, что в целом частновладельческие земли такого типа составляли 36,2 % от всей земли и ими владели всего около 134 тыс. крупных собственников, а остальной землей владели 12 млн крестьянских дворов. Иными словами степень концентрации земли и неравенства в землевладении была очень высокой⁵⁸⁷. И она обострялась уже под воздействием чисто капиталистических операций, связанных с куплей-продажей земли.

⁵⁸⁶ Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 64.

⁵⁸⁷ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 57, 65, 67, 75, 76.

В ходе анализа сферы *землепользования* автор отметил большое распространение аренды, и прежде всего внутрикрестьянской (внутринадельной), которая позволяла зажиточным крестьянам концентрировать в своих руках большее количество земли. Существенной была и доля вненадельной аренды (37 млн дес. по расчетам автора) или 24 % от всей земли, которая была у крестьян (надельная и купчая). Автор привел данные, что более чем две трети вненадельной земли арендовались крестьянскими обществами и товариществами, что фактически свидетельствовало против его тезиса о полукрепостническом характере аренды⁵⁸⁸. Тем не менее автор воспроизвел этот тезис и написал, что крестьяне арендовали помещичью землю «на кабальных условиях» и, ссылаясь на Ленина, противопоставил отработочную систему и капиталистическую. Как известно, Ленин в работе «Развитие капитализма в России» писал, что после отмены крепостного права «при всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе, экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно к системе *отработочной и капиталистической*»⁵⁸⁹. Однако Ленин там же писал, что отработки постепенно отмирают и замещаются капиталистическими отношениями, и Анфимов признал, что «сама отработочная система заключала в себе черты, переходные к капитализму»⁵⁹⁰.

Результаты анализа материально-производственной базы крестьянских хозяйств и динамики производства основной продукции сельского хозяйства также привели автора к выводу, что процесс капиталистического развития в деревне нарастал, но одновременно нарастали и противоречия, которые вели к революции 1905 г. Таким образом, в работе Анфимова не было даже скрытой попытки защитить тезис о «консервации» феодальных пережитков и неспособности российского капитализма их преодолеть.

Вывод автора гласил: «сельское хозяйство крестьян Европейской России за рассматриваемую четверть века претерпело самые разнообразные изменения, причем равнодействующая факторов, влиявших на эти изменения, выражалась *ведущей тенденцией* превращения патриархального натурального и полунатурального земледелия в торговое и простого товарного производства в капиталистическое»⁵⁹¹. Отметим, что автор сделал акцент на *тенденцию*

⁵⁸⁸ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 117–118, 134.

⁵⁸⁹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 186.

⁵⁹⁰ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 232.

⁵⁹¹ Там же. С. 227.

развития, но не дал прямой оценки достигнутого результата: не написал, что капиталистические отношения *доминировали* в крестьянском хозяйстве. И Анфимов был прав в своей позиции в том смысле, что внутренний строй крестьянского хозяйства (середняков и бедняков) носил семейный трудовой характер. Даже распространенный у крестьян наем ограниченного числа сезонных работников не придавал ему капиталистический характер. В то же время автор подчеркнул, что «все социальные группы деревни, хозяйства всех типов уже были связаны с капиталистическим рынком самыми разнообразными связями, купля-продажа земли, орудий труда, продуктов производства и, наконец, рабочей силы стала всеохватывающим явлением жизни деревни»⁵⁹². Это было признанием справедливости позиции Ковальченко, главившей, что аграрная сфера в России развивалась по законам капиталистического пути как составная часть капиталистической системы, хотя и испытывала тормозящее воздействие прежней системы в лице самодержавия и его социально-экономической опоры – помещичьего землевладения.

На наш взгляд, это правильная позиция, и нет оснований утверждать, что Анфимов был «вынужден» ее принять, чтобы сохранить возможность для дальнейшей работы. Об этом свидетельствуют все дальнейшие работы Анфимова, написанные, в том числе и в годы «перестройки» и после 1991 г. Нигде он не вернулся к тезису о «консервации», но во всех работах продолжал делать акцент на большой объем крепостнических пережитков, считал таковыми «отработки», не признавал товарными те крестьянские хозяйства, которые из нужды продавали хлеб. Отметим, что за такую позицию автора никто не преследовал, и все оппоненты писали о нем с уважением. Как нам представляется, лояльное отношение к Анфимову со стороны идеологических структур ЦК КПСС было связано с тем, что он не поднимал таких политически острых проблем, которые поднимал П. В. Волобуев (связанных с оценкой роли рабочего класса и большевиков в истории Русской революции). Более того, Анфимов все свои позиции подкреплял ссылками на Ленина, поскольку Ленин, действительно, после 1905 г. подчеркивал тяжесть полукрепостнических пережитков в деревне, руководствуясь вполне определенными политическими целями.

В 1984 г. Анфимов издал новую книгу «Экономическое положение и классовая борьба Европейской России 1881–1904 гг.», в которой проанализировал такие элементы крестьянского хозяйства, как промыслы, платежи и

⁵⁹² Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России... С. 228.

налоги⁵⁹³. Материалы этой книги с еще большей убедительностью показывали проникновение капиталистических отношений в жизнь крестьянства. Позицию автора по вопросу о характере крестьянского хозяйства в рассматриваемый период хорошо передают следующие слова: «Приводимые в работе разнообразные данные свидетельствуют о глубоком проникновении в экономику крестьянского хозяйства товарно-денежных отношений, *господстве* капиталистического начала в аграрном строе России»⁵⁹⁴.

Тем не менее при анализе вопросов продажи крестьянами хлеба он остался верен своей прежней позиции. Со ссылкой на работу А. С. Нифонтова он показал существенную роль «вынужденных продаж» бедными крестьянами хлеба осенью для выплаты налогов и столь же вынужденной покупки хлеба весной из-за его нехватки для пропитания до нового урожая⁵⁹⁵. Анфимов напомнил, что в ходе обсуждения этой проблемы еще в 1960-е гг. историк П. Г. Рындзюнский считал товаропроизводителями только тех крестьян, которые продают *излишки*. В то время как И. Д. Ковальченко считал таковыми всех тех, кто продает *товар* на рынке. Анфимов поддержал первую точку зрения, которую сам отстаивал в своих работах⁵⁹⁶. В то же время Анфимов признал справедливость позиции Нифонтова, который и практику «вынужденных продаж» трактовал как фактор, втягивавший крестьян в рыночную торговлю, т. е. в сферу капиталистических отношений⁵⁹⁷.

Монография Нифонтова действительно явилась крупным вкладом в изучение зернового производства России во второй половине XIX в., и важно отметить, что автор исходил из признания процесса развития капитализма в русской деревне и не говорил о «консервации» феодальных пережитков. Анфимов принял эту точку зрения и проводил ее по всей книге.

После 1991 г. Анфимов гораздо более критично, чем раньше, отзывался о своих оппонентах и порой необъективно излагал сюжеты старых споров историков-аграрников, но не вернулся к своим позициям 1968 г., столь ярко представленным в шестом томе «Истории СССР с древнейших времен до наших

⁵⁹³ Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба Европейской России 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984.

⁵⁹⁴ Там же. С. 3.

⁵⁹⁵ Там же. С. 4–5.

⁵⁹⁶ Там же. С. 6.

⁵⁹⁷ Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. / по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974, с. 37–38.

дней». В этой связи интересно обратиться к упомянутой публикации «Неоконченные споры», вышедшей в журнале «Вопросы истории» в 1997 г., т. е. уже после смерти автора⁵⁹⁸. Вот в каком характерном для этой работы стиле Анфимов описывал позицию Ковальченко и его сторонников: «Спор приобрел неожиданный, даже *забавный* оборот: *две тройки* историков, возглавляемые каждая Ковальченко, изучавшие порознь крестьянское и помещичье хозяйство, убеждены, что они доказали капиталистическую природу дореволюционного сельского хозяйства России, *не догадываясь*, что на деле доказали господство *мелкобуржуазного* хозяйства, что не одно и то же»⁵⁹⁹. Иными словами, по мнению Анфимова, его оппоненты даже не понимали, о чем они пишут и что доказывают. Отметим, что Ковальченко никогда не позволял себе писать в таком стиле о позиции Анфимова. «Неоконченные споры» стали базой для издания посмертной книги Анфимова «П. А. Столыпин и российское крестьянство», которая вышла в 2002 г. и была посвящена замыслу и итогам реформ Столыпина⁶⁰⁰. В ней главным стал вывод о крахе реформы, но для нас важно отметить, что публикаторы не привели каких-либо материалов, которые бы свидетельствовали о возвращении Анфимова к позициям 1960-х гг.

«Крестьянство России в период трёх революций». В 1987 г. в форме пособия для учителей вышла книга В. Г. Тюкавкина и Э. М. Щагина «Крестьянство России в период трёх революций»⁶⁰¹. **В. Г. Тюкавкин** (1928–2002) был известен как знаток сибирской деревни. В 1966 г. он защитил докторскую диссертацию «Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма», в которой доказывал высокий уровень развития капитализма в аграрном секторе Сибири. Затем историк занимался столыпинской реформой, и тот позитивный результат, который оказала реформа на сибирскую деревню, явно влиял на его оценку итогов реформы в Европейской России, что особенно проявилось уже в постсоветский период⁶⁰².

⁵⁹⁸ Анфимов А. М. Из архива историка. Неоконченные споры // Вопросы истории 1997. № 5. С.

⁵⁹⁹ Там же. С. 53.

⁶⁰⁰ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Институт российской истории РАН, 2002.

⁶⁰¹ Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трёх революций. М.: Просвещение, 1987.

⁶⁰² Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа М., 2001.

Э. М. Шагин (1933–2013) много занимался дальневосточным регионом, где классовое расслоение крестьян было слабым, и преобладали сословные, а не классовые различия (например, между казаками и крестьянами), и это делало его противником тезиса о преобладании капиталистических отношений в русской деревне в целом. Такая позиция не помешала историку в 1974 г. успешно защитить докторскую диссертацию «Октябрьская революция в деревне восточных окраин России», которая получила высокую оценку И. Д. Ковальченко. Оба историка были приглашены из провинции на работу в Москву и сделали успешную научную и преподавательскую карьеру.

Упомянутая совместная работа В. Г. Тюкавкина и Э. М. Шагина вышла в период перестройки, когда критика в адрес П. В. Волобуева и его сторонников была признана неправомерной и административный разгром «нового направления» был осужден исторической общественностью. Тем не менее авторы не проявили желания возродить позиции А. М. Анфимова и М. Я. Гефтера. Подчеркивая существование «полукрепостнических методов эксплуатации» в деревне, историки не говорили о том, что они *доминировали* в аграрной сфере. В книге нет тезиса о «консервации» крепостнических отношений российским империализмом. Авторы отметили, что после первой русской революции Ленин признал допущенную им «переоценку степени капиталистического развития в русском земледелии»⁶⁰³, но не согласились с «некоторыми советскими историками», которые в 60-х гг. трактовали эти слова «так, что будто бы после 1905 г. В. И. Ленин признал *господство* пережитков феодализма в деревне»⁶⁰⁴. В. Г. Тюкавкин и Э. М. Шагин сослались на письмо к И. И. Скворцову-Степанову, написанному в 1909 г., в котором Ленин подтверждал верность своих позиций, высказанных в 1899 г. в книге «Развитие капитализма в России». Ленин привел слова из этой книги о том, что «развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянском», и что «это развитие уже *бесспорно определило* не иной путь развития, как *капиталистический*, не иную группировку классов, как капиталистическую», а затем подчеркнул: «Это надо было доказать. Это было доказано. Это *остается доказанным*»⁶⁰⁵. Авторы привели и важную оценку, данную Лениным в 1912 г. в работе «Сущность “аграрного вопроса в России”», где Ленин писал: «Коренное

⁶⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 269.

⁶⁰⁴ Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трёх революций... С. 7.

⁶⁰⁵ Ленин В. И. И. И. Скворцову-Степанову. 16 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 227.

противоречие, которое ведет к таким ужасным бедствиям ... есть противоречие между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, *значительно развитым в нашем земледелии*, и *землевладением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим»⁶⁰⁶. Из этой оценки следовало, что Ленин говорил о «значительном развитии капитализма в *земледелии*» и «средневековым, крепостническим» считал только *землевладение* (помещичье и наделное крестьянское). Авторы отметили, что у Ленина было «четко подчеркнуто: капитализм, высоко развитый в промышленности и *значительно развитый* в земледелии»⁶⁰⁷. Иными словами, авторы взяли у Ленина те оценки, в которых чувствовалось определенное завышение уровня развития капитализма в России. Они усилили эту линию, заявив, что «с учетом капиталистического развития и сельского хозяйства, и промышленности В. И. Ленин оценивал уровень капитализма в России как *средний*». Более того, авторы, сославшись на «Тетради по империализму», поясняли, что Россия «была *средней в высшем, передовом эшелоне* капиталистических держав, вступивших в эпоху империализма»⁶⁰⁸. Такая оценка была очевидным повтором ошибки, допущенной А. Л. Сидоровым в 1938 г., когда он неправильно перенес на *социально-экономический уровень* ту черновую классификацию, которую Ленин набросал в «Тетрадах по империализму» при анализе *военно-политического положения* держав, участниц первой мировой войны. По этой классификации Ленин во вторую группу стран – «второстепенные (первоклассные, но не вполне самостоятельные)» – включил Францию, Россию и Японию, а к третьей группе отнес Италию и Австро-Венгрию ⁶⁰⁹. Отметим, что Ленин никогда не использовал такой классификации в опубликованных текстах, тем более для характеристики уровня социально-экономического развития России.

Авторы уделили внимание проблеме формы и содержания в аграрных отношениях, отметив необходимость «подчеркнуть изменение содержания пережитков крепостничества под воздействием капитализма»⁶¹⁰. В этой связи они так трактовали проблему отработок: «Если крепостной мужик не шел на отработки (барщину), то его могли высечь или сослать на каторгу. Другое дело – крестьянин конца XIX в.: если он не шел на отработки, то его заставить не могли. Его заставляла нужда, но это уже категория капиталистиче-

⁶⁰⁶ Ленин В. И. Сущность «аграрного вопроса в России» // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 308–309.

⁶⁰⁷ Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трёх революций... С. 9.

⁶⁰⁸ Там же. С. 11.

⁶⁰⁹ Ленин В. И. Тетради по империализму // Полн. собр. соч. Т. 28. С. 178.

⁶¹⁰ Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трёх революций... С. 10.

ского общества». По нашему мнению, это правильная трактовка. Однако авторы ее ослабили, находясь под влиянием всей прежней историографической традиции (дореволюционной и советской), согласно которой отработки считались полукрепостническими, т. е. акцент делался на старую форму, а не на новое содержание. В итоге авторы написали, что отработки были «одновременно системой полуфеодальной (натуральная оплата, работа своими орудиями) и *полукapиталистической* (замена прямого, юридического внеэкономического принуждения различными формами кабалы)»⁶¹¹.

Говоря о причинах Русской революции, авторы зафиксировали крах реформы Столыпина в плане умиротворения крестьян и создания мощного слоя крепких хозяев. В тоже время они отметили, что «крах Столыпинской аграрной политики не означал, что реформа не имела серьезного значения и принесла только отрицательные результаты. Она была значительным шагом в развитии России по капиталистическому пути после реформы 1861 г.»⁶¹². Свою задачу авторы видели в том, чтобы «показать тормозящее действие пережитков крепостничества в деревне, борьбу двух путей аграрного капитализма, *одновременное наличие в России предпосылок буржуазно-демократической и социалистической революций*»⁶¹³.

Решая эту задачу, они изложили причины Октябрьской революции в ее аграрном аспекте, основываясь на общепринятой концепции двух социальных войн: «Наличие в деревне разных социальных групп порождало два рода противоречий. Первые из них – это противоречия между всем крестьянством и помещиками-латифундистами». Это противоречие порождало первую социальную войну всех трудящихся против царизма и помещиков. «Вторую группу составляли противоречия между беднейшим крестьянством и кулачеством. Это порождало вторую социальную войну в деревне и определяло возможность выступления беднейшего крестьянства в социалистической революции»⁶¹⁴.

Авторы признавали возможность *альтернативного* развития Русской революции после свержения самодержавия и трактовали его в соответствии с той позицией, которую Ленин сформулировал в резолюции по аграрному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции. Принятая резолюция гласила: «В зависимости от того, удастся ли городскому про-

⁶¹¹ Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трёх революций... С. 11.

⁶¹² Там же. С. 116, 118.

⁶¹³ Там же. С. 4.

⁶¹⁴ Там же. С. 6–7.

летариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, – в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции ... »⁶¹⁵.

На наш взгляд, изложенная двумя историками позиция доминировала в советской историографии 1980-х гг.

Константин Тарновский. Как отмечалось ранее, К. Н. Тарновский продолжал активно работать после событий начала 1970-х гг., переключившись с проблем экономической истории на проблемы политической. Его новая докторская диссертация была посвящена проблеме становления большевизма как политического течения и партии. Выводы, сделанные в ходе изучения этой проблемы, позволили историку вновь вернуться к социально-экономической истории и по-иному раскрыть старую идею о *типе* капиталистического развития России.

Напомним, что Гефтер в известном сборнике 1969 г. писал, что «пережитки крепостничества и патриархальщины в огромной мере *приспосабливают* к себе складывающиеся в недрах крестьянства буржуазные отношения», и полагал, что «в исторической ретроспективе следовало бы назвать этот *тип* капитализма российским»⁶¹⁶. Это предложение вызвало критику, поскольку оно было основано на тезисе о неспособности российского капитализма преодолеть феодальные пережитки, который был явно слабым и противоречил конкретному материалу.

Теперь Тарновский по-иному изложил свое понимание идеи об особом типе капиталистического развития России. Он сделал это наиболее четко в одном из последних публичных выступлений, которое состоялось в Историко-архивном институте в апреле 1987 г. и было опубликовано в журнале «Наука и жизнь».

В начале автор рассказал о том, как шла работа по изучению политической истории, и каковы были ее результаты: «если в 60-х годах главный упор был сделан на изучение экономической стороны истории России, то в 70-х годах – такой же *прорыв* был сделан в истории политической структуры ка-

⁶¹⁵ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). М.: Госполитиздат, 1958. С. 246.

⁶¹⁶ Гефтер М. Я. Страница из истории марксизма начала XX в... С. 21.

питалистической России». Суть «прорыва» состояла в осмыслении различий в развитии партийно-политической истории в Западной Европе и в России. В западноевропейских странах «сначала были либералы, потом радикалы, потом мелкобуржуазные фракции сформировались политически и, наконец, после известного Манифеста Коммунистической партии создаются марксистские рабочие партии». В России все происходило иначе: «первая партия, которая появилась в России, была РСДРП. Все остальные партии буржуазного общества России формировались под огромным влиянием деятельности нашей социал-демократической партии».

По мнению Тарновского, *стало* ясно, что такая последовательность «должна так или иначе отражать *иной тип* экономического развития. Все то, что было откинуто, запрещено в 1970-е годы, опять встало перед исторической наукой как принципиальный вопрос. Только теперь не надо было все это заново исследовать: просто ранее проделанную историками работу предстояло скорреспондировать с работой по изучению политической структуры российского буржуазного общества. Так начался *современный этап* в разработке многоукладности России, связанный с определением *типа капиталистической эволюции страны*».

И далее, по словам автора, «*выяснилось*» следующее: по сравнению со странами Западной Европы система крупного индустриального производства складывалась в России в иной последовательности. На Западе «первая стадия промышленного переворота начиналась в легкой промышленности, потом в тяжелой, а затем выдвигается система машин, организуются транспорт и средства связи. И, наконец, возникает банк, отражая окончательно всю систему крупного индустриального производства». В России же в отличие от западноевропейских стран «строительство железных дорог предшествовало промышленному перевороту и стало стимулом организации крупной индустрии». Иной была и «последовательность чередования аграрного и промышленного переворота». В странах первого эшелона развития капитализма аграрный переворот был следствием победы буржуазных революций, и он предшествовал промышленному перевороту. В России же сначала был промышленный, а потом аграрный переворот, который «с точки зрения окончательной победы того или другого типа развития капитализма (по прусскому или американскому пути) не завершился к 1917 году, и Октябрь, походя, мимоходом, доделал эту работу, не завершенную русским капитализмом»⁶¹⁷.

⁶¹⁷ Тарновский К. Н. В преддверье Октября // Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 79–80.

Все эти обстоятельства, полагает Тарновский, породили иную последовательность созревания *классов* русского буржуазного общества: «Не буржуазия возглавила эту эволюцию, а рабочий класс. Он раньше, чем буржуазия, осознал себя политически в стране, и это определило всю расстановку классовых сил на этапе буржуазно-демократического переворота». По мнению автора, «новый тип капиталистической эволюции, выявившийся в России, породил новую сцепку общественных сил, новый тип революционно-освободительного движения с пролетариатом во главе». И далее Тарновский делает вывод: «теперь вы можете составить такую цепочку: новый тип капиталистической эволюции, новый тип складывания политической структуры буржуазного общества, новый тип революционного движения в стране, новый тип партии. Вот теперь вся эта цепочка замыкается друг на друге, и перед вами встает цельность и единство, которое можно изучать как проявление этой цельности и единства. Вот в чем дело»⁶¹⁸.

Когда читаешь эти строки, возникает странное ощущение. На память вновь приходит выступление историка А. О. Чубарьяна, который при обсуждении в 1971 г. сборника статей «Историческая наука и некоторые проблемы современности» с упреком говорил: «Многие материалы представлены так, что создается впечатление, будто это – открытие его авторов, будто в сборнике ставятся такие вопросы, которых никто ранее не ставил. Но ведь многие из тех проблем, о которых говорится, были поставлены раньше»⁶¹⁹. И действительно, все те особенности развития капитализма, общества и политических партий в России, о которых писал Тарновский, не раз отмечались самыми разными авторами еще в дореволюционный период. О них писали и спорили историки на всех этапах развития советской историографии Русской революции. Поэтому слова о том, что это «стало ясно», «выяснилось» только в 1980-е годы в рамках «современного этапа» в разработке проблемы «многоукладности» России, вызывают недоумение. Новым стало лишь то, что Тарновский все указанные особенности оформил в концепцию «особого *типа* капиталистического развития России» и построил действительно красивую цепочку причин и следствий, в которой логично увязаны экономические, социальные и политические процессы. И это построение заслуживает в целом высокой оценки. Хотя оно далеко не безупречно. Чтобы это показать, просто

⁶¹⁸ Тарновский К. Н. В преддверье Октября... С.80.

⁶¹⁹ См.: В Отделении истории АН СССР. Обсуждение некоторых проблем методологии истории // Вопросы истории. 1971, № 10. С. 164.

зададим ряд вопросов: можно ли считать формальную дату создания РСДРП в 1898 г. доказательством того, что рабочий класс первым в России «осознал себя политически»? Какая оппозиционная сила в России реально играла более весомую политическую роль накануне и в годы Первой русской революции: либералы или социалисты? Смог ли рабочий класс России стать действительным гегемоном, т. е. руководителем революционного движения в революции 1905 года, смог ли он повести за собой крестьянство? Успехи кадетов на выборах в Государственную думу первого созыва не позволяют говорить, что эта партия либеральной буржуазии в годы Первой революции уступала социалистам по уровню влияния в обществе. А формирование крестьянской фракции «трудовиков», второй по численности после кадетов, дает все основания считать, что в тот период рабочий класс и его партия в крестьянской стране не находились во главе революционного движения. Им еще предстояло завоевать эту роль, и это случилось только в 1917 году.

Однако нам важно подчеркнуть другое: созданная Тарновским концепция «особого *типа* капиталистического развития России» не вытекала из концепции, созданной в рамках «нового направления», поскольку исходила из факта поступательного развития российского капитализма, а ядром «нового направления» был тезис о «консервации», о неспособности российского капитализма преодолеть феодальные пережитки. В своей новой концепции и в своем докладе Тарновский ни слова не сказал об этом тезисе. Он не стал его защищать, но, как и Анфимов, не признал открыто эту главную ошибку. В этой связи необъективным смотрится заключительный вывод доклада Тарновского о том, что «борьба с новым направлением в исторической науке задержала на 15 лет разработку проблемы исторических предпосылок Октября как проблемы целостной»⁶²⁰. Строго говоря, эта проблема всегда разрабатывалась в советской историографии как целостная. Такая традиция была заложена в самом революционном 1917 г., когда шла острая межпартийная и внутрипартийная борьба по вопросу о том, какие экономические, социальные и политические условия позволяют или не позволяют ставить вопрос о проведении в стране пролетарской революции. И всем было понятно, что ответ зависит от правильного учета особенностей развития и состояния всех сфер общественной жизни. И если смотреть на проблему объективно, то борьба с «новым направлением» не позволила утвердиться в советской историографии ошибочным взглядам на характер и особенности развития капитализма в

⁶²⁰ Тарновский К. Н. В преддверье Октября... С. 81.

России, которые сами авторы отказались защищать в условиях «перестройки», когда имели все возможности это сделать.

Валерий Бовыкин. После ликвидации сектора по истории периода империализма в Институте истории СССР в 1974 г. был создан сектор буржуазно-демократических революций. Заведующим стал В. И. Бовыкин, ученик А. Л. Сидорова, который остался на позициях своего учителя и не примкнул к «новому направлению». Он был известен своей книгой «Зарождение финансового капитала России» (1967), написанной в духе «школы Сидорова»⁶²¹. В 1984 г. Бовыкин издал книгу «Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в.–1908», написанную с тех же позиций.

В 1988 г. Бовыкин опубликовал наиболее интересную для нашей темы книгу «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции», которая отличается историографическим уклоном и позволяет выявить отношение автора к истории раскола «школы Сидорова» на сторонников и противников «нового направления» и судьбе последнего.

Первая глава посвящена анализу взглядов Ленина на проблему предпосылок для социалистической революции в России. Автор в традиционной для «школы Сидорова» манере делает акцент на сентябрьские (1917) работы Ленина, но подчеркивает, что Ленин говорил о наличии в России только «первоначальных предпосылок» и необходимости переходных шагов к социализму. Бовыкин так суммирует позицию Ленина: «Для обеспечения возможности перехода от капитализма к социализму необходимы известная высота капиталистического развития, наличие хотя бы *первоначальных материальных предпосылок* социалистического преобразования народного хозяйства»⁶²².

Автор приводит и объективно цитирует статью Ленина «О нашей революции», но не согласен с теми, кто видит в ней «доказательство того, что Ленин якобы признал объективную неподготовленность социалистической революции в России»⁶²³. Бовыкин парирует это мнение ссылкой на статью Ленина «О кооперации», написанную за десять дней до заметок «О нашей рево-

⁶²¹ Бовыкин В. И.: 1) Зарождение финансового капитала России М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967; 2) Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в.–1908. М.: Наука, 1984.

⁶²² Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции М. Наука 1988. С. 12–13, 19.

⁶²³ Там же. С. 23–24.

люции»: «В самом деле, – писал Ленин, – власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. – ... разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»⁶²⁴. Как мы отмечали, в этой статье Ленин говорил о существовании *политических* условий для полной победы социализма, что неоспоримо показывает процитированный ленинский текст. Бовыкин счел возможным придать этому тексту более широкое и общее толкование. И в принципе это было допустимо, поскольку Ленин выделял существование *крупных средств производства* и власть государства на них. В любом случае позиция Бовыкина выглядит более привлекательно, чем позиция А. Л. Сидорова, который весьма своеобразно излагал смысл статьи «О нашей революции». Напомним и некорректную позицию К. Н. Тарновского, который в своей книге 1964 г. при критике Покровского не упоминал об этой статье, хотя тот приводил ее как главный аргумент в пользу своей позиции. В дальнейшем Бовыкин точно процитировал и те «неудобные» оценки уровня развития российского капитализма, которые Ленин дал в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», и которые Сидоров и Тарновский либо замалчивали, либо приводили в усеченном виде⁶²⁵.

Вторая глава книги была посвящена аграрному строю. Опираясь на труды И. Д. Ковальченко и его соратников, Бовыкин подчеркнул факт постоянно идущего процесса развития капиталистических отношений в деревне, который сопровождался падением удельного веса помещичьих хозяйств. Этот факт свидетельствовал о несостоятельности тезиса о «консервации» феодальных пережитков, связанных с «отработками» в помещичьих имениях⁶²⁶. Обратившись к последним работам А. М. Анфимова, Бовыкин показал, что тот также не возвращался к тезису о «консервации».

В третьей главе автор рассмотрел проблемы развития промышленности и показал, что начальные этапы процесса становления монополий в России пришлось на конец XIX в., но период *утверждения* монополистического капитализма он отнес к новому промышленному подъему, подтвердив тем самым со-

⁶²⁴ Ленин В. И. О кооперации // Полн. собр.соч. Т.45. С. 370.

⁶²⁵ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений... С. 123.

⁶²⁶ Там же. С. 40.

лидарность с позицией Н. Н. Ванага и П. И. Лященко: «В годы предвоенного промышленного подъема организационные формы монополизации народного хозяйства России приобретают вполне зрелый характер и *завершается складывание* системы монополистического капитализма»⁶²⁷. Бовыкин не делал вывода о зрелости России для капитализма в духе оценок Сидорова, но показал, что в предреволюционной России «монополистические объединения различных типов охватывали российскую промышленность все более сложной сетью взаимосвязей и взаимозависимостей. Они сосредоточивали у себя нити руководства большими группами промышленных предприятий и даже целыми отраслями промышленности» и при этом «сами эти объединения нередко полностью зависели от крупнейших российских банков»⁶²⁸.

В четвертой главе он проанализировал процесс становления финансового капитала и развития банковской системы и сделал вывод: «Границы влияния российских банковских монополий нуждаются еще в уточнении. Однако и без этого очевидно, что к 1917 г. они представляли собой именно те центры экономической жизни, овладение которыми позволяло пролетариату взять в свои руки контроль над функционированием народного хозяйства страны»⁶²⁹. Таким образом, в целом он остался верен основной позиции «школы Сидорова», но сформулировал ее более аккуратно: не как утверждения о том, Россия экономически созрела для социализма, а как тезис о том, что уровень развития российского монополистического капитализма «позволял пролетариату взять в свои руки контроль над функционированием народного хозяйства страны». И эта позиция, на наш взгляд, выглядит вполне обоснованной. Тем не менее, она не снимает более широкой проблемы: оценки степени зрелости России для перехода к социализму с точки зрения уровня развития *культуры* в целом.

Наибольший интерес представляет пятая глава книги, которая носит название «К вопросу о характере и уровне российского капитализма». В ней автор изложил свое отношение к «новому направлению». Его позицию можно представить в виде тезисов:

– термин «многоукладность» не научный, а описательный, ибо никто «не счел нужным обосновать необходимость применения нового понятия и определить его содержание»;

⁶²⁷ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений... С. 73–76.

⁶²⁸ Там же. С. 77–78.

⁶²⁹ Там же. С. 89.

– Ленин не употреблял термин «многоукладность», хотя и говорил об укладах, существовавших в стране весной 1918 г. в ситуации, которая совершенно отличалась от ситуации, существовавшей до 1917 г.;

– в разграничении Тарновским двух понятий (особенности экономики России периода империализма и особенности российского империализма) «заключался главный дефект предложенного им решения. Ибо при таком рассмотрении оставалось неясным, что представляла собой российская экономика как совокупность производственных отношений»;

– к концу 1960-х гг. обозначилось тенденция «рассматривать многоукладность как некую совокупность укладов, среди которых капитализм не был господствующим»;

– утверждения о господстве в аграрном строе страны докапиталистических отношений и о том, что капитализма в промышленном производстве был насажден «сверху» помещичьим государством, вели к тому, что «путь капиталистического развития России выглядел принципиально иным, чем те, по которым шли страны Запада»;

– термин «многоукладность» компенсировал отказ от использования формулы «военно-феодальный империализм» и вновь обращал внимание на отягощенность монополистического капитализма в России крепостническими пережитками;

– представители «нового направления» стремились «навязать советской исторической науке под видом постулата о многоукладности России модифицированную, но *по существу старую схему*, в основе которой лежали *сталинские представления* о процессах, обусловивших Октябрьскую революцию». Их усилия были реакцией на «изменения, происшедшие в общественной жизни страны в середине 60-х годов», эти изменения были «восприняты рядом историков как сигнал к отказу от того, что было сделано в предшествующее десятилетие»⁶³⁰.

Отметим свое несогласие с первыми тремя пунктами позиции Бовыкина. Как мы говорили ранее, Ленин, хотя и не употреблял сам термин «многоукладность», не раз говорил о существовании в России как капиталистических, так и докапиталистических производственных отношений, называя их укладами. Термин «многоукладность» был вполне научным, и его основное содержание достаточно ясно определялось самим значением слов «много» и

⁶³⁰ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений... С. 97–99, 149.

«уклады». Под словом «уклады» все понимали типы социально-экономических отношений, о чем в 1918 г. четко писал Ленин. Разделение Тарновским двух указанных понятий (особенности экономики России периода империализма, и особенности российского империализма) логично вытекало из принятия концепции «многоукладности» и подтверждалось российской действительностью: до революции в России существовали четыре из пяти укладов, названных Лениным весной 1918 г. применительно к ситуации в Советской России. Термин «многоукладность» лучше и точнее выражал эту действительность, чем термин «военно-феодальный империализм», который своей семантикой выпячивал роль феодальных пережитков, хотя Ванаг и Лященко признавали не только факт доминирования капиталистических отношений, но и даже переход российского капитализма в высшую стадию.

Три последующих пункта Бовыкина имеют право на существование. Действительно, «новое направление», как с иронией подметил П. Н. Зырянов, в вопросе о степени зрелости российского капитализма и его специфике было возвратом к позициям Лященко и, добавим, к позициям «Краткого курса», которые совпадали. Все сторонниками «нового направления», кроме Тарновского, отбросили оба основных тезиса «школы Сидорова». Более того, при трактовке вопроса о специфике российского монополистического капитализма сторонники «нового направления» пошли много дальше тех, кто обозначал эту специфику термином «военно-феодальный империализм». Дело в том, что тезис о неспособности российского капитализма преобразовать докапиталистические уклады придавал российскому капитализму такую особую специфику, которая никогда не разделялась ни Ванагом, ни Лященко, ни Сталиным. Именно в этой связи возникают основания заявить, что сторонники «нового направления» так представили путь капиталистического развития России, что он, как сказал Бовыкин, «выглядел принципиально иным, чем те, по которым шли страны Запада». Бовыкин был прав и в том, что объективно у сторонников «нового направления» к концу 1960-х гг. обозначилось тенденция «рассматривать многоукладность как некую совокупность укладов, среди которых капитализм не был господствующим». С учетом того факта, что крестьянское хозяйство доминировало в экономике России по численности занятого населения и доли в национальном доходе, тезис Анфимова о некапиталистическом характере крестьянского хозяйства действительно оставлял открытым вопрос о том, какой строй в целом существовал в России накануне революции. Напомним, что В. В. Адамов в предисловии к сборнику до-

кладов свердловской конференции (1969) прямо писал, что «экономика страны *до самой революции* носила *переходный* характер»⁶³¹. Гефтер говорил о «кризисе системы» многоукладной экономики, в которой «старое оказалось способным *ассимилировать новое, превратить его в источник для себя*», а система «латифундия–надел» своим существованием «создала *порочный круг*, выйти из которого к “свободному” капитализму чисто эволюционным путем оказалось *невозможным*»⁶³². Такие оценки, как правило, сопровождали общим признанием того, что с отменой крепостного права Россия вступила в стадию капитализма, но в контексте последующих оценок вопрос о том, как далеко она продвинулась по этому пути, оставался открытым. Напомним о том, что Тарновский в этом вопросе занял удивительно противоречивую позицию: с одной стороны, он сохранял верность тезису Сидорова о принципиальной однотипности российского и западного империализма, а с другой – принимал тезис о «консервации» и видел в России модель для стран «третьего мира», которая отражала коренные черты, типичные для стран Востока.

Что касается последнего пункта приведенной ранее характеристики позиции «нового направления», данной Бовыкиным, то его принять нельзя. «Новое направление» не было конъюнктурной реакцией на тот консервативный поворот, который наметился в СССР после отставки Н. С. Хрущева, и не ставило своей целью «навязать» советской исторической науке «модифицированную, но *по существу старую* схему, в основе которой лежали *сталинские представления* о процессах, обусловивших Октябрьскую революцию». По нашему мнению, все сторонники «нового направления» стремились к творческому изучению предыстории и истории Русской революции. Никто не стремился к возрождению «сталинской историографии» в ее традиционном понимании как некритического воспроизведения любых высказываний верховного авторитета.

Возникает вопрос: почему появилось столь предвзятое объяснение Бовыкиным причин появления и сути «нового направления»? Позже стало известным, что оно появилось в книге уже на этапе редакторской правки рукописи и явилось реакцией на прямые и не прямые обвинения Бовыкина в том, что он участвовал в кампании административного давления, которая на рубеже 1970-х гг. была развязана против сторонников «нового направления».

⁶³¹ Предисловие // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 10.

⁶³² Гефтер М. Я. Многоукладность – характеристика целого... С. 87–89, 91.

В период «перестройки» П. В. Волобуев и его сторонники неоправданно называли своих оппонентов «носителями догматических взглядов», сторонниками «Краткого курса». Бовыкина в этом обвинить было нельзя, и он, обиженный, «зеркально» ответил на эти обвинения. Непосредственным толчком стала статья, опубликованная Волобуевым в журнале «Наука и жизнь» осенью 1987 г., которая содержала такие обвинения⁶³³. В ответ Бовыкин обвинил Волобуева и его сторонников в возврате к концепции «Краткого курса» и вставил несколько страниц в заключение своей книги, посвященных персональной критики Волобуева как своего главного оппонента. Бовыкин напомнил, что в 1955 г. Волобуев разделял сталинский тезис о полукOLONиальной зависимости царской России, потом перешел на позиции Сидорова и в частности писал о том, что противоречие между трудом и капиталом, обостренное войной и разрухой, выдвинулось на первый план и послужило «главной двигательной силой новой революции в России», а в 1970 г. пришел к выводу, что «залогом Октября» послужила нерешенность задач буржуазно-демократической революции в России⁶³⁴. Бовыкин таким образом намекал на конъюнктурный характер эволюции взглядов Волобуева.

По нашему мнению, Волобуев, несмотря на вполне понятные изменения в ходе своего развития как историка, всегда стремился защищать свою собственную точку зрения. Он не был сторонником ни той крайней позиции, которую занимал Сидоров в вопросе о зрелости России для социализма, ни той крайней позиции, которую занимали Гефтер и Анфимов в вопросе о «консервации» феодальных пережитков, а итоговый тезис Волобуева о нерешенности задач буржуазно-демократической революции как «залог» Октября нам представляет верным, как и все (в целом) его статьи в сборниках 1970 г., за которые его тогда критиковали. В то же время попытка Волобуева в статье 1987 г. представить своих оппонентов и критиков «нового направления» только как представителей консервативного крыла советской историографии носит откровенно предвзятый характер. Как мы показали, историографические позиции, занятые Анфимовым, Гефтером и поддержанные Тарновским, порождали совершенно обоснованную научную критику. В этой связи остается только пожалеть, что Волобуев своей позицией, продиктованной вполне понятной обидой, спровоцировал Бовыкина на такую же неоправданную с

⁶³³ См.: Волобуев П. В. Великий Октябрь \\\ Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 8–14.

⁶³⁴ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений... С. 150–151.

научной точки зрения ответную реакцию, что вскоре привело к еще более резкой и совсем ненаучной полемике.

Прежде чем перейти к анализу этой полемики, завершим анализ книги Бовыкина и приведем его итоговую трактовку причин и предпосылок Октября. «Волею исторических судеб, – писал Бовыкин, – Россия начала XX в., олицетворявшая собой основные тенденции развития тогдашнего мира и его диспропорции, стала средоточием экономических, социальных и политических противоречий, свойственных мировой капиталистической системе. То были прежде всего противоречия самого капитализма, вступившего в свою высшую стадию, а также противоречия, порождавшиеся нерешенностью буржуазно-демократических задач. Сплетение их в единый узел, имевшее результатом превращение России в слабое звено мирового капитализма, создало условия для назревания здесь социалистической революции»⁶³⁵.

Важно отметить, что в этой трактовке и во всей книге Бовыкина нет жесткого тезиса Сидорова об экономической зрелости России для социализма. Бовыкин в 1970-е–80-е гг. постепенно перешел на ту более аккуратную позицию (минимум предпосылок), которую всегда занимал Волобуев. В книге этот переход зафиксирован в самом начале при изложении Бовыкиным позиции Ленина. Повторим эту оценку: «Для обеспечения возможности перехода от капитализма к социализму необходимы *известная высота* капиталистического развития, наличие хотя бы *первоначальных материальных предпосылок* социалистического преобразования народного хозяйства»⁶³⁶.

Пolemика 1989 г. Не удивительно, что рассмотренная нами книга Бовыкина и особенно добавленные в последний момент страницы заключения вызвали протест со стороны сторонников «нового направления» и положили начало острому спору на страницах журнала «Вопросы истории». **В. В. Поликарпов**, научный консультант редакции, написал критическую рецензию под названием «*”Новое направление” – в старом прочтении*»⁶³⁷. Статья отражала справедливое возмущение тем административным разгромом, которому были подвергнуты П. В. Волобуев и его коллеги, и возлагала на Бовыкина вину за участие в этих событиях. Чувство возмущения, владевшее автором, явно затруднило ему объективное изложение причин, сути и итогов научного спора. Журнал опубликовал ответ Бовыкина на эту статью, а также комментарий

⁶³⁵ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений... С. 143.

⁶³⁶ Там же. С. 12–13, 19.

⁶³⁷ Поликарпов В. В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 44–61.

П. В. Волобуева и материал, присланный членом-корреспондентом АН СССР Е. И. Дружининой, женой академика Н. М. Дружинина. Фактически только последний материал и носил чисто научный характер, поскольку Бовыкин, хотя и упрекнул Поликарпова в уходе от научного спора и переходе на личности, сам пошел по этому же пути. П. В. Волобуев так же пошел по этому пути. Из их текстов нельзя понять ни реальной сути позиций «нового направления», ни сути позиций их противников. Отметим, что Е. И. Дружинина сразу обратила на это внимание и упрекнула В. В. Поликарпова как «зачинщика» острой дискуссии ненаучного характера в том, что в своей статье он не дает «стройного и последовательного изложения своей концепции предпосылок Октября так же, как и концепций цитируемых авторов». Дружининой не понравилось и то необычное заявление, с которого Поликарпов начал свою статью. Он писал, что «новое направление» появилось как реакция и вступило в противоречие «с традиционно-апологетическим истолкованием отечественной истории (прежде всего советского периода), с утверждавшимся псевдопатриотическим приукрашиванием монархически-имперского дореволюционного государства»⁶³⁸. Это заявление действительно звучит очень странно и вызывает недоверие ко всем дальнейшим заявлениям автора. Как было показано в нашей работе, «новое направление» появилось как реакция на чрезмерно оптимистическую трактовку предпосылок Октября характерную для «школы Сидорова». Именно так объяснил причины пересмотра своих прежних позиций глава направления П. В. Волобуев, ученик Сидорова: «Нам стало ясно, что нельзя выводить Октябрьскую революцию напрямую из зрелости русского капитализма, *как мы это делали раньше*»⁶³⁹. Других причин появления «нового направления» не было. И нет оснований упрекать Сидорова или Бовыкина, который остался на позициях «школы Сидорова», в «приукрашивании монархически-имперского дореволюционного государства». Они «приукрашивали» другое: зрелость российского капитализма для Октябрьской революции, доказывая при этом и ее необходимость.

Впрочем, главный недостаток статьи Поликарпова состоит в том, *как* автор представил позицию сторонников «нового направления»: он свел ее к концепции «многоукладности». Однако, как мы видели, уже в шестом томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (1968), первой коллективной работы, выпущенной учениками Сидорова после его смерти, а

⁶³⁸ Поликарпов В. В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 44.

⁶³⁹ Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2000. С. 36.

также в докладах на конференции в Свердловске (1969) речь шла не просто о «многоукладности». На смену тезису Сидорова о высокоразвитом российском капитализме пришли тезисы о «консервации» крепостнических пережитков в аграрной сфере, о *доминировании* там докапиталистических укладов и *неспособности* российского империализма преобразовать эти уклады. Напомним ту характеристику предвоенной российской экономики, которую в шестом томе (редактор К. Н. Тарновский) дали А. М. Анфимов, П. В. Волобуев и И. Ф. Гиндин: «Период 1907–1914 гг. характеризуется, с одной стороны, интенсивным процессом *складывания* системы монополистического капитализма, с другой стороны, именно в это время отчетливо выявляется тенденция к *сращиванию* финансового капитала с латифундциальным помещичьим землевладением, с торгово-ростовщическими формами эксплуатации, его приобщение к до и раннекапиталистическим формам эксплуатации. Вместе с царизмом, таким образом, *империализм консервировал* наиболее отсталые, варварские формы эксплуатации трудящихся масс страны»⁶⁴⁰. Масштабы и степень «консервации» были раскрыты тезисом о том, что в условиях России «социально-экономическое развитие по пути капитализма *не могло преодолеть многоукладности* российской экономики»⁶⁴¹. Эти идеи прозвучали в докладах Гиндина, Тарновского и Гефтера на свердловской конференции годом позже, причем Гефтер придал им еще большую жесткость.

Именно против этих тезисов первыми выступили П. Г. Рындзюнский и И. Д. Ковальченко, т. е. историки-аграрники, поскольку именно работы Анфимова по аграрной истории дореволюционной России сыграли главную роль в формировании позиции «нового направления».

Однако в своей статье Поликарпов даже не упоминает об этом тезисе, что делает его критику Бовыкина неубедительной. По сути Поликарпов выдвинул два основных возражения по поводу позиции Бовыкина. Во-первых, рецензент резко осудил его попытку представить «новое направление» как «старую схему, в основе которой лежали сталинские представления». В ответ Поликарпов представил Бовыкина консервативным «сталинистом», который в период «застоя» душил прогрессивную историческую мысль, а в период перестройки стал обвинять своих оппонентов в том, что это они возрождали «сталинские представления»⁶⁴². Ранее мы признали некорректность попытки

⁶⁴⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т.6... С. 804–805.

⁶⁴¹ Там же. С. 338.

⁶⁴² Поликарпов В. В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 45.

Бовыкина упрекнуть сторонников «нового направления» в стремлении вернуться к сталинским позициям на фоне консервативного поворота. Однако согласились с Бовыкиным в том, что позиция «нового направления» в вопросе о зрелости России для социализма была явным возвратом на позиции Лященко-Сталина. Что касается мнения Поликарпова о Бовыкине как консервативном «сталинисте», то мы его также отвергаем: по своим историографическим позициям Бовыкин был верным последователем «школы Сидорова», которая с середины 1950-х видела свою миссию в борьбе со «сталинской историографией». Бовыкин упорно решал эту задачу. Напомним только его статью, направленную против тезиса о России как «полукolonии», специально вставленную А. Л. Сидоровым в сборник 1963 г., изданный по итогам научной сессии 1961 г. Из-за того, что во многих докладах на сессии участники привели много материалов об экономической зависимости России начала XX в. от иностранных капиталов, критика сталинского тезиса о «полукolonии» стала затруднительной, и Сидоров поручил именно Бовыкину выступить против этого тезиса с особой статьей.

Второй упрек Поликарпова был направлен Бовыкину за вывод о том, что «новое направление» погибло естественной смертью в результате научных споров. Это вывод содержался в последней книге и в статьях Бовыкина. Поликарпов его отверг, доказывая, что сторонники «нового направления» были подвергнуты административному, а не научному разгрому (увольнение Волобуева, не утвержденная ВАК диссертация Тарновского и др.) и были лишены возможности полноценно отстаивать свои взгляды. Административные гонения – бесспорный факт, который заслуживает безоговорочного осуждения. Однако если говорить о том, какова *научная* судьба «нового направления», то тезис Бовыкина трудно оспорить. В чисто научном аспекте оно действительно умерло естественной смертью. «Похороны» состоялись в период «перестройки» и были осуществлены руками самых видных представителей «нового направления» – Волобуева, Тарновского и Анфимова, которые показали неготовность защищать главные положения «нового направления». Понятно, что эти «похороны» не относятся к концепции «многоукладности», которая осталась завоеванием советской историографии.

Проще всего показать судьбу «нового направления», обратившись к уже упомянутым статьям Волобуева и Тарновского, опубликованным осенью 1987 г., в семидесятую годовщину Октябрьской революции в журнале «Наука и жизнь».

П. В. Волобуев в своей статье под названием «Великий Октябрь» справедливо критиковал различные проявления догматизма, существовавшие в со-

ветской историографии, и наметил целый ряд проблем, трактовка которых нуждалась в пересмотре. Обратившись к событиям рубежа 1960–70-х гг., автор заявил, что в этот период «здоровый (несмотря на известные издержки) процесс развития исторического познания был прерван». При этом он очень кратко упомянул о проблеме «многоукладности дореволюционной российской экономики», на разработку которой был якобы наложен запрет, и ни словом не упомянул о тезисе о «консервации», который и составлял главную особенность трактовки концепции «многоукладности» представителями «нового направления». Очень своеобразно автор охарактеризовал и своих оппонентов, резко сузив их круг: «Люди, научный багаж которых укладывался в рамки Краткого курса истории ВКП(б), но стоявшие у руля науки, навязали свои замшелые представления специалистам-историкам». Как было сказано, главными научными оппонентами «нового направления» были такие ученые как И. Д. Ковальченко и тот же В. И. Бовыкин, про которых нельзя сказать, что их «научный багаж ... укладывался в рамки Краткого курса истории ВКП(б)»⁶⁴³.

Фактически Волобуев пошел по пути Анфимова: молча отказался от главного элемента концепции, не признав ошибки. Отметим, что у него было определенное право это сделать потому, что в своих работах Волобуев не формулировал тезиса о «консервации» и нес за него ответственность только как соавтор разделов шестого тома «Истории СССР с древнейших времен...» и ряда других коллективных трудов, редактором которых он являлся.

К. Н. Тарновский такого права не имел. Тем не менее в статье «В преддверье Октября» он так описал события рубежа 1970-х гг.: «В 1969 году в Свердловске на сессии Научного совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции специально рассматривались предпосылки победы Великого Октября под углом зрения взаимодействия социально-экономических укладов. В 1972 году вышел из печати в Свердловске сборник материалов конференции «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности». Эта дата – 1972 год – стала и датой прекращения разработки названной проблемы: сборник был подвергнут разносу, разрабатывать проблему стало невозможно». И далее автор поставил и ответил на вопрос: «О чем шла речь в свердловском сборнике? О *многоукладности* российской экономики и попытке осмыслить развитие России *в целом*. ... Главное было *понять* известное ленинское положение о том, что отсталость России своеобразно слила

⁶⁴³ Волобуев П. В. Великий Октябрь \\\ Наука и жизнь... С. 8–14.

пролетарскую войну против буржуазии с крестьянской войной против помещиков. Казалось бы, *несоизмеримые* вещи соединились и обеспечили победу в 1917 году. И когда все эти вопросы были обсуждены, стало очевидно, что Россия была моделью всего тогдашнего разнородного мира. В ее развитии проявились закономерности развития стран Запада и Востока. Соответственно, Октябрь выразил все эти закономерности в единстве»⁶⁴⁴.

К такой трактовке событий можно предъявить много претензий. Например: в чем была проблема с *пониманием* действительно широко известного ленинского положения, что отсталость России своеобразно слила пролетарскую войну против буржуазии с крестьянской войной против помещиков? Его разделяли все крупные историки в 1920-е и 1930-е гг., что отразил и закрепит «Краткий курс» в тезисе об «общем революционном потоке». Какое новое понимание этого положения предложили Тарновский и его коллеги? В их работах конца 1960-х гг. это предложение не прослеживается. Много вопросов вызывает и тезис о том, что в развитии России проявились закономерности развития стран Запада и Востока, которые плохо совместимы друг с другом. Но главная претензия – та же, что и к статье Волобуева: Тарновский ни слова не сказал, что на конференции в Свердловске сторонники «нового направления» защищали тезисы о «консервации» крепостнических укладов новейше-капиталистическим укладом, о неспособности капитализма в России преобразовать крепостнические уклады, о «порочном круге», «кризисе системы» тупикового характера, о незавершенности периода перехода России от феодализма к капитализму и т. п. В статье 1987 г., когда ничто ему не мешало, историк не сделал даже попытки защитить ни одно из указанных положений. И эта ситуация ясно показывает, что «похороны» «нового направления» как научного течения действительно состоялись и были исполнены руками его главного историографа.

Как уже говорилось, Тарновский и его коллеги имели право на ошибку, которая возникла в процессе преодоления крайностей «школы Сидорова». Эта ошибка должна была быть исправлена в ходе нормальных научных дискуссий. Административное вмешательство в этот процесс было крайне вредным и пагубно отразилось на судьбах целого ряда историков. Тем не менее, обнаруженную ошибку надо было признавать ошибкой, иначе процесс ее преодоления мог быть неоправданно долгим.

⁶⁴⁴ Тарновский К. Н. В преддверье Октября... С. 77.

К чести редакции журнала «Вопросы истории» Бовыкин получил возможность ответить на статью Поликарпова, сотрудника редакции. В своем ответе Бовыкин отмел все обвинения в участии в административных гонениях на сторонников нового направления и показал некорректность приемов критики, которые применял его оппонент. Он повторил свою позицию по отношению «новому направлению», которую изложил в книге, и которую мы разобрали при анализе последней, выявив свое согласие и несогласие по конкретным вопросам.

Для нас важным было свидетельство Бовыкина, что «ни в дискуссии 9–10 марта 1972 г. в Институте истории СССР, ни в обсуждении и постановлении Бюро отделения истории АН СССР 4 июля 1972 г., ни в тогдашних критических выступлениях печати вопрос о "новом направлении" и применении "теории многоукладности" в изучении экономики предреволюционной России вообще не затрагивался, а на совещании в ЦК КПСС 21–22 марта 1973 г. его коснулись некоторые из выступавших как бы в дополнение к обсуждавшимся там центральным проблемам»⁶⁴⁵. Это подтверждает наш вывод о том, что в тот период консервативное крыло историков и партийных идеологов видели опасность в тех новых трактовках, которые появились в вопросах, связанных с *социально-политической, а не с экономической историей* Русской революции. «Новое направление» во многом стало сопутствующей жертвой по вине М. Я. Гефтера, который напугал партийных идеологов требованием «нового прочтения» Ленина и тезисом о «сжатии ядра» марксизма. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что Волобуев рассматривался как неформальный глава «нового направления», и негативное отношение консерваторов к статьям Волобуева, посвященным проблемам социально-политической истории Русской революции, распространялось и на тех, кто занимался экономическими проблемами.

Редакция опубликовала и письмо **Волобуева**, который защищал позицию Поликарпова и обвинял Бовыкина в участии в административном преследовании сторонников «нового направления». При этом Волобуев вновь уклонился от того, чтобы сообщить читателям о том, какие же основные положения отстаивали сторонники «нового направления». Он настойчиво утверждал, что это направление подверглось разгрому по причине обращения к проблеме «многоукладности». Вот его вывод: «Заканчивая разговор о многоукладности, хотелось бы сказать, что в силу ряда причин *именно она*

⁶⁴⁵ Еще раз к вопросу о «новом направлении» // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 168–169.

послужила удобным предлогом для разгрома "нового направления"»⁶⁴⁶. Однако, как было сказано ранее, в постановлении Бюро отделения истории АН СССР 4 июля 1972 г. и в критических выступлениях в печати никакой критики концепции «многоукладности» не было. Полезность ее использования никем не отрицалась. Волобуев в своем письме явно не хотел говорить о том, что стало объектом критики, и в этой связи весьма неточно излагал взгляды своих сторонников.

Примером того, как это делалось, стали строки, посвященные взглядам свердловского историка В. В. Адамова. Справедливо возмущаясь трагической судьбой этого ученого, уволенного с работы и вскоре умершего, Волобуев пишет: «К слову сказать, и в наши дни Бовыкин продолжает считать ошибочными высказывания Адамова о многоукладности, хотя они при творческом и современном прочтении таковыми не являются»⁶⁴⁷. Однако, как мы видели при анализе материалов свердловской конференции, высказывания Адамова касались не «многоукладности». Вопросы вызывал его тезис о том, что к 1917 г. капитализм в России еще не победил: «Крупный капитал в России, — писал Адамов, — хотя и обладал массой привилегий, все же не сложился в силу, способную преобразовать весь ее строй. Экономика страны *до самой революции* носила *переходный* характер»⁶⁴⁸. С этой оценкой надо либо согласиться, либо признать ее ошибочной. Какое может быть ее иное творческое прочтение? Волобуев не объяснил. Но на следующих страницах он осудил Бовыкина за тезис о том, что сторонники «нового направления» рассматривали многоукладность как *совокупность укладов, ни один из которых не был господствующим*. «Это сущая неправда, — писал Волобуев, — для всех нас положение о господстве капитализма, о ведущей роли капиталистического уклада в экономике страны было аксиомой»⁶⁴⁹. Тем не менее тезис Адамова о «переходном характере» экономики России, по меньшей мере, ставил под вопрос эту аксиому, равно как и позиция А. М. Анфимова, который отрицал господство капитализма в самой большой отрасли экономики — в аграрной. А как быть с тезисом о том, что «социально-экономическое развитие по пути капитализма *не могло преодолеть многоукладности* российской эконо-

⁶⁴⁶ Еще раз к вопросу о «новом направлении»... С. 183.

⁶⁴⁷ Там же. С. 182.

⁶⁴⁸ Предисловие // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности... С. 10.

⁶⁴⁹ Еще раз к вопросу о «новом направлении»... С. 183.

номики»? Напомним, что он был сформулирован в шестом томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», редактором которого был Тарновский, а одним из авторов соответствующего раздела – Волобуев⁶⁵⁰.

Волобуев обвинил Бовыкина в том, что тот неправильно представил позицию Анфимова 1980-х гг., поскольку Анфимов был *вынужден* отказаться от своих прежних взглядов⁶⁵¹. Однако, как мы видели, Анфимов в книгах, написанных еще в начале 1960-х гг., не мог обосновать свой тезис о доминировании «крепостнических» форм аренды, поскольку собранный материал им противоречил. На фоне работ Ковальченко, вышедших в 1970–1980-е гг., позиция Анфимова о некапиталистическом характере аграрного сектора выглядела слабой. Анфимов отказался только от того, чего не мог защитить.

В конце письма Волобуев сформулировал суть основных расхождений между Бовыкиным и представителями «нового направления», заявив, что «она состоит в разной оценке уровня и характера (типа) капиталистического развития России, то есть степени ее готовности к социалистическому преобразованию в 1917 году. Он (имеется в виду Бовыкин – В. К.) и его сторонники выводили и выводят Октябрьскую революцию напрямую из зрелости материальных предпосылок социализма. "Новое направление" и историческая практика показали всю несостоятельность и узость этой посылки»⁶⁵².

Что можно сказать по поводу такой оценки? Во-первых, в ней вновь умалчивается о тех положениях, которые защищали сторонники «нового направления» при оценке уровня и характера развития капитализма в России, и с которыми был не согласен Бовыкин. Во-вторых, как мы показали ранее, в своей книге, которая стала объектом критики, Бовыкин ясно показал, что он пересмотрел основную позицию «школы Сидорова» и принял тезис о существовании в России только минимума первоначальных предпосылок для осуществления переходных шагов к социализму.

Член-корреспондент АН СССР **Е. И. Дружинина**, жена и соратник академика **Н. М. Дружинина**, предоставила редакции запись, сделанную мужем в марте 1973 г., в которой он сформулировал свое отношение к проблеме многоукладности, к спорам Бовыкина и Ковальченко с представителями «нового направления». Запись не оставляет сомнений, что Н. М. Дружинин поддержал В. И. Бовыкина и не поддержал авторов сборника, опубликованного по итогам

⁶⁵⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. 6. С. 338.

⁶⁵¹ Еще раз к вопросу о «новом направлении»... С. 181.

⁶⁵² Там же. С. 183.

конференции в Свердловске (1969). По мнению Дружинина, «всякий читатель этого уральского сборника, следя за полемикой между сторонниками двух разных точек зрения, убеждается, что под многоукладностью разумеется (оппонентами В. И. Бовыкина) не только сосуществование различных укладов и борьба между ними, но, в сущности, и отсутствие созревшего, победившего капитализма»⁶⁵³. Иными словами, Дружинин, вслед за Бовыкиным, не увидел у представителей «нового направления» той «аксиомы», о которой говорил П. В. Волобуев. В тексте Дружинина доминирует мысль, что в пореформенный период «капиталистический уклад постепенно подавлял, ослаблял остальные уклады». Эта мысль была несовместима с тезисами о «консервации»⁶⁵⁴. Таким образом, с научной точки зрения Бовыкин выиграл этот спор.

Доминирующая позиция. Несмотря на столь острую полемику, сопровождавшуюся личными нападкамии, которая изложена ранее, к концу 1980-х гг. наблюдается формирование в историографии доминирующей позиции, которая преодолела крайности как «школы Сидорова», так и «нового направления» в трактовке предпосылок и причин Русской революции. Эта позиция была сформулирована во вступительной статье, написанной на основе целого ряда специальных статей, энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», опубликованной в юбилейном 1987 г.

Промышленность и банковский сектор характеризовались такими оценками: на рубеже IX–XX вв. Россия *одновременно* с наиболее развитыми капиталистическими странами вступила в империалистическую стадию; по уровню концентрации капитала Россия стояла впереди некоторых развитых капиталистических стран; банковский капитал срачивался с промышленным, возникал финансовый капитал, который всё более завоёвывал важные позиции в экономике; происходил процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, ускорившийся во время войны потребностями мобилизации и регулирования экономики; Россия была страной со *среднеразвитым уровнем* промышленности.

Отсюда делался вывод: «степень монополизации промышленности, концентрации банковского капитала, уровень развития гос.-монополистич. капитализма свидетельствовали о том, что материальные предпосылки соц. революции в России созрели. Сложились объективные условия для революционного перехода к социализму». Иными словами, объективные условия выводились из

⁶⁵³ Еще раз к вопросу о «новом направлении»... С. 179.

⁶⁵⁴ Там же.

степени зрелости новейших форм капитализма в промышленности и банковской сфере. При оценке уровня развития капитализма в России говорилось о среднем уровне развития только применительно к промышленности, а не к экономике страны в целом.

Далее речь шла о многоукладном характере экономики России, но вместо термина «уклад» использовался термин «форма»: «Передовой пром. и финанс. капитализм сочетался с отсталыми формами с. х-ва. Наряду с монополистич. формами капитализма на больших территориях ещё только складывались капиталистич. отношения, высокоразвитые формы капитализма переплетались с домонополистич., а капиталистич. отношения – с сильнейшими пережитками крепостничества».

При характеристике сельского хозяйства акцент делался на существование крупного помещичьего землевладения и растущее малоземелье крестьян, которое вынуждало их арендовать у помещиков землю на кабальных условиях. Отмечалось тяжелое положение деревенской бедноты, составлявшей 65 % сельского населения. Беднота оценивалась как надёжный союзник рабочего класса, который «экономически господствовал над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма», «выражал действительные интересы громадного большинства трудящихся».

Подчеркивалась важность национально-освободительного движения. Отмечалась значительная зависимость от иностранного финансового капитала. Общий вывод гласил, что в начале XX в. Россия стала *узловым пунктом противоречий* мирового империализма, наиболее *слабым его звеном*.

Исходя из такой характеристики социально-экономической ситуации в России накануне революции, авторы статьи пишут, что глубокое понимание диалектики социально-экономических отношений позволило Ленину сделать вывод: «...Отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков» (т. 38, с. 306). Всё это ставило в порядок дня бурж.-демократич. революцию с перспективой перерастания её в соц. революцию»⁶⁵⁵.

Отметим, что позиция, сформулированная в энциклопедии, в целом совпадала с той позицией, которую сформулировал В. И. Бовыкин в заключении своей книги 1988 г.: «Россия начала XX в., олицетворявшая собой основные тенденции развития тогдашнего мира и его диспропорции, стала средоточием

⁶⁵⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. 3-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия. 1987 г. С. 9–10.

экономических, социальных и политических противоречий, свойственных мировой капиталистической системе. То были прежде всего противоречия самого капитализма, вступившего в свою высшую стадию, а также противоречия, порождавшиеся нерешенностью буржуазно-демократических задач. Сплетение их в единый узел, имевшее результатом превращение России в слабое звено мирового капитализма, создало условия для назревания здесь социалистической революции»⁶⁵⁶. Оценка Бовыкина еще раз показывает, что чрезмерное преувеличение степени зрелости предпосылок для социалистической революции в России, характерное для «школы Сидорова», осталось в прошлом. А последние статьи Тарновского показали, что крупнейший историограф «нового направления» не стал защищать его основные позиции.

⁶⁵⁶ Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений... С. 143.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как отмечалось во Введении, в нашей книге рассмотрены историографические трактовки далеко не всех причин Русской революции. Акцент был сделан на анализе тех споров, которые шли по проблемам, связанным с трактовками причин *социально-экономического* характера. Именно они раскрывают, с одной стороны, объективные *противоречия*, порождающие революцию, а с другой стороны, определяют объективные *возможности* для разрешения этих противоречий. Иными словами, от трактовки причин *социально-экономического* характера более всего зависят ответы на ключевые вопросы об *исторической закономерности и необходимости* как ее Февральского, так и Октябрьского этапов Русской революции. В этой связи вопросы социально-политического характера рассматривались только как элементы общих концепций революции, выдвигаемых разными историками.

Все спорные позиции определились уже в 1920-е гг. Такой ход событий не был удивительным, потому что споры историков 1920-х гг. фактически продолжали споры политиков, которые шли накануне, в ходе и после победы Октября – финального результата Русской революции. При этом в ряде случаев видные политики превращались в историков, а видные профессиональные историки выступали в годы революции как политики, а после нее вновь превращались в историков, которые стремились отстаивать свои взгляды как политиков. Речь идет о таких историках как Н. А. Рожков и М. Н. Покровский. К числу политиков, создававших концепции истории революции, следует отнести Ленина, Сталина и Троцкого. Отметим, что взгляды Ленина разбросаны по многим статьям и выступлениям и никогда не были сведены автором в единое целое. Сталин изложил свои взгляды в брошюре «Об основах ленинизма», а затем выступил как редактор первого тома «Истории гражданской войны в СССР» и знаменитого «Краткого курса», в котором специальные главы посвящены трактовке истории Русской революции и ее причин. Троцкий написал специальную и весьма объемную книгу по истории Русской революции, которая содержала много интересных и глубоких оценок, но пострадала в результате противоречий, присущих автору: Троцкий-теоретик (автор теории «перманентной революции») вступал в противоречия с Троцким-историком (участником событий, разворачивавшихся не так, как следовало по теории «перманентной революции»).

При всех различиях, которые очевидны в работах названных авторов, они были едины в том, что осторожно оценивали степень зрелости объектив-

ных предпосылок Октябрьской революции. Они делали акцент на ее *исторической необходимости*, обусловленной глубоким кризисом, созданным Первой мировой империалистической войной (Октябрь как предотвращение «грозящей катастрофы»), и шире – эпохой империализма в целом. Эта эпоха создавала прямую угрозу коренным национальным интересам России, отстававшей от развитых капиталистических стран («догнать или погибнуть»). Неслучайно, что именно эти причины были выдвинуты Лениным как главные с точки зрения внутреннего фактора уже в марте 1917 г., приняты партией большевиков в апреле на VII Всероссийской конференции РСДРП(б), подтверждены в июле–августе 1917 г. на VI съезде РСДРП(б), а также в радикальной форме сформулированы в последних заметках Ленина («О нашей революции»), продиктованных в январе 1921 года.

В тоже время уже в 1920-е гг. группа молодых историков, занявшись изучением монополий и банковской сферы в предвоенной и военной России, пришла к выводу, что Ленин был прав в своих сентябрьских (1917) оценках, говоря о монополистическом характере российского капитализма и его перерастании в государственно-монополистический капитализм. Этот вывод способствовал весьма оптимистической оценке степени зрелости российского капитализма для социалистической революции.

В середине 1930-х гг. Сталин высказался за более сдержанную оценку степени зрелости материальных предпосылок социалистической революции в России и потребовал от историков показать необходимость Октябрьской революции для устранения растущей «полуколониальной» зависимости России от иностранного капитала и освобождения народов России полуколониального гнета со стороны правящих кругов царской России. Сталин принял точку зрения видного историка-экономиста П. И. Лященко, который был одним из главных авторов тезиса о России как «полуколонии», хотя никогда не понимал его буквально и рассматривал ее как одну из великих военных держав, занятых разделом и переделом мира. Лященко был соавтором (наряду с Н. Н. Ванагом) еще одного важного тезиса – о «военно-феодалном империализме», применив ленинский термин не только для характеристики надстройки (=царизм), но и предвоенного российского социально-экономического строя в целом. Как и Ванаг, Лященко стремился при помощи этого тезиса показать сближение и переплетение задач буржуазно-демократической революции в России с пролетарской. Однако термин «военно-феодалный империализм» превращал Русскую революцию в *нацио-*

нально-особенный феномен и ставил под вопрос международное значение ее опыта. Сталин учел эти недостатки и в «Кратком курсе» не использовал понятия «военно-феодальный империализм» даже для характеристики царизма. Сталин оценил Россию как «звено» и «узловой пункт противоречий» мировой системы империализма. Такой подход подчеркивал международное значение Октября как революции, обусловленной общемировыми процессами. Тем не менее термин «военно-феодальный империализм» использовался в научной литературе 1940-х – начала 1950-х гг. благодаря огромному авторитету Лященко, который в 1949 г. получил Сталинскую премию за свою книгу «История народного хозяйства в СССР».

После XX съезда КПСС сложилась «школа Сидорова», во главе с одним из молодых историков 1920-х гг., высоко оценивавших уровень развития российского капитализма. Глава школы А. Л. Сидоров в 1950-е гг. стал директором Института истории АН СССР и много сделал для организации активного изучения эпохи империализма в России. Выступив против тезисов Лященко, Сидоров предложил два других тезиса, ставших основными в «школе Сидорова»: 1) Россия экономически созрела для социализма; 2) российский империализм по своей экономической природе принципиально *не отличался от новейшего капиталистического империализма*, свойственного другим странам. Однако эти тезисы не получили всеобщей поддержки, поскольку они явно завышали уровень развития российского капитализма и преуменьшали его национальные особенности. Сразу после смерти Сидорова в 1966 г. его школа распалась. Группа историков во главе с П. В. Волобуевым создала так называемое «новое направление» и, изучая историю России в рамках концепции «многоукладности», выдвинула очень спорные и в основном умозрительные тезисы о неспособности российского капитализма преодолеть полуфеодальные пережитки, о «консервации» этих пережитков российским монополистическим капиталом. Возникшие научные споры были осложнены ненаучными факторами, которые привели к административному разгрому «нового направления» к 1974 году.

Тем не менее споры продолжились. Главную роль в этих спорах играли историки-аграрники И. Д. Ковальченко и А. М. Анфимов. Большая работа, проделанная командой Ковальченко и собственные изыскания Анфимова привели последнего к фактическому признанию ошибочности тезиса о «консервации», который и составлял основу «нового направления».

В итоге в результате острых споров к концу 1980-х гг. сложилась достаточно сбалансированная точка зрения. Она учла результаты работы «школы Сидорова», показавшей реальное существование структур и элементов монополистического капитализма в решающих отраслях промышленности и финансовом секторе, создавших объективную возможность быстро поставить под контроль новой власти «командные высоты» в экономике. В то же время были учтены итоги изучения аграрного сектора, которые показали, с одной стороны, нарастающий процесс капиталистического развития во всех отраслях и сферах сельского хозяйства, а с другой стороны, нарастающие противоречия в деревне, где набирали потенциал две социальные войны. Такая же социальная война нарастала и в городе. В итоге любой серьезный кризис власти закономерно вел к радикальной революции, в которой задачи буржуазно-демократического характера сближались и переплетались с задачами социалистического характера.

Если говорить по существу вопроса о причинах и предпосылках Октября то, по нашему мнению, наиболее правильную историографическую позицию занимали Ленин, Сталин, Рожков, Покровский, Лященко, Ковальченко и Волобуев, которые признавали *минимум* объективных предпосылок для проведения социалистической революции в России через *серию переходных шагов*. Неправы Анфимов и Гефтер, преувеличившие тормозящую роль «феодалных пережитков», что превращало Октябрь в модель революции «третьего мира». Неправы Бовыкин и Тарновский, которые долго оставались верными учениками Сидорова и последователями его тезиса об экономической зрелости России для социализма. Наиболее противоречивой была позиция Тарновского, который хотел соединить в единое целое позиции «школы Сидорова» и «нового направления». Отметим, что по своим историографическим позициям Тарновский был ближе к Бовыкину, чем к Волобуеву, Анфимову и Гефтеру, поскольку последние три историка не поддерживали тезисы об экономической зрелости и принципиальной однотипности монополистического капитализма в России и на Западе. Вот такие причудливые зигзаги выписывала историографическая мысль в вопросе о предпосылках и причинах Русской революции. Однако в ходе взаимной критике позиции сторон постепенно сближались.

Историографический анализ политических причин Русской революции заслуживает самостоятельной работы. Однако этот анализ имеет смысл только при опоре на анализ причин *социально-экономического* характера.

Научное издание

Калашников Владимир Валерьянович

**Причины Русской революции:
советская историография 1917–1991 гг.**

Компьютерная верстка Е. С. Николаевой

Редактор О. Р. Крумина

Подписано в печать 28.12.20. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 17,25.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.) Заказ ???.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5